

ПИОНЕР

ИЮЛЬ 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

ЖЕЛАЕМ
УСПЕХА
ДЕВЯТОМУ
ВСЕМИРНОМУ!

ПИОНЕРСКИЙ
САЛЮТ
ДЕЛЕГАТАМ
ФЕСТИВАЛЯ!

Побывать на фестивале! Побродить вместе с делегатами по улицам Софии, — кто не мечтает сегодня об этом! Посмотри на наш план фестивальной столицы, где сейчас в гостях флаги больше чем ста стран. 28 июля на стадионе звуки фанфар возвестят о торжественном открытии праздника юности. Видишь, площадь «Народное Собрание»? Там делегаты соберутся на митинг солидарности с героическим народом Вьетнама. Самый большой в Болгарии зал «Универсиада» станет центром Праздника песни и красочных балов. Дворец пионеров покажет делегатам международную выставку детского рисунка. Юные димитровцы встретят тут деле-

София — столица фестиваля

гацию вьетнамских ребят. А в Софийском университете — он тоже нарисован на плане — молодые ученые и студенты разных стран проведут дискуссии о правах молодежи, о ее борьбе за мир и национальную независимость. Большим карнавальным гуляньем, музыкой, танцами, фейерверком на улицах и площадях города закончит свою работу IX Всемирный фестиваль молодежи.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

И Ю Л Ь 7

Издательство «Правда»
1968 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Посвящается памяти отца

Представление

Сергей Алексеевич Князев прослужил в армии почти пятьдесят лет и вышел в отставку. Был он одинок, жена у него умерла давно, оставив ему сына Витьку, который еще мальчиком погиб в самом начале войны.

Сам он был еще крепок, молчалив и резковат, но доверчив и простодушен был, как ребенок. Правда, об этом никто бы никогда не догадался по его внешнему виду. Пока Сергей Алексеевич служил в армии, все шло привычно и обязательно, он никогда не оставался без дел и даже ни разу не был в отпуске. Но как только вышел в отставку, воспоминания о прошлом так овладели им, что и составляли в единственном числе его занятия. Человеческое, вечное вышло у него на

первый план, а то военное, хотя и главное, которое составляло его суть, постепенно стало затухать в нем.

Вдруг Сергей Алексеевич понял, что все эти военные просчеты и ошибки, и это восхищение стратегией и тактикой, и эти блистательные победы, которые были в его жизни, отошли куда-то, испарились. Теперь он если и вспоминал войну, то не ее саму, а людей, страдавших и умиравших рядом с ним, и то, во имя чего они это делали.

Сергей Алексеевич постепенно стал отходить от своих друзей, а прошлое все больше обволакивало и испепеляло его душу. Покоя и равновесия в нем не было, он жил в каком-то тревожном ожидании.

И вот однажды, будучи в таком состоянии, он собрал свой нехитрый, по-военному скромный багаж и уехал, никому не доложив куда и зачем.

Если бы его маршруты нанесли на карту по всем военным правилам, то они бы произвели странное впечатление на специалистов. На этой карте одно место было бы отмечено красным флажком, где-то на территории Латвии, это было место гибели сына, к нему бы вела красная стрела, обозначающая главное направление поездки, цель ее. Но Сергей Алексеевич не прочертил этой красной стрелы. Он много раз почти достигал флажка, потом резко забирал в сторону и оказывался в каком-нибудь городке, где когда-то раньше жил с сыном. И сюда, к Черному морю, он приехал, потому что бывал здесь с Витькой.

Туда же, на место гибели сына, ехать пока не решался, ибо этим закончилась бы его Одиссея.

Постоянные гости

Сергей Алексеевич проснулся, открыл глаза, но в них еще было то испуганное выражение, какое сохранилось от сна. Он посмотрел на солдатскую фотографию, висевшую над его кроватью, протянул руку — у него большая, перевитая узловатыми венами рука, со старческими прогалинами на коже, — и снял фотографию. Смахнул с нее пыль: видно, фотография висела здесь по привычке, и никто ее не протирал. Теперь это будет его забота.

Сон еще не ушел от него, и какая-то старая, печальная военная песня, может быть, времен гражданской войны, звучала в нем. Ну да, кто-то играл на трубе. Опять на трубе. Все песни, которые он иногда вспоминал, хотел он этого или нет, «играют» в нем на трубе. На одинокой, печальной военной трубе. А, может быть, в нем и звучала-то всего одна и та же песня, только он не признавал себе в этом.

Сергей Алексеевич долго, будто нехотя, возвращался к повседневной жизни, и лицо его приобретало обычное, замкнутое, несколько чопорное выражение.

Витька тогда сказал ему: «Ты не волнуйся, я ловкий. Я осторожно. И наган у меня есть». А он ему ответил: «Наган оставь». И больше он тогда не нашел никаких слов.

Сон, кажется, ему приснился только что, под утро. Ему приснилось, что он стоял в углу комнаты в брюках, но в нижней рубаше и к рубаше были приколоты ордена, и иногда эти ордена, цепляясь друг за дружку, издавали легкий звон. А потом нараспашку открылась дверь, точно дунул сильный порыв ветра, и на пороге появился солдат.

Он его сразу узнал: это был хозяин дома. У солдата на одном плече был вещевой мешок, на втором — шинель в скатке...

Он стоял неслышно и наблюдал за солда-

том, он-то хорошо знал это ощущение возвращения домой после долгого и тяжелого расставания, и не хотел ему мешать. Он-то хорошо понимал, что значит попасть в ту самую комнату, которая десятки раз представлялась там, на фронте, в холод и мороз, и в минуты передышки в бою или в забытии, когда ты чувствуешь, что уходишь из жизни... Вот солдат провел рукой по столу и подумал, видно, что скоро сядет за этот мирный стол, и пальцы, что трогали простую, грубую клеенку, слегка дрожали от волнения... Потом подошел к старому, самодельному комоду и улыбнулся ему, как давнему забытому приятелю... И тут солдат заметил его...

И хотя он никогда раньше не встречался с этим солдатом, лицо его показалось ему до боли знакомым: усталое, уже немолодое, и эти говорящие глаза, и эти усы с прокуриной...

«Значит, все же вернулся», — сказал он.

«А ты кто такой?» — вместо ответа строго спросил его солдат по праву хозяина.

«Это я, Приходько, твой комдив, — сказал он. — Неужели не узнал?»

«Товарищ генерал?! — радостно ответил солдат. — Вот это встреча!»

«Знаменитый Приходько, который прошел всю войну...»

«А все потому, товарищ генерал, что всегда имел в запасе сухие портянки и кое-какую жратву... Извините за грубость...»

Солдат снял с плечей вещевой мешок, скатку и выложил на стол хлеб, кусок сала, луковицу, банку консервов и флягу. Когда он вытащил флягу, то нарочно тряхнул ее, и во фляге булькнуло. Потом решил взять стопки и удивленно посмотрел на новенький сервант: вовек таких не видывал в этом доме.

«Чудеса в решете», — сказал солдат, робко отодвинул стекло серванта и заглянул внутрь: нет ли там стопок, позади нарядных вьюнок?

Солдат оглянулся и виновато посмотрел на него.

«Куда-то подевались стопки, — сказал солдат и негромко позвал: — Машенька!»

Никто не отозвался.

«А хозяйка здесь Егоровна», — сказал он.

«По отчеству Егоровна, — ответил солдат и добавил с нежностью: — А зовут ее Машенькой... — Отвинтил пробку фляги, налил по рюмке и сказал: — С возвращением».

И они выпили и стали молча закусывать...

«Вот теперь вы мне скажите по совести, товарищ генерал, забыла меня жинка или не забыла?»

«Как же забыла, когда вот на самом видном месте твоя фотография», — сказал он.

Солдат внимательно посмотрел на фотографию.

«Хорошо, что не забыла... Для нас, для солдат, самое главное... А вы, товарищ генерал, что делаете в наших краях?»

«На пенсии я... Вот и блуждаю по свету...»

«А войну часто вспоминаете?»

«А что ее вспоминать, — вся в прошлом...»

«Вот как, — зло сказал солдат и встал. — Вот этого я от вас не ожидал... — Торопливо сложил вещи обратно в мешок. — Выходит, мертвым гнить, а живым жить».

Солдат вскинул мешок за плечо, подцепил скатку и пошел к выходу, стараясь не задеть его рукой...

«Приходько, постой, — виновато попросил он и сказал ему слова, которые должны были как-то оправдать его: — Просто мне не с кем вспоминать... Один остался»...

Солдат решительно вышел из комнаты. Он увязался за солдатом. Но тут услышал Виткин голос, который звал его: «Па-па! Пап!», — и стремительно оглянулся.

Витка приснился ему совсем мальчонкой: худеньким, с редкими веснушками и лохматыми бровками, одетым в матросский костюмчик, а не парнишкой, каким он его так хорошо помнил.

Он бросился навстречу, хотелось поскорее добежать до него, дотронуться, поднять на руки, но Витка обежал его и стал нагонять солдата. Он поспешил за ними, и они оказались на той самой поляне, где погиб Витка, и он снова, в какой раз, увидел колокольню, на которой стоял немец с автоматом. И он хотел крикнуть, чтобы предупредить об опасности, но крика у него не получилось, попытался догнать их, чтобы схватить за руки и повалить на землю, но не догнал... А они тем временем уже бежали по полю, на котором паслось стадо коров, и им наперерез неслись немцы на танках и мотоциклах, и коровы в страхе гулко мычали и разбегались в разные стороны...

Сергей Алексеевич услышал чьи-то торопливые шаги и без всякого любопытства высунулся в окно: мимо прошел белоголовый парнишка лет двенадцати. Одет он был явно не по погоде и слишком торжественно для столь раннего часа: в форменном школьном костюме, в начищенных ботинках и в белой нарядной рубашке. В руке парнишка нес небольшой букетик цветов.

«Видно, идет кого-то встречать на пристань», — подумал Сергей Алексеевич. На секунду их взгляды встретились, в такую рань это было не удивительно, и ему показалось, что он где-то видел этого парнишку.

Коля

Коля вышел из дому так рано, потому что шел встречать своих родителей, отца и мать, которые должны были приехать за ним. Он не видел их целый год, подумать только, с прошлого лета, когда они приезжали в очередной отпуск с дальнего севера.

Коля знал, что родители его сегодня не приедут, он только недавно получил от них письмо, что они собираются в дорогу. Но он проснулся непривычно рано, его разбудил призывный, жалобный гудок парохода. И он подумал: «А вдруг...», — быстро оделся и убежал на улицу.

Теперь, когда он был на улице, он понял, почему так монотонно трубил пароход: на море стоял густой туман и по улицам полз низкой, легкой дымкой. Туман был как живой, двигался, двигался, обволакивая дома, и Коля шел в этом тумане. Одиноким, в пустынном городе. Он почему-то вспомнил старика, которого только что видел в окне, как вспоминают какую-нибудь картину или фотографию, чем-то удивившую, и тут же снова забыл.

Прошел, не оглядываясь, мимо непривычно молчаливого кино, мимо полуразрушенной церкви и новенькой, с иголки, школы, мимо шатра передвижного цирка, обклеенного афишами, и остановился около рыбного магазина, чтобы посмотреть на аквариум. Большая блинообразная камбала тыкалась в стекло аквариума и устало шевелила ртом.

Это было второе живое существо, которое бодрствовало на его пути. Старик, и теперь эта рыба.

Где-то отрывисто и коротко рявкнул гудок, и Коля, сорвавшись с места, побежал к причалу.

В глаза ему ударило ослепительное солнце, оно пробило плотный туман и ослепило, озарило его, и настроение у него улучшилось, потому что прямо перед глазами маячил двухтрубный лайнер «Адмирал Нахимов».

На причал вышли первые пассажиры. Они обнимались, громко хохотали и возбужденно разговаривали. И Коле интересно было на них смотреть: он любил, когда люди радовались. Какой-то приехавший папаша в восторге посадил сына на плечо, и Коля вспомнил, что так же когда-то и его носил на плече отец.

...и Витка

Сергей Алексеевич вышел из дому. С утра у него было такое настроение, что впору было уехать. И это было бы самое правильное, а то он превратится в отдыхающего. А это ему неприятно, не за тем он сюда приехал, чтобы отдыхать. Он бы уехал сегодня дальше, может быть, прямо к Витке, если бы не пообещал выступить перед ребятами в местном пионерском лагере. Привык по-военному выполнять свои обещания. А выступит — и сразу уедет. Непременно.

Между тем городок потихоньку просыпался. Все больше появлялось людей на набережной.

режной. Они прогуливались, разговаривали, дремали под солнцем на скамейках.

Сергей Алексеевич возвышался на голову над всеми: и ходил он так значительно и так опирался на палку, что казалось, будто он шел куда-то по очень важному, почти трагическому делу. Может быть, поэтому ему все уступали дорогу, хотя он даже этого не замечал, занятый своими мыслями.

Сергей Алексеевич дошел до порта и опустился на скамейку. Было уже жарко, и он снял маленькую кепочку, которую носил, сдвинув низко на лоб, и подставил солнцу седую голову.

Хозяйка предлагала ему зонтик. Просто смешно. Увидел бы его под зонтиком Витька, вот бы поохотал. Он под зонтиком, он, который сжигался на солнце месяцами, пропекался, можно сказать, насквозь, до костей, — и вдруг зонтик.

Нет еще такого зонтика в природе, под которым можно было спрятать сердце от пули, от людей, от горя... Он расправил плечи. Спина у него была прямая, как доска. Спина человека, который привык часами стоять в строю, маршировать на парадах, держать на караул.

— Коль-к-а-а! — раздался чей-то крик.

Около него стояли двое: широкоплечий молодой человек и мальчишка с чемоданчиком. Молодой человек нетерпеливо поглядел на часы и сказал:

— Давай, — и протянул руку за чемоданом. — Мне пора.

— Что вы, дядя Гена, — быстро ответил

Сергей Алексеевич высунулся в окно: мимо прошел белоголовый парнишка.

мальчишка и спрятал чемодан за спину. — Мы вас нагоним.

А снизу, откликнувшись на их крик, спешил тот самый белоголовый парнишка, которого он утром видел из окна. На ходу, прыгая через две ступеньки, бросил в урну букетик цветов и подбежал к своему приятелю.

— А где дядя Гена? — не отдышавшись, спросил белоголовый.

— В цирк пошел, — сказал второй.

И они убежали.

И вдруг Сергей Алексеевич понял, почему парнишка показался ему еще раньше, утром, знакомым. Ну, конечно, он похож на Витьку. Сергею Алексеевичу сразу стало нестерпимо жарко, и кровь бросилась в голову. Он медленно отвернулся, заставил себя отвернуться...

— А нарядился как, — донеслось до него. — Зря ты летаешь в такую рань к пароху. Не маленькие, сами найдут дорогу.

Сергей Алексеевич хотел повернуться и еще раз проверить себя: не обманулся ли, но сдержался. Ни к чему это. Сколько раз он уже встречал мальчишек, которые были будто бы похожи на Витьку. Он гнался за ними, пугая их, заглядывая в лица, только для того, чтобы еще раз увидеть его глаза, его губы, его лицо. Но разве принесло бы ему облегчение, даже если бы он нашел такого мальчишку?

Сергей Алексеевич закрыл глаза, увидел Витьку: его короткие бровки, упрямый подбородок и челку, спадающую на лоб. Все-таки глаза и волосы у этого прохожего мальчишки были такие же, как у Витьки.

Сергей Алексеевич непривычно резко встал, почти вскочил, точно собрался в погоню. В спешке он забыл кепку, торопливо вернулся, схватил кепку и поспешил следом за мальчишками.

Пока он их догонял, «этот» один раз оглянулся. «Ну, совсем как Витька, — подумал Сергей Алексеевич. — Витька всегда оглядывался, когда они расставались. И тогда, в последний раз, он тоже оглянулся. Он был очень бледен тогда, и синяки под глазами».

Сергей Алексеевич забыл про мальчишек и, может быть, даже не вспомнил бы про них никогда, если бы не увидел их, покупающих у киоска пирожки. Подошел к ним, тоже взял пирожок и стал жевать, поглядывая на мальчишек.

«Его», белоголовый, перехватил взгляд и сказал:

— Повидло.

— Что? — не понял Сергей Алексеевич.

В это время повидло из пирожка у него вылезло и упало на асфальт. Мальчишки рассмеялись.

— Вот видите, — сказал белоголовый. — Его надо есть с подсосом. Надкусил, потом втянул воздух, и повидло само попадает в рот.

— Спасибо за науку, — сказал Сергей Алексеевич и, сильно волнуясь, произнес: — Разрешите представиться. — Он по-прежнему представлялся по-военному, вытянувшись в рост, точно принимал рапорт, независимо от того, кто был перед ним. — Меня зовут Сергеем Алексеевичем.

Получилось как-то слишком торжественно, и мальчишки снова хихикнули.

— А вас как зовут? — спросил Сергей Алексеевич, испытывая большую неловкость.

— Коля, — ответил «белоголовый».

«Лучше бы его звали Витькой», — подумал Сергей Алексеевич.

— А это Юрка, мой братан, — сказал Коля и улыбнулся Сергею Алексеевичу.

Выражение лица его стало еще симпатичнее Сергею Алексеевичу, потому что он любил лица, которые улыбка украшала. Но он был на редкость застенчив в знакомствах, особенно с детьми, и пока он раздумывал,

что бы такое ему еще сказать, мальчишки доели свои пирожки и убежали к цирку.

Сергей Алексеевич, уже неуверенный в себе и недовольный, пошел следом. Около цирка собралась толпа людей, и оттуда до него доносился шум, гомон и смех. Он искал мальчишек, но они куда-то пропали в этой толчее.

— Что здесь случилось? — спросил Сергей Алексеевич.

— Дрессировщик из цирка ведет купать медведей, — ответила какая-то девочка.

Сергей Алексеевич решил пробраться вперед, надеясь в первом ряду толпы найти мальчишек. Впереди него стоял здоровяк мужчина с дочерью на плече, и ему пришлось его подтолкнуть, чтобы пробиться.

— Поосторожнее, папаша, — сказал здоровяк, — а то я толкну, костей не соберешь.

В другой раз Сергей Алексеевич даже не ответил бы, но тут он увидел впереди себя Колю, понял, что тот все слышал, и гневно и чуть надменно сказал:

— Поосторожнее на поворотах, молодой человек.

— Что? — переспросил здоровяк и опустил дочь на землю.

Но в это время дрессировщик, раздвигая толпу любопытных, провел мимо них медведей, и вся толпа пошла следом за ним. Сергей Алексеевич тоже было двинулся за всеми, но почему-то у него пропала охота догонять мальчишек, и он пошел домой.

Военный радист

В этот вечер ему было особенно одиноко, и когда он увидел, что над цирком зажглась световая реклама, то оделся и решил идти в цирк. Около билетерши, у входа, стояли Коля и Юрка.

— Здравсьте, — радостно сказал Юрка, вызывая к его помощи. — Нас Тиссо пригласил. Артист. А она не пускает.

— Не мешай, — сказала билетерша и отвела рукой Юрку в сторону. — И вы, гражданин, проходите! — крикнула она Сергею Алексеевичу.

— Юрка, пошли, — сказал Коля и потянул брата за рукав.

Ему явно было не по себе, а Сергей Алексеевич вдруг подумал, что было бы прекрасно взять с собой в цирк этих мальчишек, и, ни слова не говоря, торопливо прошел навстречу людскому потоку, чтобы подойти к кассе. Он даже забыл, что у него уже есть билет, протянул кассирше деньги и попросил:

— Три билета получше.

Стало хорошо оттого, что у него были билеты в руках, и сам он показался себе находчивым и хитрым: как он ловко все придумал! Но теперь и этого ему показалось мало, и он подошел к старушке, торгующей семечками,

и купил еще и семечек. Счастливым своей находчивостью и изобретательностью, повернулся, чтобы идти к мальчишкам, и обнаружил, что их около билетерши уже нет.

В одной руке у него были билеты, в другой кулек с семечками и палка под мышкой, и весь он сник как-то, растерялся, но все же подошел к билетерше и спросил про мальчишек, и та ответила ему, что пропустила их в цирк. Игра для него кончилась, и пропало желание заниматься самообманом. Он подумал о Витьке, но вдруг поймал себя на мысли, что, думая о сыне, видит перед собой Колю, и это не рассердило и не обидело его. И он пошел в цирк, а когда увидел Колю, который сидел вместе с Юркой на лестнице в проходе, обрадовался ему вновь и позвал мальчишек к себе.

Первым делом он угостил их семечками, затем решил что-нибудь сказать, но не придумал.

— А сюда не придут? — спросил Коля.

— Нет, — охотно ответил Сергей Алексеевич. — Вот билеты.

Опять наступило томительное молчание. В это время Сергей Алексеевич заметил в проходе мороженщицу и обрадованно крикнул:

— Сюда две порции! — Вскочил и пошел по узкому проходу между рядами, зацепился впопыхах за чью-то ногу, уронил палку.

«Какой неловкий стал, право, — подумал Сергей Алексеевич. — Противно самому. И нервы расшатались. То плакать хочется, то смеяться. Просто девица на выданье».

Тем временем погас свет, зажглись «юпитеры», и в цирке началось представление. В результате он остался без мороженого и с виноватым лицом вернулся обратно.

На арене выступали какие-то акробаты, но Сергей Алексеевич не видел их. Он осторожно, исподтишка, напряженным, ищущим взглядом косился на Колю. А тот, в который раз перехватив его взгляд, улыбнулся ему застенчиво, не зная, как себя вести.

«Совсем я забыл Витьку, — подумал Сергей Алексеевич. — Не виделись ведь без малого тридцать лет». Про себя он всегда думал о нем как о живом. У Витьки над левой бровью была родинка, а у Коли ее нет, и еще у него между верхними передними зубами была щелочка, и он умел петь. Когда он был еще совсем небольшой и его рано укладывали спать, то он, бывало, начинал петь и пел долго-долго, так и засыпал с песней.

Сергей Алексеевич немного успокоился и стал смотреть представление. Тем более что на арене выступал наездник-жонглер. В нем он узнал того самого молодого человека, которого видел утром с Юркой.

— Это Тиссо, — сказал Юрка с гордостью. — Он у нас живет.

В это время лошадь начала под музыку танцевать вальс, а Тиссо, стоя на ее спине,

продолжал жонглировать маленькими белыми мячами.

— Здорово работает, — сказал Коля.

И Сергей Алексеевич тоже улыбнулся, он любил лошадей. Он нагнулся к мальчишкам и прошептал:

— У меня была лошадь, еще в гражданскую, так она каждое мое слово понимала.

Тиссо в темноте жонглировал факелами, и слышно, как они потрескивают в притихшем зале, и этот прыгающий огонь и запах лошади снова отбросили Сергея Алексеевича далеко назад.

Он видел себя в Витебске. Этот город больше всего греет его сердце, потому что он там был счастлив. И он ехал верхом на лошади вверх по Гоголевской улице; она была такая крутая, что зимой на нее лошади не могли взобраться, и только Делец брал это препятствие. Потом он пересекал театральную площадь, и начинался спуск к церкви. Сергей Алексеевич себя не торопил, потому что каждая улица и каждый дом этого города утеплял его душу. Наконец он свернул на свою Володарскую и увидел Витьку. Тот стоял на своем обычном месте, поджидая его. Он подъехал вплотную к Витьке, и Делец, или, как его называл ординарец татарин Магазов, Дэлэс, коснулся губами Витькиной щеки, точно по-собачьи лизнул.

Сергей Алексеевич помнил эти встречи, каждая из них была для него живой историей, хотя сейчас они все слились в нем воедино.

Он приезжал на эти свидания с Витькой и после учений и после стычек с бандитами. Витька ждал его с восторгом, но вел себя так, точно в этих встречах самое главное было свидание с лошадью. Витька трепал ее по холке, с нежностью прижимался к морде лицом. Потом он спрыгивал на землю, подхватывал Витьку и сажал в седло. Витька был как перышко. Это ощущение невесомости сына до сих пор сохранилось у него в руках. И еще он любил подсовывать свои руки ему под мышки, чтобы почувствовать теплоту мальчишеского тела.

Коля легонько толкнул Сергея Алексеевича в бок, тот вздрогнул, оглянулся, еще не понимая, в чем дело. Около них в вежливой позе ожидающего стоял цирковой артист, сильно напомаженный, во фраке и цилиндре, с накрашенными губами. В руках он держал тоненькую серебряную флейту и размахивал ею, как палочкой.

— Он вас спрашивает, — шепнул Коля.

— Извините, — сказал Сергей Алексеевич. — Я не расслышал.

Артист улыбнулся и отдельно повторил то, что он, Сергей Алексеевич, видно, прослушал.

— Я прошу вас ответить на несколько моих вопросов. Только шепотом, чтобы не

слышала моя партнерша... Ольга Николаевна, вы готовы? — обратился он к женщине, которая стояла в центре арены с завязанными глазами.

— Нет, нет, — спохватился Сергей Алексеевич. — Я не могу вам быть полезным. — И решительно. — Нет. — Он крепко сжал губы. Ему неприятно было всеобщее внимание. Какие-то люди вставали со своих мест, чтобы увидеть его, кто-то показывал на него пальцем.

Но артист не уходил и крутил перед его носом своей серебряной флейтой.

— Я ведь, кажется, отказался, — сказал Сергей Алексеевич резко: мол, отстаньте.

И тут же постыдился собственной бестактности, которую он не терпел в других и презирал в себе, и, чтобы как-то загладить свою вину, смело встал, почтительно склонился к уху артиста, что-то ему прошептал и выразительно кивнул на Колю.

— Здравствуйте, — сказал артист Коле и предостерегающе поднял руку, чтобы Коля ему не ответил.

Артист нагнулся и о чем-то пошептался с Колей. Сергей Алексеевич прислушался, но ничего не понял.

— Ольга Николаевна, — сказал артист. — Сейчас вы нам ответите на вопросы: «С кем я разговариваю? Сколько лет этому человеку? Состав его семьи?» Запомнили вопросы? Подумайте, а я пока поиграю.

Артист приложил флейту к губам и заиграл какую-то песенку, но привычное ухо Сергея Алексеевича выхватило из мелодии сигналы морзянки. Сначала он решил, что ему показалось... Но нет: сигналы в его голове складывались в слова: маль-чик... Коля... «Всем, всем, всем, — вспыхнуло у Сергея Алексеевича в голове, — только что немецко-фашистские войска перешли границу... Веддем бой...»

Снова передал артист:

— Двенадцать лет...

«А Витьке было пятнадцать», — подумал Сергей Алексеевич.

Артист прекратил игру, посмотрел на Сергея Алексеевича, и тот улыбнулся, словно они стали соучастниками в этом представлении.

— Я могу начинать? — спросила женщина.

— Да, — ответил артист.

— Вы разговаривали с мальчиком...

Сергей Алексеевич наклонился, чтобы рассказать о своем открытии Коле, но артист сделал ему предостерегающий жест, и он промолчал.

— ...его зовут Коля, — продолжала женщина. — Ему двенадцать лет. Он живет с тетей и братом.

— Оно и видно, безотцовщина, — неожиданно сказала женщина, которая сидела впереди них. — Елозил, елозил коленками по спине.

Все засмеялись, а Коля оглянулся на Сергея Алексеевича и громко сказал:

— Это неправда. У меня есть отец.

Сергей Алексеевич волновался за артиста, ему уже по-своему стал близок этот бесхитростно раскрашенный, не очень ловкий человек, потому что он знал морзянку и, может быть, в войну служил в радистах. Артист покрутил в воздухе серебряной флейтой.

— Прошу тишины! — крикнул артист. — Ольга Николаевна, восстановите истину.

— У него есть родители, — ответила женщина. — Только они живут в другом городе.

— Верно? — спросил артист у Коли.

Тот кивнул.

Вино из Испании

Когда они вышли из цирка, было уже темно, и толпа людей начала шумно таять в этой темноте. Сергей Алексеевич старался держаться поближе к мальчишкам, чтобы не потерять их.

— Надо зайти за Тиссо, — сказал Юрка. — Я сейчас... — и убежал.

Сергей Алексеевич и Коля помолчали. Коля чувствовал себя неловко, но как уйти, не знал, и говорить о чем, тоже не знал.

— Ну как, понравилось? — спросил Сергей Алексеевич.

— Да, — ответил Коля и подумал: «Скорее бы пришел Юрка». — Мы ведь ходим в цирк каждый день. Все номера старые, только флейтист новый.

— Подружились с Тиссо? — спросил Сергей Алексеевич.

— Ага, — сказал Коля. — Он и в прошлом году жил у тети Кати, у Юркиной матери. То, что он показывает на выступлениях, — это ерунда. Вот если бы видели его на репетициях. Высший класс.

Но слова Коли отскакивали от Сергея Алексеевича. Он уже давно не был в таком тревожном состоянии, как сегодня, и испугался, что может умереть и не добраться до Витьки. Наслоение дня: сон, встреча с Витькиным двойником, цирк до крайней степени растревожили его. И флейтист у него превратился в армейского трубача, который играл на Витькиной могиле.

Вернулся Юрка и сказал, что Тиссо уже ушел. И они молча пошли дальше. Мальчишки время от времени подталкивали друг друга, идти и молчать им было трудно. Сергей Алексеевич понимал это, но разговаривать ему не хотелось.

— А этот, флейтист, — сказал Юрка. — Здорово. Надо будет спросить у дяди Гены, как они это делают.

— А ты не догадался, — ответил Коля. — Он ей сигнализировал песенкой.

— Это морзянка, — вмешался в разговор Сергей Алексеевич, — точка, тире, точка,

тире... Значит, Коля. Точка, тире, точка, точка, тире, точка, точка... Ему двенадцать лет.

— Здорово, — сказал Коля. — Вы что, радист?

— В некотором роде, — ответил Сергей Алексеевич. — Военный радист.

Артист нагнулся и о чем-то пошептался с Колей. Сергей Алексеевич прислушался, но ничего не понял.

На набережной в винном магазинчике Юрка увидел все же Тиссо.

— Вон дядя Гена, — сказал он, просунул голову в дверь и спросил: — Дядя Гена, вы домой идете?

Тиссо оглянулся и отрицательно покачал головой.

— Давай подождем его, — предложил Коля.

— Давай, — охотно согласился Юрка, посмотрел на Сергея Алексеевича. — Мы подождем Тиссо.

Они думали, что старик уйдет, а он тоже остановился.

Здорово он им надоел. Ну, конечно, что этим мальчишкам до него или до Витьки. Они влюблены в цирк, который им кажется всем миром, и в этого «необыкновенного» Тиссо, который умеет ловко жонглировать и делать всякие сальто-мортале. Но он не ушел, не мог оторваться от Коли и уйти в эту непривлекательную темноту.

— Смотрите, — сказал Юрка. — А с ним флейтист.

Сергей Алексеевич присмотрелся. Действительно, рядом с Тиссо стоял флейтист. Они пили вино.

— Может, зайдём, — предложил Сергей Алексеевич.

Он взял три стакана сока, и, стоя рядом с Тиссо и флейтистом, они потягивали свой сок. Наконец те заметили их, и флейтист сказал:

— А, старые знакомые. Надеюсь, вы на меня не обиделись?

— Что вы! — сказал Сергей Алексеевич. — Вы в прошлом радист?

— Точно, — сказал флейтист. — Значит, вы догадались?.. Ай-ай-ай, надо делать это тоньше.

— Вы и так хорошо это делаете, — успокоил его Сергей Алексеевич. Флейтист еще больше понравился ему своей бесхитростью. — Просто я тоже в некотором роде радист...

— А-а-а! — крикнул флейтист. — Коллега, — и протянул ему руку. — Полагается по этому случаю выпить вина.

— Спасибо, — сказал Сергей Алексеевич. — Я не пью, — посмотрел на молчаливого Тиссо и добавил: — И вы тоже хорошо работали.

— Давайте, давайте комплименты, мы их любим. — Подняв бутылку, Тиссо налил Сергею Алексеевичу полный стакан вина. — За знакомство.

Вино чуть пахло миндалем, только для этого его надо было посмаковать во рту. И тогда казалось, что ты ешь горький спелый миндаль. Это Сергей Алексеевич хорошо знал. Его научила так пить вино еще в Испании Лусия: вечная ей память.

А Тиссо и флейтист выпили свои стаканы залпом. Так в Испании пили во время боя, когда пьешь и никак не можешь напиться.

И крестьяне так пили, когда работали в поле.

— Вы служили в армии? — спросил Сергей Алексеевич флейтиста. Он задавал этот вопрос всем людям, которые ему нравились. Ему хотелось, чтобы все стоящие люди прошли через армию.

— На флоте, — ответил флейтист. — Свистать всех наверх! — И засмеялся. — На миноносце.

— На миноносце? — Язык у Сергея Алексеевича немного заплетался. — Я эти мины никогда не забуду. Они все квакают. Однажды я попал под минометный огонь. У немцев были многоствольные минометы. Когда меня ранило, я сначала не почувствовал боли, потом нога отяжелела и вспухла. Разрезали сапог и штанину, в коленной чашечке торчали три осколка... Уложили меня на ящики со снарядами. А когда начали бомбить, все разбежались, а я остался лежать на снарядах.

— Ух, какие страсти! — сказал Тиссо. — На ночь. Мальчишкам не заснуть.

Юрка засмеялся. Коля промолчал, ему было неудобно, что старик так расхвастался.

— Не верите? — спросил Сергей Алексеевич.

Он нагнулся и стал поднимать штанину брюк, чтобы показать этим молодым скептикам шрамы от минных осколков.

— Нам пора, — сказал флейтист.

И они с Тиссо направились к двери.

— Колька, пошли, — сказал Юрка, — а то он уйдет.

— Подожди ты, — ответил Коля. — Сергей Алексеевич, идемте.

Сергей Алексеевич вышел из магазинчика.

— Ноги стали чужие, — сказал он виновато. — Давно не пил вина. — Присел на крыльце. — Вы идите, ребята.

— Пошли, — обрадовался Юрка.

— Да подожди ты, — сказал Коля. — Надо его отвести домой.

Мимо них медленно проплыло такси с двумя пассажирами, и вдруг Юрка закричал:

— Коль, смотри, вроде твои поехали!

— Мои? — переспросил Коля и, не прощаясь, убежал.

Юрка посмотрел на старика: нет, он не догадался об его хитрости, и сказал:

— Родители его приехали, — и уже на ходу: — Он их год не видел. Они у него на севере работают.

— Эй, дед, — донеслось до Сергея Алексеевича. — Спать надо дома.

Сергей Алексеевич поднял голову. Над ним стоял Здоровяк с дочерью на руках. Он встал, голова у него больше не кружилась, и прошел мимо Здоровяка.

— А вы не работали бухгалтером в Минске? — не отставал Здоровяк. — В тресте?

— Нет, — сказал Сергей Алексеевич. — Спокойной ночи. — Козырнул ему по-военному и ушел.

Чувство острой досады не оставляло его, казалось ему, что он чем-то себя уронил перед мальчишками. И это ему было неприятно.

Открытие

По дороге в цирк Коля заскочил в порт к очередному теплоходу. Это теперь у него превратилось в игру. Он каждый день бегал к причалу и, не встретив родителей, клал под скамейкой в ряд очередной камень. Когда они приедут, он им покажет, сколько раз он их встречал. Там, под скамейкой, уже лежало двадцать камней.

Мимо него прошел мужчина с двумя чемоданами и сказал:

— Слушай, паренек, помоги.

— Давайте, — согласился Коля.

— Да че мне. Видишь, вон там стоит женщина с ребенком на руках. Моя жена. Ей помоги.

И в это время Коля заметил Сергея Алексеевича. Он не видел старика с того дня, как они вместе с Юркой убежали от него. «Еще привяжется»... — подумал Коля и побежал к женщине, делая вид, что не заметил Сергея Алексеевича.

Когда Коля проходил мимо Сергея Алексеевича, низко опустив голову, тот сказал:

— Добрый день, Коля.

— Здравствуйте, — ответил Коля, но не остановился.

Коля помог шоферу уложить вещи в багажник и, видя, что Сергей Алексеевич наблюдает за ним, подумал, что, право, за странный старик, вот привязался.

— Спасибо, мальчик, — сказал мужчина. — Выручил.

— Пожалуйста, — ответил Коля, снова посмотрел на Сергея Алексеевича и попросил: — Подвезите меня до цирка, это вам по пути.

Коля сел в машину, но какая-то неясная сила заставила его вновь оглянуться: длинный непромокаемый военный плащ делал старика еще выше.

Когда Коля, расстроенный, вышел из цирка — Тиссо и Юрки там не оказалось, — он снова увидел Сергея Алексеевича, идущего в окружении трех девочек, одетых в пионерскую форму. Одна из девочек тащила стариковский плащ.

Коля узнал одну девочку. Это была Валя Иванова из его интерната, и когда она подбежала к мороженщице, он подошел и сказал:

— Привет, Иванова. Не узнаешь?

— Ой, кого я вижу! — ответила Иванова. — А говорил, к родителям поедешь.

— Передумал, — сказал Коля. — Они сюда приедут. — Кивнул в сторону Сергея Алексеевича. — Куда вы его ведете?

— К нам. — Иванова развернула эскимо и стала есть. — На встречу «О тех, кто боролся за нашу свободу».

— А он что, тоже боролся? — с сомнением в голосе спросил Коля. — Он же обыкновенный военный радист.

— Что ты! — Иванова рассмеялась. — Он известный генерал... — Повернулась и убежала за своими.

Коля посмотрел вслед Ивановой, тяжело вздохнул, ему стало совсем скучно. Настрое-ние у него окончательно испортилось. Жизнь явно шла мимо него: и Тиссо он прозевал, и от Сергея Алексеевича спрятался. А то сейчас пошел бы вместе с ним в пионерский лагерь, хотя он не очень-то поверил Ивановой, что Сергей Алексеевич генерал.

Он просидел около цирка больше часа. Потом решил сбежать на пустырь, что рядом с пионерским лагерем, там Тиссо иногда выгуливал свою лошадь. Тиссо он не застал, зато около входа в лагерь увидел Сергея Алексеевича в окружении ребят. Подождал, пока ребята ушли, и подошел к старику.

— Это они вам подарили? — спросил Коля.

В руках у Сергея Алексеевича была какая-то нелепая, самодельная клетка с птицей.

— А, это ты! — обрадовался Сергей Алексеевич.

— Этого кенаря они вам подарили? — спросил Коля.

— Они. Неудобно было отказаться. Славные ребята.

— Придется прикупить канарейку в магазине, — сказал Коля. — А то он один от тоски сдохнет.

— Это верно. — Сергей Алексеевич поднял клетку к лицу, чтобы получше рассмотреть птицу. — Родителей встретил?

— Нет, — неохотно ответил Коля. — Это чужие были. Попросили поднести вещи, — и перевел разговор: — Я с этой Ивановой, которая вас встречала, в одном интернате учусь. Вы им про что рассказывали?

— Об Испании, — сказал Сергей Алексеевич.

— Туристом ездили, — догадался Коля. — Моя мама в прошлом году была в Болгарии. Тоже интересно.

— Нет, — сказал Сергей Алексеевич. — Я там воевал в тридцать шестом.

— Воевали? — удивился Коля. — Я недавно видел кино про испанскую войну.

«Значит, ему все же это интересно», — подумал Сергей Алексеевич.

— Может, вы знали самого Матэ Залку? — спросил Коля.

— Знал, — ответил Сергей Алексеевич, хотя он видел его всего один раз. Но чтобы как-то увлечь мальчика, он не стал вдаваться в подробности. От этого ему было немножко стыдно: врать он не умел. И в оправдание свое добавил: — Оттуда я приехал не один,

а с испанской революционеркой Лусией Пиедой. Как-нибудь я тебе про нее расскажу.

«Какие обыкновенные слова, — подумал Сергей Алексеевич. — Трудно даже представить, что этими обыкновенными словами можно рассказать про Лусию».

А Коля ничего этого не заметил. Он вдруг оказался где-то совсем в ином мире, чем жил ежедневно. Величие Сергея Алексеевича так подавило его, что он совершенно не знал, о чем с ним говорить. У него в жизни еще не было ни одного знакомого, который бы воевал в Испании и знал бы людей, про которых написаны книги. Может быть, он на самом деле генерал?

Перекличка

Пошел сильный дождь, и Сергей Алексеевич, воспользовавшись этим, пригласил Колю в кафе. В то самое кафе, в котором он как-то лет двадцать пять тому назад побывал вдвоем с Витькой.

Они вошли и остановились, отряхиваясь от дождя, и Сергей Алексеевич, как всегда, замер, оглядывая привычно расположенные столики. Чудо, что оно сохранилось, это кафе, пережив войну, и что его не снесли.

За стойкой одиноко сидела буфетчица и читала газету. При их появлении она подняла голову, увидела Сергея Алексеевича и приветливо ему улыбнулась.

— А вы сегодня не один? — сказала она.

— Да, — ответил Сергей Алексеевич, повернулся к Коле, и слова, которые он собирался произнести, чтобы объяснить, кто такой его попутчик, замерли у него на губах.

Он в волнении прикрыл рукой глаза, и перед ним на секунду появился Витька.

Сергей Алексеевич стянул плащ, повесил в углу и, зацепившись за клетку с птицей, что стояла у него в ногах, прошел внутрь комнаты.

Коля с удивлением посмотрел ему вслед, взял клетку и пошел за стариком.

Они сели за столик, и Сергей Алексеевич изменившимся голосом, без предисловий и объяснений сказал Коле:

— Принеси пирожные и бутылку воды. — И дал ему денег.

Все это было полно для Сергея Алексеевича большого смысла, ибо эти же слова он сказал тогда Витьке.

Это был великий, но сладкий обман. И не правы те, кто говорит, что нельзя вспоминать, что прошло, то, мол, былою поросло. Не вспоминают старого только те, кто бережет себя или брится своего черного прошлого.

Сергей Алексеевич смотрел, как Коля брал пирожные, и вдруг не выдержал и крикнул:

— Возьми себе корзиночку с марципа-

ном. — Ему захотелось, чтобы Коля съел любимое пирожное Витьки.

Он следил за каждым его движением: как мальчик поворачивал голову, как улыбался.

Коля ел Витькино пирожное и запивал лимонадом.

Перед Сергеем Алексеевичем все стояло в нетронутом виде. Он вспомнил, что столик тогда стоял немного не так, и ему это стало мешать, и он не выдержал и подвинул столик вплотную к стене.

Коля остался на прежнем месте, стакан у него был в руке, а пирожное уплыло со столиком. Он поднял глаза на старика, стараясь догадаться, что все это значит.

— Тебе не трудно поставить свой стул сюда? — Сергей Алексеевич показал Коле, куда именно надо ему поставить стул, и Коля выполнил его просьбу.

Теперь они сидели друг против друга. И Коля, который снова принялся за пирожное, чувствовал на себе тревожный взгляд старика.

— А вы почему не едите? — спросил Коля.

Сергей Алексеевич с трудом оторвал глаза от лица мальчика, торопливо взял бутылку с лимонадом и налил лимонад в стакан. Рука у него при этом слегка дрожала.

— Вкусное пирожное? — спросил Сергей Алексеевич, имея в виду Витькино пирожное.

— Да, — ответил Коля.

Постепенно черты Колиного лица сместились, и Сергей Алексеевич не боролся против этого наваждения, а, наоборот, старался в себе всю ту прежнюю картину восстановить доподлинно. И вот уже перед ним вместо Коли сидел Витька. И сам он тоже другой, правда, он мало помнил свое тогдашнее лицо и только одел себя в новенькую форму комбрига. Около стула тогда рядом с ним стоял чемодан, через него был перекинут плащ. Он приехал сюда сразу же после того, как получил новое назначение.

«Ну, как ты тут без меня?» — спросил он у Витьки.

«Нормально, — ответил Витька. — А ты... как?»

Витька хотел узнать у него про Лусию, а он увильнул от ответа, сделал вид, что не догадался. Это была нечестная игра, но он продолжал ее до конца.

«Еду формировать новую дивизию».

«А я?» — спросил Витька.

«Поживешь в интернате, — ответил он. — Какой-нибудь месяц. — И чтобы замять неприятный разговор, полез в чемодан и вытащил свертки. — Это тебе трусы, майка и прочее».

«Не хочу я в интернат, — сказал Витька. — Надоело».

«Неужели ты не понимаешь? — ответил он. — Время сейчас суровое. Того и гляди

Гитлер ползет. Как только осмотрюсь на месте, сразу заберу тебя».

«Лучше я к Лусии», — сказал Витька.

Вот, оказывается, в чем дело, вот почему ему надоело в интернате.

«Еще чего выдумал, — сказал он, совершенно не готовый к такому повороту разговора. — Ей не до тебя».

«Почему не до меня?»

«Работает она много.»

«А ты был у нее?» — с подозрением спросил Витька.

«Был. — Он решил, что нечего Витьке надеяться на скорую встречу, и добавил: — По-моему, она забывает нас стала... Может, она вообще не захочет возвращаться, а ты явишься...»

«Как не захочет?»

«Ну, так... — Он попробовал пошутить: — Охота ей возиться с двумя мужиками. Стирать им белье, варить обеды...»

«Что же, она нас бросит?! — спросил Витька и со злостью сказал: — Врешь ты все! Это ты ее бросил, а не она нас!»

Он тогда крикнул ему: «Замолчи!» — и ударил по щеке, единственный раз в жизни, хотя был неправ. Но он, видимо, думал в этой истории больше о себе и совсем не думал о том, что Витьке Лусия тоже дорога.

Сергей Алексеевич сел на камне у самой кромки воды, и набежавшая волна сбила клетку с птицей.

Коля подхватил клетку и вытащил кенаря.

— Не дышит, — сказал Коля.

— Это я виноват, — сказал Сергей Алексеевич. — Прости. Засмотрелся на тебя.

— Я не артист, что на меня смотреть, — в сердцах ответил Коля. — А вот подарочка как не бывало.

— Ты похож на моего сына, — с трудом выговорил Сергей Алексеевич.

Он произнес эти слова, как будто сделал какое-то мировое открытие или рассказал величайший секрет, но Коля этого ничего не заметил.

— Захлебнулся, — сказал Коля. — Много ли ему надо.

Сергей Алексеевич взял кенаря у мальчика и начал на него дышать, стараясь отогреть птицу своим дыханием. Но вот кенарь шевельнулся, и Сергей Алексеевич с видом победителя протянул его мальчику.

— Погрей его еще. Жив курилка. Просто испугался, — сказал Сергей Алексеевич. — Я в детстве с ними много возился.

Слово «детство» оглушило его своей неожиданностью: не верилось, что это когда-то было. Что был рыжебородый отец-каменотес, и была мать, которая по утрам кормила во дворе кур, что неслись в сарае на сеновале. Куда все это ушло? И почему это вызывает в нем только удивление, а последующее: гибель Витьки, потеря товарищей —

боль? Потому что последующее могло быть лучше, удачнее. А детство прошло так, и другому не надо.

— Шевелится, — сказал Коля. Вспомнил, что старик ему что-то говорил о сыне, и спросил: — А ваш сын живет в Москве?

Сергей Алексеевич промолчал: он и сам еще не понимал, как у него вырывалось про сына. Только разве потому, что этот паренек похож на Витьку. Он ведь никогда никому не рассказывал о сыне — это была его боль, и мука, и тяжкая ноша, и он не хотел и не мог ни с кем ее делить. Но сейчас впервые им овладело странное состояние, этот мальчишка его гипнотизировал своим видом, и с каждой минутой Сергей Алексеевич находил в нем Витькины черты, и поэтому ему захотелось открыться перед ним.

Сергей Алексеевич бросился в рассказ сразу, без подготовки, бросился очертя голову:

— Он погиб... в войну...

Сергей Алексеевич замолчал. Приступ воспоминаний был настолько силен и осязаем, что вызвал у него даже головокружение и легкую тошноту. Он закурил и тяжело затаился, и голова у него от этого стала совсем пьяной, и он уже не слышал сам, что рассказывал, не слышал собственного голоса, и, может быть, он рассказывал Коле не то, что видел сам.

Какой-то неровный, странный строй людей, изломанная длинная цепочка. Ну да, это тот самый привал, на котором он отпустил Витьку в разведку. Он отлично помнил эту небольшую лесную поляну, на ней легко уместились остатки его дивизии. Да что там помнил, просто ни на секунду не забывал, но прятал в страхе где-то в глубине памяти. И вот лица этих людей, что были с ним тогда там.

Сергей Алексеевич почувствовал, что он идет широким военным шагом вдоль этого строя, и не заметил, что Коля едва успевал за ним.

Они рассчитывались по порядку номеров, а он шел вдоль строя, вглядываясь в лица этих людей, и острая боль сострадания жгла его сердце. Они давно мертвы, эти люди, а он слышал их голоса, видел заросшие лица, перевязанные головы, запекшиеся губы. В строю среди здоровых много раненых, сидящих на земле, некоторые лежали на носилках, прикрытые шинелями. Женщины тоже стояли в строю, держа за руки ребятишек. У иных двое, а к одной прижались трое, это была жена погибшего полкового интенданта Новикова. Они даже не успели эвакуировать семьи.

Он помнил: где-то отдаленно ухали пушки, заглушая голоса, но все по привычке бесшумно двигались и разговаривали полупшепотом.

Сергей Алексеевич промолчал: он и сам еще не понимал, как у него вырвалось про сына.

«Двадцать третий». — Это красноармеец Вася Пегов. Он тогда застрелил жеребенка своей кобылы, и они его съели.

Двадцать седьмым в строю стоял старший лейтенант Клочков, он добровольно остался прикрывать их отход и погиб. Потом еще стоял капитан Никифоров, трус и фанфарон: противно ставить его в строй этих святых, чистых людей.

не. В стороне стояли еще двое: пленный немецкий солдат и красноармеец, который его караулил.

Он позвал командиров, и они подошли к нему, и врач сказал... Все началось с врача. «В последнем бою, — сказал врач, — мы потеряли сорок восемь человек. Умер один маленький, сын Клочкова. От дизентерии».

Почему-то его тогда больно ударило не то, что умер сын Клочкова, который тут же рядом стоял с ним, он видел его профиль, и гимнастерку, разорванную на спине, и босые, изодранные в кровь ноги, а то, как врач об этом доложил: «Умер один маленький». Может быть, именно эти слова и были решающими.

«Немцы нас не выпустят из лесу», — сказал он.

Кто-то стал ему возражать, кто-то объяснял, что можно рискнуть, иначе все пропади. Потом он заметил, что рядом с ним вертелся Витька, а вдалеке стоял пленный нем-

А последним, сто шестьдесят третьим, стоял Витька, подпоясанный широким армейским ремнем, на котором висела кобура с тяжелым пистолетом. И сам он стоял «пистолетиком», худенький, стройный, подтянутый. Витька крикнул:

«Сто шестьдесят третий, последний!» — хотя это было не совсем точно. Он был последним в строю, но не последним на этой поля-

чик и тоже, не отрываясь, смотрел в их сторону: видно, думал, что они говорят про него, и боялся. Младший политрук Павлов сказал, что он готов пойти в разведку, но он даже не ответил ему.

В это время кто-то сказал; кажется, опять врач, что детям и раненым необходимо передохнуть, а то они не дойдут и переправы через Западную Двину не выдержат, и что

жена майора Васильева просила ее послать в деревню. И он подумал: «Может, действительно рискнуть еще разок, — хотя ненавидел бессмысленный риск, — все-таки женщина. Легче пройти».

Но она была женщиной в особенном положении, она ходила в гимнастерке мужа, которого только позавчера убили, и у нее была девочка на руках, и сама она была ослеплена ненавистью к врагу, и от этого могла погибнуть. Глаза бы ее выдали.

«Товарищ генерал, — вновь выступил младший политрук Павлов. — Кому сдать комсомольские билеты товарищей, не вернувшихся из разведок?»

В руке у него была толстая пачка комсомольских книжечек.

Сергей Алексеевич прервал свой рассказ, потому что наступил момент, когда он должен был вспомнить самое главное, должен был вспомнить, как его глаза встретились с Витькиными глазами, и он понял, что тот сейчас предложит себя, и торопливо отвернулся. Но какая-то непонятная сила вновь столкнула их взоры, и все окружающие тоже это заметили и в страхе замерли.

Коля посмотрел на старика: ждал.

— Я не пустил этого Павлова в разведку, — сказал Сергей Алексеевич. — Тогда многие жертвовали собой ради других, но это было бессмысленно. Надо было придумать что-то простое и полезное для нас. И тогда я отпустил Витьку.

— Извините за беспокойство... Не желаете воспользоваться моими услугами?

Около них стоял местный фотограф: в руке у него был фотоаппарат старой конструкции на потрепанном треножнике.

— Я вижу, у вас нет своего аппарата, — сказал фотограф, явно не рассчитывая на их согласие.

Но его слова произвели на Сергея Алексеевича совершенно неожиданное действие, он согласился на предложение фотографа и даже с охотой. Ведь Витька тогда тоже фотографировался: пусть все снова повторится.

— Пожалуй, — сказал Сергей Алексеевич. — Мальчика.

— Сейчас. Хорошо, — обрадовался фотограф. — В лучшем виде. — И он начал развинчивать треножник. — Фирма хоть и старая, но опытная. — Фотограф старался все делать быстро, но был уже немолодой, ему это плохо удавалось.

— Нет, не здесь. — Сергей Алексеевич подошел к фотографу и тронул его за плечо. — На камень.

— О! — сказал фотограф. — Вы знаете толк в натуре.

Фотограф шел впереди них, сильно припадая на одну ногу. Когда он опередил их на достаточно большое расстояние, Коля, метнув на старика осторожный взгляд, спросил:

— А что было дальше?

— Я спросил его: «Тебе не страшно, сынок?», — ответил Сергей Алексеевич. — «А кого мне бояться? Фашистов? — сказал Витька. — Надо будет, я дурачком прикинусь. Местный, мол. Ищу корову».

Он оборвал рассказ, так и не досказав самого страшного. Этого уже нельзя просто рассказать, сложив обыкновенные слова в обыкновенные предложения. И Коля молчал. «Все понял», — с благодарностью подумал Сергей Алексеевич.

А сам он в это время провожал Витьку. Они шли мимо красноармейцев. Мимо тяжело раненых. Они шли мимо женщин с детьми. Над их головами пролетели немецкие самолеты, но никто не поднял головы к небу. Витька на ходу снял ремень с пистолетом, гимнастерку, пилотку и все отдал ему.

«Если из деревни нельзя будет выйти, не выходи, — сказал он. — Мы будем тебя ждать».

Витька ему в ответ улыбнулся и ушел.

Он сделал еще несколько шагов следом за ним, посмотрел в спину сына — на его худенькие плечики, на тоненький ствол шеи.

Коля убежал вперед, к фотографу, который уже примостил свой аппарат около камня, и теперь они оба поджидали Сергея Алексеевича.

— Садись на камень верхом, — сказал Сергей Алексеевич.

— Будешь кавалеристом, — рассмеялся фотограф. — Впрочем, сейчас кавалерия уже не в почете. — И повернул голову к старику. — А?

— А вы давно здесь работаете? — спросил вдруг Сергей Алексеевич.

— Тридцать лет, — ответил фотограф. — За исключением этой проклятой войны.

— Тридцать? — переспросил Сергей Алексеевич в волнении и подумал, что, может быть, этот человек снимал когда-то и Витьку.

Коля тем временем влез на камень и уселся между двух его выбоин.

— Внимание! — крикнул фотограф Коле. — Смотри сюда... Сейчас вылетит птичка.

— Она в клетке, — пошутил Коля. Это он сделал для старика.

— Ого! — сказал фотограф Сергею Алексеевичу. — Ваш мальчик не лишен юмора. — Припал к аппарату. — Готово. — Сложил свой аппарат и стал выписывать квитанцию. — Скажи-ка твой адрес...

— Садовая, 15, Костылев Коля.

— Все удовольствие пятьдесят копеек: тридцать за фотографию и двадцать за доставку.

Сергей Алексеевич достал деньги и протянул фотографу.

— Так вы говорите, что еще до войны здесь работали? — спросил Сергей Алексеевич.

Коля, услышав вопрос Сергея Алексеевича, тихо сполз с камня, подошел и теперь

ждал, что ответит старику фотограф. Ему все время хотелось чуда, чуда! Чтобы сын старика вдруг оказался жив, или хотя бы оказалось, что этот хромой, смешной фотограф помнил и знал Витьку.

— Молодой был, глупый, — ответил фотограф. — Не хотел учиться.

Сергей Алексеевич не перебивал фотографа, хотя нетерпеливо поджидал, когда же тот закончит, чтобы задать следующий вопрос. А потом сдержанно спросил:

— А у вас не сохранилось случайно довоенных фотографий?.. Невостребованных.

— Что вы, боже мой! — сказал фотограф. — В войну не такие ценности пропадали.

Коля видел, как опечалился Сергей Алексеевич, но, все еще надеясь на что-то, спросил:

— А вы когда-нибудь фотографировали на этом камне мальчика?.. Давно-давно, еще до войны.

— Я? — Фотограф улыбнулся. — Тысячу мальчиков в разных возрастах. — Заметил, что его ответ не понравился им и добавил: — Впрочем, фотография — тоже большая историческая ценность. Можно сказать, реликвия. Память о прошедшем. — Нет, кажется, он им не угодил, не догадался, чего они от него хотят. — Простите. — И захромал своей догой.

Живая душа

Сергей Алексеевич сидел на скамейке у моря, слушал его однообразный шорох, а сам ловил чутким привычным ухом то, что делалось позади него. Он сегодня уезжал и ждал Колю, который обещал проводить его к автобусу.

Ему нравилось ждать Колю и сидеть так, прислушиваясь, и вообще хорошо, что можно ждать Витькиного двойника.

Это была его последняя радость.

У него тренированное ухо, всю жизнь ему приходилось чутко прислушиваться, и он легко вылавливал голос Коли из общей разноголосицы, когда тот издали окликал его.

В сорок первом, летом, когда они уходили из Прибалтики, он нарвался в лесу на немецкого солдата. И он и солдат бросились в разные стороны и замерли. Он лежал не шевелясь. Знал, самое главное не шелохнуться и ловить малейший шорох врага. Кто первый шелохнется, тот и погиб. Война — тоже охота, это он усвоил отлично. И торопиться не надо. Муравей пополз у него по лицу, но он только оттопырил нижнюю губу и дунул, чтобы сдуть муравья. Через полчаса в кустах напротив зашелестело, тот, немец, устал и менял положение тела. А он в этот момент перекинулся поближе к врагу, стараясь зайти с тыла. Немец снова заворочался, и тогда он

неслышным движением опустил руку, и пистолет, который он все эти дни носил в рукаве кителя, скользнул в ладонь.

Еще не было случая, чтобы он промахнулся. Он уже готов был выстрелить, он уже приговорил этого невидимого врага к смерти, приподнял руку с пистолетом, нащупал глазом место, где притаился немец, когда тот приподнялся над кустом. Теперь он видел его спину и железную каску на тоненькой шее и на секунду задержал выстрел. Ему показалась странной и противоестественной такая по-ребячьей тоненькая шея под такой тяжелой каской.

Немец оглянулся и замер в ужасе. Даже не пытался шарахнуть в него очередью из автомата... Мальчишка лет девятнадцати, худой, в веснушках, в каске, съехавшей на глаза.

Это была охота старого волка на зайчонка, он не стал стрелять, а неожиданно быстро бросился вперед и сбил немца с ног.

Недавно этот немец прислал ему письмо. Неприятно, ведь немец остался в памяти вместе с тем страшным днем. А теперь этот немец жил где-то в Кельне в собственном доме. У него два взрослых сына и дочь. В конверте, кроме письма, лежала еще семейная фотография.

Сергей Алексеевич тут же разорвал и выбросил фотографию, но она упрямо не исчезала из его памяти: немец, с дочерью на руках, стоял рядом с женой. Впереди — его сыновья, аккуратные, зализанные немчики в рубашках, расшитых кружевами и украшенных галстуками-бабочками.

Нет, он не испытывал к нему злости; злость и ненависть, пыльным цветом созревшие в нем в войну, уже ушли из него. Он любил чужую радость, это было самое достойное его качество, он гордился им. Сострадание, желание помочь другим в беде естественны. А вот любить чужую радость пока дано не всякому. А тут, прочтя письмо, он не почувствовал радости, а только удивился бестактности немца, которому жизнь подарила такое благополучие.

В письме немец благодарил русских за то, что они помогли им освободиться от Гитлера, а лично господина генерала за сохранение его жизни. И теперь, писал немец, когда все страшное забыто, он хочет с ним переписываться, потому что оба они солдаты, воевали на одной войне и знают, что это такое.

Ничего себе братание получилось, усмехнулся Сергей Алексеевич, на это он не согласен, на такое братание. Так можно далеко зайти, так можно и фашиста обнять и слезу при этом пустить только потому, что все они сидели в окопах.

Сегодня он уедет, он чувствовал в себе силу и потребность уехать к Витьке. А затем вернется в Москву... Может быть, напишет письмо, самое длинное, какое писал в жизни, напишет все то, что не успел сказать Витьке.

и отправит Коле. Живая душа. А может быть, напишет и не отправит: зачем оно Коле? Ничего он в нем не поймет.

Уже стемнело, а Коли все не было. Конечно, его не пустила тетка. И, может быть, правильно сделала. Почему она должна, собственно, его отпускать, чтобы он шлялся по ночам с каким-то стариком!

Сергей Алексеевич все еще сидел, хотя ему пора было идти домой и собираться в дорогу, а то можно опоздать на последний автобус. И в этот момент его обостренный слух из общего шарканья ног и глухих вечерних голосов выхватил легкий, как ветерок, голос мальчика.

— Сергей Алексеевич! — крикнул Коля. Он бежал и говорил теперь прерывисто. — Здравствуйте, Сергей Алексеевич.

— Здравия желаю. — Сергей Алексеевич встал навстречу Коле.

Коля подбежал и от радости, что Сергей Алексеевич не ушел, схватил его за руку. А тот неожиданно крепко сжал ладонку мальчика и слегка пошевелил пальцами: так он всегда делал с Витькой. Как приятно было, что у него в руке теплая, маленькая ладонка. Это было так необычно, но так горько, горько, горько... Легкое шевеление пальцев рождало тысячу немых слов, которые перекидывались от Сергея Алексеевича к Коле, но обратных слов не было, потому что все же Коля был не Витька и не знал, что между ними существовал такой разговор.

«Я рад, что ты пришел», — шептали пальцы Сергея Алексеевича.

Но Коля не отвечал и чувствовал себя очень неловко, он уже забыл, когда с кем-нибудь ходил за руку.

«Ты просто мой Витька», — шептали пальцы Сергея Алексеевича.

И вдруг Коля тоже в ответ пошевелил пальцами. Он хотел сказать Сергею Алексеевичу, что опоздал, потому что тетка его не пускала, и что Тиссо и Юрка посмеиваются над его рассказами. А он лично ему верит.

Вслух же они ничего друг другу не сказали, молча дошли до дому, и Сергей Алексеевич уложил свои вещи.

— Птицу возьми себе, — сказал он. — А если хочешь, отпусти. Ну, кажется, все. — Сергей Алексеевич огляделся. — Ничего не забыл.

Ему вдруг нестерпимо захотелось остаться. Так хорошо было гулять вдвоем с Колей, вспоминать что-то или затихать, слушая его голос.

— Жалко, что вы уезжаете, — вдруг сказал Коля. Чем-то ему был приятен этот непонятный старик, и, чтобы как-то подкрепить значение своих слов, добавил: — И рассказы ваши мне очень интересны.

— И я к тебе привык, — ответил Сергей Алексеевич.

Они оба, и Коля и Сергей Алексеевич,

смутились от собственных слов. Но одновременно, как это ни странно, Сергей Алексеевич вдруг почувствовал, что наивная похвала Коли, в которой выражалась оценка его жизни, льстила ему.

— А чего же вы тогда? — сказал Коля. — Оставайтесь.

— Мне на одном месте нельзя. Когда я вышел на пенсию, понял, что вся моя жизнь в прошлом. Сначала была война, потом служба, потом снова война и снова служба. А теперь... — Сергей Алексеевич замолчал, и Коля увидел по его глазам, что неотступные тени прошлого вновь одолевали его. — За эти два года я побывал во всех местах, где мы жили с Витькой. Приезжал в город и приходил в квартиру, где когда-то жил. Одни пускали, только смотрели как на сумасшедшего, другие не пускали, принимали за жулика. А иные даже ночевать оставляли. И сюда я поэтому приехал. Витька здесь до войны в пионерлагере отдыхал. Только там не был, где он погиб. А теперь пора. Стар стал.

— Какой вы старый! Вы крепкий. — Коле хотелось ободрить старика, но он не умел этого делать и, чтобы как-то нарушить неловкую паузу, спросил, показывая на фотографию на стене: — А это не ваша?

— Нет. Муж хозяйки. С войны не вернулся.

— А у нас в семье никто не воевал. Папа был мальчишкой, а дед — стариком. Даже как-то неудобно.

— Почему же неудобно, — сказал Сергей Алексеевич, хотя ему и понравились слова Коли. — Они же не виноваты в этом. — Посмотрел на Колю еще раз, сравнивая его с Витькой, и добавил: — В первый раз в жизни встречаю такого счастливого человека.

Сергей Алексеевич позвал хозяйку, чтобы расплатиться, и хозяйка стала причитать, что он не дожил срока и тем самым ввел ее в расход, потому что она могла «другим людям» сдать комнату, что легче всего обидеть одинокую солдатскую вдову. У Сергея Алексеевича после этих слов сразу пропала охота спорить с нею, и он заплатил ей деньги за весь срок.

Перед его глазами пронеслись бесчисленные поля и леса, серые от дыма и пороха, мокрые и стылые от дождя, и где-то в таком поле или лесу погиб муж этой женщины. От него осталась только фотография, пожелтевшая от времени. Она висит на стене, и лет ему на фотографии всего-то двадцать. А больше ничего не осталось от него, и женщина эта, его бывшая жена, стала совсем другой, чем тогда. Когда он уходил на фронт, разве она была такая, разве она могла из-за каких-то денег идти на обман и вымогательство? А если бы не война, то у этой женщины были бы муж и дети.

Они вышли из дому, и Сергей Алексеевич

снова подумал о солдате. О том, что его фотография висит над кроватью, в которой за эти послевоенные годы переспала добрая сотня людей. И все они видели фотографию солдата, и он подумал, что это хорошо.

Сергей Алексеевич нес чемодан, а Коля клетку с птицей. Уже вечерело, и стал накрапывать дождь, и от тучи, что повисла над городом, стало совсем темно. Но на автобусной станции ярко горел свет и бурлила жизнь. Приходили и уходили автобусы, спешили пассажиры с чемоданами и детьми.

— Иди под навес, — приказал Сергей Алексеевич.

Коля, вобрав голову в плечи, побежал под навес.

Сергей Алексеевич встал в очередь в билетную кассу, издали наблюдая за Колей. Над головой мальчика горела лампочка, и Сергею Алексеевичу было видно, как Коля помахал ему рукой.

Нет, все же, если он напишет «это длинное письмо», то отправит его Коле.

Неожиданно вместе с ударом грома погас свет, и все погрузилось в темноту, и в этой темноте голоса людей, трубные звуки сирен автобусов, словно рев загнанных слонов, скрежет тормозов звучали намного громче и тревожнее.

Какой-то автобус, выхватив из темноты фигурку Коли, остановился рядом с навесом. Началась посадка.

И дождь уже перешел в ливень и хлестал с упрямой силой, и люди, что спешили на посадку, захватили в свой водоворот Колю и потащили с собой. Он отбивался, рвался обратно, но людской поток, непонятный и неразборчивый, тащил и тащил его в сторону. И над толпой уже висел рой зонтиков, и Коля ничего не видел, всеми силами стараясь сохранить клетку с птицей.

— Осторожно! — кричал он. — Осторожно! — Крик его тонул в тесноте, грохоте грома и дождя и станционных объявлений по радио.

— Граждане пассажиры, — объявляли по радио. — Соблюдайте порядок. Автобусы уходят по расписанию. Свет дадут через двадцать минут.

Фары автобусов разрезали темноту, и в их призрачном свете все казалось неестественным: и дождь и люди.

— Граждане пассажиры, — объявили по радио. — Автобус до Симферополя подан... Занимайте места...

Коля наконец вырвался из суматошной толпы и бросился искать симферопольский автобус. Но там старика не оказалось.

— Сергей Алексеевич! — без всякой надежды на успех крикнул Коля. — Сергей Алексеевич!

Никто не отзывался.

И снова Коля побежал через площадь к тому месту, где они расстались. Он разма-

хивал клеткой со взмокшим несчастным кенарем, и сам был тоже мокрый и нахохлившийся, как кенарь. И снова он не нашел старика и побежал назад.

Но поздно: ему навстречу выплыл гигантский автобус, на котором впереди написано: «СИМФЕРОПОЛЬ».

Коля прыгал перед проплывающими мимо него окнами автобуса, но ничего толком не увидел. Автобус скрылся в темноте, а он, мокрый и неудачливый, поплелся домой.

ОКОНЧАНИЕ

• В

СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

А. КРУШИНСКИЙ

Рисунки А. БОРИСОВА

Для чего нужны фестивали?

На такой вопрос можно ответить коротко:
— Чтобы отстаивать на земле справедливость и мир.

Но я лучше скажу подробнее.

Как ты знаешь, свой Первый международный фестиваль молодежь мира устроила в Праге. Это было двадцать один год назад. Многих делегатов Софийского фестиваля тогда еще даже не было на свете.

Первый фестиваль сильно отличался от нынешнего, Девятого. На нем было почти вдвое меньше национальных флагов. И не только потому, что молодежь разных государств не так горячо стремилась к встрече, как теперь. Самих государств было на земле гораздо меньше.

Что происходило тогда, в 1947 году?

Народы только что разгромили немецких фашистов. В Прагу приехали молодые фронтовики и партизаны. Но не для всех делегатов борьба за свободу осталась позади. В газетах тех дней рядом с рассказами о фестивале печатались сводки под рубрикой «Война в Индонезии». Индонезийцы воевали за то, чтобы их страна не была больше голландской колонией. А голландцы с помощью кораблей, пушек, самолетов пытались сохранить в стране колониальные порядки, подобно тому, как сейчас это делают американцы во Вьетнаме.

На фестивале делегаты воюющих стран побратались. А вся молодежь обратилась к голландцам с призывом: «По примеру амстердамских докеров и матросов отказывайтесь от погрузки кораблей, которые должны перевозить войска и военное снаряжение в Индонезию!»

И сколько жизней сохранила патриотам братская помощь передовой молодежи Голландии! Сколько снарядов и мин оказались начиненными песком вместо взрывчатки!

С тех пор на каждый новый фестиваль приезжало все больше и больше юношей и девушек. Потому что молодежь видела: фестивали помогают в справедливой борьбе.

Стройных парней с темной кожей на Пражском фестивале называли просто «делегаты Африки». Карта этого континента в тот год была почти сплошь фиолетово-зеленой: ее раскрашивали колониальными цветами Англии и Франции. Тогда было всего три самостоятельных африканских государства: Эфиопия, Египет и Либерия. Не было ни Мали, ни Танзании, не было независимой Гвинеи. На алжирской земле до 1962 года разбойничали французские войска.

— Довольно крови! Мы не будем воевать! — заявляли на фестивалях парни из Парижа и Марселя.

— Свободу народам колоний! — требовали молодые англичане.

Шло время. Мир менялся. Карта Африки расцветивалась пестрыми красками: на месте бывших колоний возникали десятки новых независимых государств.

В 1951 году на Берлинском фестивале был тридцатитрехлетний доктор Джаган — делегат Британской Гвианы. Вместе со всей демократической молодежью он дал клятву бороться против мировой войны, за национальную свободу и равноправие. А через два года имя этого человека стало известно миру. Он одержал победу на выборах. Чедди Джаган стал премьер-министром.

В Лондоне начался переполох. Разве могли англичане смириться с тем, чтобы их колонией стал руководить борец за свободу? Английское правительство ввело в Гвиану войска. Джаган был арестован. Но сломить патриотов и мужественного их вождя не удалось. Народ снова избрал Джагана премьер-министром, и снова империалисты свергли его.

Но Джаган и его друзья продолжают борьбу. Они будут бороться до тех пор, пока их родная страна не перестанет называться колонией. На их стороне симпатии всех справедливых людей. С ними демократическая молодежь. И, конечно, на Софийском фестивале делегаты заявят о своей солидарно-

сти с гвианскими патриотами.

Многие герои молодежных фестивалей отдали свои жизни в борьбе за свободу. Нет, например, уже в живых Ардали Дауда — героя Венского фестиваля, вожака юных патриотов Нигера. Он пал от пули врага.

Но дело юных борцов живет. Оно в надежных руках друзей свободы. В руках героев будущих фестивалей.

Кто приедет в Софию?

К сожалению, я не могу пока назвать имена тех, кто приедет на Девятый фестиваль из партизанских отрядов и революционного подполья.

Не могу назвать делегатов из расистских и фашистских государств. Их преследуют шпики, жандармы. Есть страны, где за участие в фестивале бросают в тюрьму. Преодолевая полицейские ловушки, рискуя жизнью, юные патриоты едут в Софию, чтобы рассказать миру о борьбе и надеждах своих угнетенных народов.

Подготовительный комитет фестиваля пригласил в болгарскую столицу композитора Микиса Теодоракиса. Он знаменит не только тем, что сочиняет очень красивые песни о родине, но и тем, что возглавляет патриотическое движение греческой молодежи. Полиция долго не могла найти Теодоракиса, который оказался еще и хорошим конспиратором и в подполье продолжал борьбу против военной хунты. Потом его все-таки арестовали, бросили в тюрьму, пытали, хотели убить.

Но во всем мире — и в Африке, и в Азии, и в Америке, и в Европе — самые разные люди стали так решительно протестовать против расправы над Теодоракисом, что фашистской хунте пришлось его выпустить на свободу. Вот такая это сила — международная солидарность! На фестивале в Софии наверняка зазвучат новые песни Теодора-

киса — песни, зовущие на борьбу против всех врагов свободы.

А вот Тайсир Куба не сможет участвовать в фестивале, хотя он очень сильно этого хотел. Он говорил мне об этом в монгольском городе Улан-Баторе весной прошлого года. Тайсир — один из руководителей студенческого союза палестинских арабов, изгнанных с родной земли израильскими солдатами. В Монголию он приезжал на конгресс Международного союза студентов. Через несколько месяцев Израиль начал войну против арабских стран, и я узнал, что дом Тайсира разрушен, его брат убит. А в январе этого года сам Тайсир оказался в тюрьме. Его арестовали оккупанты только за то, что он пришел на пепелище родной деревни.

— Это наша земля, — говорил Тайсир, обращаясь к жандармам. — Тут был мой дом, вон дорога, по которой я ходил в школу. Вы здесь чужие! Вы не хозяева на этой земле!

Но жандармы только смеялись в ответ.

Тайсир не придет в Софию. Но он знает: делегаты фестиваля будут добиваться его

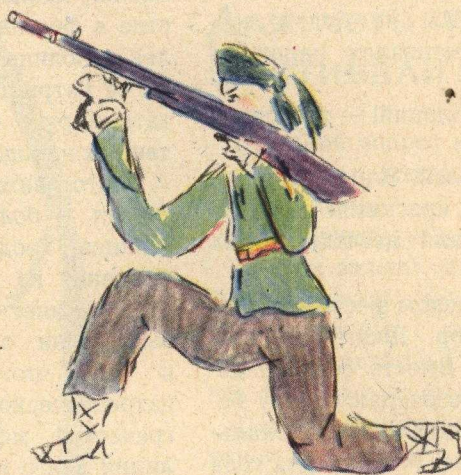
освобождения. Он уверен: они потребуют, чтобы израильские оккупанты убрались прочь с его родной земли.

Что будет самым главным?

Со времени Первого, Пражского, фестиваля на земле стало больше свободных государств. Однако еще не исчезли пожары войны. Есть еще на карте колонии и есть страны, где творится несправедливость. Разве может молодежь забывать о том, что в Южной Африке и Северной Америке преследуют и убивают негров? Разве может она быть спокойной, когда вновь поднимают голову немецкие фашисты? Советская Армия однажды уже разгромила гитлеровские полчища. А эти мечтают о новой войне, о реванше за поражение (поэтому их называют реваншистами). Примириться с реваншистами и теми, кто им втайне помогает, честные люди не могут.

РИСУЮТ ДЕТИ ВЬЕТНАМА

Огонь по агрессорам.
Рисунок
Тхан Ба Виня, 5-й класс.

Нелегко живется мальчишкам и девочкам во Вьетнаме. Что ни день — тревоги, опасности и почти нет отдыха: ребята вместе со взрослыми строят убежища от бомб, ухаживают за ранеными, сажают на полях рис.

А по утрам, как и повсюду в мире, бегут они в школу. Только одеты вьетнамские школьники необычно. На головах — широкополые шляпы из толстых, туго скрученных соломенных жгутов. Поверх одежды — плетеные соломенные панцири. Это защита от шариковых бомб. На случай ранения у каждого есть индивидуальный медицинский пакет.

Сами школы построены так, чтобы дети могли укрыться от взрывной волны, пуль и осколков. Я видел классы, размещенные в пещерах. В деревнях школы делают в больших широких ямах, вокруг которых насыпан земляной вал. Сверху яму прикрывает соломенная крыша. Когда в воздухе показываются вражеские самолеты, дети бегут в подземные бомбоубежища.

Сражение вьетнамских моряков с американскими самолетами.

Рисунок
Нгуен Хонг Тхана, 8 лет.

Самую большую тревогу у молодежи всего мира вызывает война во Вьетнаме.

В год Первого фестиваля там уже рвались бомбы и снаряды. До сих пор война не прекращается. Сначала вьетнамцы воевали против японских оккупантов, потом против французских. Потом пришли американцы. Не только дети — многие взрослые люди во Вьетнаме не знают, что такое мирная жизнь. Им не дают спокойно учиться в школах, выращивать рис, строить дома, фабрики.

— У тебя есть игрушки? — спросил я маленького Банга, сына лодочника, когда плыл на паруснике — сампане — по прекрасному заливу Ха-лонг.

— Есть, — ответил он и достал из-под скамейки ярко-желтый предмет в форме ананаса с веером упругих пластин на макушке.

Это была бомба. Упругие пластины предназначены для того, чтобы она падала прямо и точно. Ярко-желтая оболочка, словно гранатовый плод, начинена тысячами стальных шариков, чтобы убивать тех стариков, которые не успевают добежать до окопа, и тех

детей, которые так малы, что еще прятаться не умеют. Во время одной из американских бомбардировок Банг немного замешкался, и бомба упала у самых его ног. Но она не взорвалась: механизм ее был испорчен. Банг поднял бомбу и унес к себе в лодку, потому что других игрушек у него нет.

Когда мы подплыли к берегу, оказалось, что за наше отсутствие здесь уже дважды объявлялась воздушная тревога. А несколько дней спустя в поселке Кам-ло я побывал на развалинах школы, уничтоженной американскими самолетами. Из груды камней я вытащил тетрадку — всю в дырах, словно ее кто-то тыкал большим ржавым гвоздем. Это были следы шариков от такой же ярко-желтой бомбы, которая здесь разорвалась. На обложке я прочел надпись: «Нгуен Тхи Йен, 4-й класс». Эта девочка — одна из шестнадцати детей, убитых в поселке Кам-ло, и одна из двухсот пятидесяти тысяч детей, убитых во Вьетнаме за время войны с американцами.

Протест против войны во Вьетнаме, под-

Бой в джунглях.

Рисунок
Ань Туана,
11 лет.

ник Куанга из общины Ми Тан показал, как ловят сбитого американского летчика, и сделал такую подпись: «Мы тоже помогаем их ловить». Другой пятиклассник нарисовал весенний праздник детей. Два пионера несут плакат, на котором выведена цифра 2 500. Это число самолетов США, сбитых во Вьетнаме. Сегодня их количество увеличилось до грех тысяч.

Все вьетнамские ребята очень хотят, чтобы поскорее окончилась эта война, и они все верят, что народ Вьетнама победит американских агрессоров.

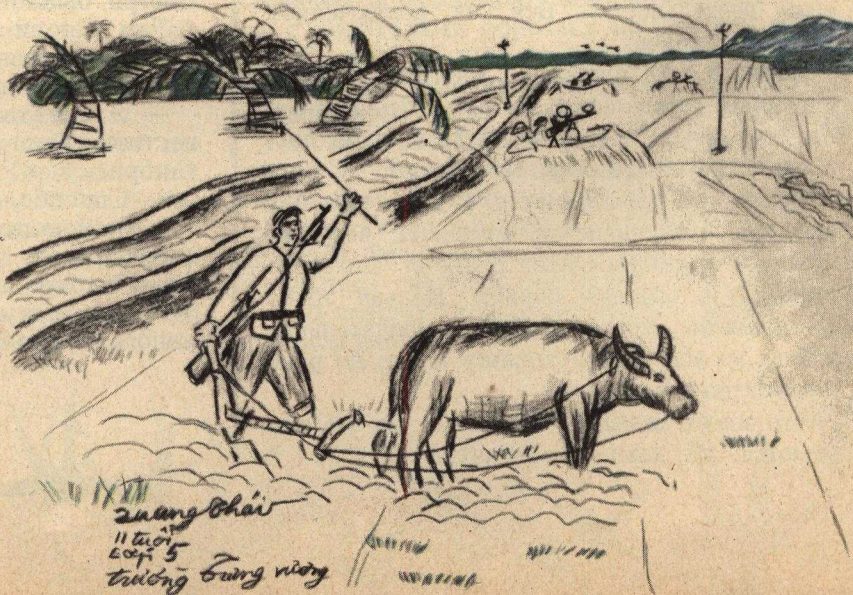
Александр СЕРБИН

На рисовом поле.

Рисунок
Куанг Тхиу,
5-й класс.

Я привез из Вьетнама много рисунков школьников. Ребята рисовали в своих тетрадках то, что видели вокруг себя, и главной темой их рисунков была война.

Восьмилетний Нгуен Хонг Тхань нарисовал сражение вьетнамского катера с американскими самолетами. На рисунке Ань Туана — яростный бой в джунглях. Гранатами и пулеметными очередями вьетнамские патриоты громят оккупантов. Пятиклассник Куанг Тхиу изобразил буйвола и крестьянина с винтовкой, работающих на рисовом поле. А сверст-

держка его патриотов — главная задача Софийского фестиваля.

Социалистические страны и особенно Советский Союз оказывают большую братскую помощь борющемуся Вьетнаму. Мы посылаем туда ракеты и пушки, машины и станки.

Юноши и девушки всего мира собирают деньги на подарки и лекарства вьетнамским детям, на донорских пунктах сдают свою кровь для раненых вьетнамских бойцов. И, конечно, на встречах Девятого фестиваля они будут говорить о том, как эту помощь еще больше укрепить и расширить. Прямо из Софии во Вьетнам улетит специальный самолет с подарками делегатов разных стран.

Делегаты соберутся на шествия и митинги. Прочитают документы, изобличающие американских агрессоров и их преступления. Выступят партизаны и бойцы армии Освобождения.

Мы верим, что протест демократической молодежи, всех справедливых людей на земле обуздает агрессоров. Придет время, когда на юге Индокитайского полуострова взвевется флаг мира и свободы и вьетнамские дети забудут слово «война».

*

У фестиваля миллионы друзей. Но есть и враги.

Ведь все те, кто совершает преступления в Британской Гвиане и Греции, в арабских странах и Анголе, в Южной Африке и Северной Америке, кто убивает вьетнамских детей, — все они боятся всемирного фестиваля-борца. Они ненавидят его.

Недаром многие участники Восьмого фестиваля, как только вернулись в свои страны, были сразу арестованы. Недаром вся делегация Соединенных Штатов предстала перед зловецей комиссией по антиамериканской деятельности. Вся, за исключением двух доносчиков.

Понятно, что правители многих капиталистических стран пытаются помешать молодежи приехать и в Софию. Делегатов не пропускают через границу, запугивают.

Да, борьба продолжается. В дыму военных пожаров, в полицейских застенках ведут ее молодые патриоты нашей планеты. Это очень трудная и опасная борьба. Нельзя точно предсказать, когда придет окончательная победа во все уголки земного шара, но рано или поздно она придет.

Это знают делегаты фестиваля. За это они борются. Их девиз — солидарность!

летите,

И. КОЖЕВНИКОВА

...Японская девочка Саюри отправилась путешествовать по разным странам. Она взяла с собой семь разноцветных бумажных журавлей. Саюри села на самолет, а журавли удобно разместились в ее сумочке. Когда самолет приземлился в Праге, к Саюри подошел высокий мужчина.

— Покажите мне, пожалуйста, как делать бумажных журавлей, — сказал он. — Я возвращаюсь домой в Венгрию и хочу научить этому мою дочку Марию.

Саюри достала из сумочки двух журавлей — желтого и розового, развернула их и стала складывать заново, говоря:

— Сначала так, потом так, потом расправьте крылья, подуйте в дырочку — и журавль готов.

Папа Марии внимательно повторял все движения. Когда оба журавля были сделаны, он бережно усадил их в шляпу и побежал к своему самолету.

В Праге Саюри пошла в детский сад. Она вынула из сумочки красного журавля и показала его ребятам.

— Что это? Что это? — закричали они.

— Это журавль из моей страны, Японии, — ответила Саюри. — Говорят, если сделать тысячу таких журавлей, исполнится самое заветное желание.

Пока ребята, шумя и толкаясь, учились делать журавлей, к Саюри подошла Вера.

— Я слышала, — тихо сказала она, — что в Японии есть девочка Сасаки Садако, больная лучевой болезнью. Она поправится, если я сделаю тысячу таких журавлей?

Саюри хотела ответить ей, но в комнату вошла воспитательница...

Следующий город, куда приехала Саюри, была Москва.

Там Саюри разыскала дом, где жил старый человек в больших очках. Он всю жизнь писал книги.

— Я приехала из Японии, чтобы навестить вас, дядя Маршак, — сказала Саюри.

— Спасибо, — радостно ответил писатель. — Я часто получаю письма от японских друзей, только вот глаза у меня стали плохо видеть.

Саюри вынула из сумочки светло-зеленого журавля.

журавлики!

— Пожалуйста, журавль, — шепнула она, — помоги ему вылечиться. Ведь он пишет книги, которые так любят японские дети.

И Саюри, попрощавшись, пошла дальше. Потом она попала в подмосковный поселок Переделкино, где жил веселый волшебник, которому исполнилось уже восемьдесят четыре года. В этот день к нему пришла в гости тысяча детей, и Саюри стала тысяча первой. Каждый гость должен был спеть или станцевать. А Саюри вынула красивого голубого журавля, и все были очень довольны, и больше всех — веселый волшебник.

Когда Саюри возвращалась на пароходе домой в Японию, она сделала из последнего — белого — журавля подзорную трубу и стала смотреть, как живут журавли, оставленные ею в разных странах. Она увидела и венгерскую девочку Марию, и чешскую девочку Веру, и веселого волшебника, у которого опять собралась тысяча детей. И с палубы парохода она замала всем рукой...

Обо всем этом написано в сказочной японской книжке, которая называется «Путешествие семи бумажных журавлей». Но многое из того, что написала писательница Томико Инуи, было на самом деле.

Томико Инуи действительно ездила в Чехословакию и Советский Союз. Она была в гостях у Самуила Яковлевича Маршака и Корнея Ивановича Чуковского. «Веселый волшебник» — Корней Иванович — рассказывал госте о детях, а пока он рассказывал, она сделала из бумаги целую стаю журавлей.

Японские журавли путешествуют по всему свету. Из далекой Хиросимы они прилетали и в Волгоград, и в Хабаровск, и в Московский Дворец пионеров, и, наверное, во все страны мира, потому что во всех странах есть люди, которые борются за то, чтобы нигде и никогда не повторилась страшная трагедия, ко-

торая разразилась в Хиросиме 6 августа 1945 года.

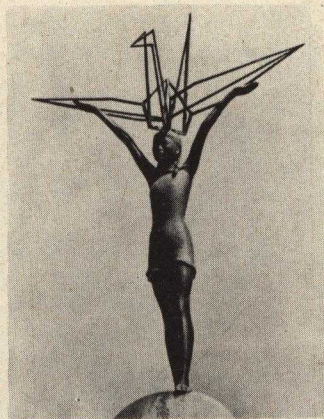
Посылают этих журавлей ребята из общества журавликов «Оридзуру-но-кай». Того самого детского общества, которое собрало деньги на памятник Сасаки Садако, умершей от атомной радиации. Я думаю, вы знаете историю этой японской девочки. Памятник ей стоит в Хиросиме, в парке Мира. Около бронзовой фигурки, поднявшей над головой распластавшего крылья журавля, развевается флаг общества — зелено-бело-красный. Ребята постоянно несут дежурство около своего памятника. Он всегда увешан множеством гирлянд бумажных журавлей, которые люди приносят Садако.

«Оридзуру-но-кай» заботится о всех больных лучевой болезнью. Ведь, несмотря на то, что после войны прошло уже двадцать три года, госпиталь атомного взрыва по-прежнему полон. Ребята навещают больных, приносят им в праздник подарки, поют им песни, выполняют их поручения. Когда я была в Хиросиме, я видела на перекрестке главной улицы девочек и мальчиков в школьной форме, с маленькими ящичками в руках, обклеенными белой бумагой. Они собирали деньги для пострадавших от атомной бомбы.

А еще члены общества пишут письма ребятам разных стран. Они рассказывают о страшных последствиях взрыва в Хиросиме и призывают всех детей вместе с родителями бороться против войны. И куда бы они ни посылали свои письма, они укладывают в конверт и бумажных журавлей.

Так маленький японский бумажный журавлик стал посланцем мира и дружбы среди всех детей.

Прилетят журавлики и в Софию, на Девятый Всемирный фестиваль, где в годовщину трагедии Хиросимы все делегаты выйдут на манифестацию против атомной войны.

Памятник
японской девочке
Сасаки Садако в Хиросиме.

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

АНЬ-АНЬ

И ЧИ-ЧИ

ЗВЕРЬ-ИКС

Есть в Московском зоопарке четвероногий жилец, возле которого подолгу стоят посетители.

— Это надо же! Нарочно не придумаешь такого! — удивляются они.

И в самом деле, все четыре лапы черные, а передняя половина туловища белая. Черные уши на белой лобастой голове. Обведенные черными кружками глаза на белой морде. Будто клоун в гриме, готовый к выходу на арену. А когда этот «клоун» в полтора центнера весом с какой-то особой медвежьей грацией вдруг на ходу делает кувырок через голову, восторгам нет конца. Табличка на клетке сообщает, что зверь называется... Впрочем, узнаете дальше. А пока примите к сведению, что всего девяносто девять лет назад этого зверя зоологи никак не называли, потому что им вообще не было известно о его существовании.

В 1869 году Парижский музей естествознания получил посылку со звериной шкурой. Казалось, она сшита искусным меховщиком из больших кусков чисто черного и чисто белого меха. Но сколько ни рассматривали, никаких швов не нашли.

— Значит, она покрашена частями, — говорили некоторые зоологи.

Но и это предположение не выдержало проверки. Оставалось согласиться, что эта шкура от природы такая. Значит, существует на земле подобный зверь? Огромный, причудливо раскрашенный?

— Не существует, а существовал когда-то и уже вымер, — упрямылись недоверчивые.

Но все же новый экспонат был зачислен в

коллекции музея, и зверь-икс взят зоологами на учет впредь до выяснения.

Откуда же попала в Париж странная шкура неведомого науке существа?

БАЙ-ШУНГИ

В те годы в Китай приехал французский священник Давид проповедовать христианство. В одном из селений провинции Сычуань он увидел удивительную шкуру у местных жителей и узнал, что это Бай-Шунги (в переводе с китайского «белый медведь»), живущий высоко в горах среди густых бамбуковых зарослей. Давид купил шкуру и отправил ее во Францию, а в том же году видел убитого Бай-Шунги. Привезти его тушу целиком он, конечно, не мог, но свежеснятая шкура и часть костей окончательно убедили зоологов. Правда, тщательно изучив кости, они пришли к выводу, что вновь открытый зверь не медведь, что он скорей сродни енотам. Его и отнесли к семейству енотовых, отчислив из семейства медведей и назвав большой пандой. Впрочем, первое название — «бамбуковый медведь» — оказалось стойким и дожило до наших дней.

Семьдесят лет после открытия снаряжались экспедиции, чтобы поймать большую панду живьем, но безрезультатно. Лишь в 1936 году молодой бамбуковый медвежонок по кличке Су-Линь был привезен в США. Самочка Су-Линь прожила в неволе недолго — всего два года — и погибла.

Бамбуковый медведь, или большая панда, и сейчас редкость. Из шестисот зоопарков, существующих на земле, не больше десятка имеют этого редкого зверя.

В Европе их всего два: самец Ань-Ань в Москве и самка Чи-Чи в Лондоне.

Это было сенсацией для ученых всего мира: впервые в неволе панда родила детеныша. Малыш Минг-Минг появился на свет в 1963 году в Пекинском зоопарке. Вот он со своей мамой.

КАК ПОЙМАТЬ ПАНДУ?

Охота на бамбуковых медведей очень трудна. Живут они в малодоступной горной местности, на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря. Необычайно осторожные и чуткие, они быстро скрываются от преследования. Правда, известны случаи, когда служители буддийских монастырей, расположенных высоко в горах, почти приручали этих нелюдинов. Поодиночке, а иногда и группами панды приближались к монастырским здани-

ям и даже купались в специально устроенном бассейне.

Охотясь за пандой, звероловы используют специально обученных собак. Найдя след, собаки бросаются в погоню, но часто бывает, что зверь успевает скрыться в непроходимых зарослях или среди скал, куда людям не пройти. Иногда, спасаясь от собак, бамбуковые медведи, особенно молодые, забираются на деревья, а это и нужно охотникам. Вся поросль вокруг дерева вырубается, чтобы зверь не ушел поверху. Затем вокруг дерева

растягиваются сети. Разными ухищрениями панду сгоняют на землю, она бросается наутек и запутывается в сетях. Попалась! Однако самое трудное впереди: вынести пленницу по бездорожью, пробиваясь сквозь заросли, скатываясь по скалистым склонам, преодолевая быстрые горные потоки. А панда тем временем спокойно не сидит: бушует в клетке, неистовствует, силясь вырваться, и от этого еще труднее сохранить ее в пути живой.

НАШ ЛЮБИМЕЦ

Бамбуковый медведь Ань-Ань прибыл в Московский зоопарк в августе 1959 года. Работники зоопарка — и зоотехники, и ветеринарные врачи, и научные сотрудники, и рабочие по уходу за животными — первые дни были в тревоге. Ань-Ань ничего не желал есть, кроме привычной для него пищи — бамбука. А где его взять? Московские ботанические сады смогли пожертвовать нам немного: одно целое растение в кадке и охапку бамбуковых побегов. Но этого запаса хватило всего на неделю. Пришлось нашему сотруднику срочно вылететь в Сухуми, где бамбук растет «на воле», заготовлять «бамбуковое сено» и самолетом отправлять в Москву. Но это было и трудно и дорого. Каждый обед Ань-Аня обходился дороже, чем если бы мы его кормили в самом шикарном ресторане. Решили постепенно приучить панду к «русской кухне». Стали давать кашу, фрукты, овощи, сладкий чай, а вместо бамбука... березовые и ивовые ветки. И ничего, привык, нормально рос и забыл свой любимый бамбук.

Теперь Ань-Ань уже вполне взрослый. В нынешнем году ему исполняется десять лет.

Он достиг предельных для своего вида размеров: вес его перевалил за сто пятьдесят килограммов, а длина туловища — сто сорок сантиметров.

Живет у нас бамбуковый медведь в специально отведенном для него каменном домике, с примыкающим к нему и отгороженным сеткой большим загонем, где устроен бассейн и вкопан ствол толстого, ветвистого дерева. В первые годы мы очень боялись простудить мишку — ведь он ценен не только как редкий зоологический экспонат, интересный для науки. Это — дорогостоящее государственное имущество, и мы отвечаем за его сохранность. Иностранные фирмы по торговле животными предлагали нам за него целое стадо слонов...

Когда температура воздуха опускалась ниже нуля, Ань-Аня загоняли в домик и прогулки ему запрещались. Но постепенно он привык к московскому климату и стал требовать прогулок даже при морозах. Он делал это очень красноречиво: ложился у двери, выхо-

дящей в загон, и не отходил. Пришлось ему уступить. Сначала его выпускали на коротенькие прогулки в несколько минут, а теперь он часами расхаживает по снегу, купается в нем, резвится и чувствует себя отлично. Закалился, как настоящий спортсмен-«морж». Летом в жаркую погоду Ань-Ань выбирает затененные места. В свой мелководный бассейн он идет очень охотно, а под дождем мокнуть — самое большое удовольствие для него.

Наши наблюдения показали, что этот тяжеловесный зверь ловок и проворен, как цирковой акробат. Ань-Ань охотно лазит по деревьям. Он может часами висеть в развилках ветвей, ловко балансируя, принимает самые невероятные положения. И вообще ухватки у него уморительные. Улегшись спать, под голову подкладывает одну из передних лап, а то развалится брюхом кверху и, сладко вздохнув, погружается в дремоту. Ветки бамбука и березовые веники он обязательно ест сидя, опершись спиной о ствол дерева или сетку загона. Ветки при этом ловко держит пальцами передних лап и быстро объедает острыми зубами листья, кору и другие лакомые части растения. Ловкость пальцев у него прямо необыкновенная. Мы для опыта давали ему графитовые стержни от карандашей. Он без затруднения подбирал их с пола, крепко зажимал пальцами передней лапы и внимательно рассматривал, а потом, попробовав на зуб, разочарованно отбрасывал.

Бамбуковый медведь — очень спокойный и ласковый зверь. Он позволяет погладить себя, почесать и никогда не делает попыток наброситься на человека. Правда, если ему надоедает, он пытается прихватить лапой — тут уж надо поостеречься. Проголодавшись или рассердившись, Ань-Ань подает голос: негромкие звуки, напоминающие блеяние. А большую часть времени молчит.

НЕВЕСТА ИЗ ЛОНДОНА

В 1963 году в Пекинском зоопарке произошло небывалое событие: панда Лили родила детеныша. Малыша назвали Минг-Минг. Но никто из европейских зоологов новорожденных бамбуковых медвежат не видел. И вот в 1966 году Лондонское зоологическое общество предложило нам научный опыт: соединить живущую в Лондонском зоопарке самочку Чи-Чи с нашим самцом Ань-Анем. Мы, конечно, согласились.

Это было целое событие. В марте 1966 года Чи-Чи прибыла в Москву пассажирским самолетом, на борту которого было написано «Специальный рейс. Панда». Клетка, в которой она находилась, была сделана из пластика, плексигласа и никелированного металла. Ну прямо свадебная карета! Да еще с надписью «Чи-чи. Лондон — Москва».

Еще задолго до прилета Чи-Чи мы стали знакомить с ней будущего «жениха». Присланную из Лондона фотографию «невесты» увеличили, приклеили на картон и поставили в клетку Ань-Аня. Он сразу заметил портрет, подошел к нему и стал внимательно рассматривать, будто бы понимая, в чем дело. Ну, а потом? А потом фотография оказалась у него в лапах, дальше последовала проба ее на вкус, и существование портрета Чи-Чи на этом закончилось.

В день прилета лондонской красавицы в зоопарке с утра был настоящий переполох. Непрерывно звонили корреспонденты газет и журналов, работники кино, телевидения, справляясь о времени прибытия самолета. На кухне готовили обед: рисовую кашу, компот, крепкий чай, вареные овощи и березовые веники.

К назначенному часу в международном аэропорту Шереметьево собралось по меньшей мере человек двести. Здесь были советские корреспонденты и иностранные, представители британского посольства, сотрудники Министерства культуры СССР, нашего зоопарка, телевидения, радио и много других. Один из корреспондентов шутил сказал: «Я часто бываю в международном аэропорту, но так еще ни одного короля не встречали». Как только огромный воздушный корабль подрулил к вокзалу аэропорта и к нему подали трап, армия корреспондентов нацелила свои фото- и киноаппараты. Каждому хотелось запечатлеть выход лондонской гостьи из самолета.

Чи-Чи, как и подобает невесте, привезла в подарок жениху букет... свежих бамбуковых листьев. Букет был весом более двадцати килограммов. В тот же вечер Ань-Ань с удовольствием съел на ужин часть букета и запил сладким чаем за здоровье Чи-Чи.

С аэродрома Чи-Чи доставили в ее временную «резиденцию» — карантин Московского зоопарка. Как только ее выпустили из нарядной клетки, она сильно разволновалась, и мы услышали ее первый «концерт». Но об этом несколько позднее.

дома. Ань-Ань заметно волновался, кружил по вольеру, заглядывал в окна. Когда он успокоился, открыли вторую дверь. Чи-Чи вышла не сразу — осмотрелась, принялась, потом осторожно ступила на землю. Несколько минут панды держались поодаль друг от друга, потом приблизились и вновь довольно спокойно разошлись. Мы обрадовались: значит, они подружились! И вдруг Ань-Ань набросился на Чи-Чи, ухватил ее за заднюю ногу, и началась дикая свалка с отчаянными воплями и ревом. Тревога! Мгновенно были открыты брандспойты пожарных рукавов, захлопали выстрелы пугачей, но драка продолжалась. Тогда, чтобы звери не покалечили друг друга, несколько человек бросились в вольер. Смелое наступление людей с фанерными щитами и пиками вынудило Ань-Аня оставить Чи-Чи. После этого драчунов несколько дней держали в одиночных клетках, а потом сделали повторную попытку свести их вместе. Повторяли не раз. Больших драк не было, но Чи-Чи оказалась злопамятной, не пожелала мириться, нападала на своего нареченного, поколачивала его. Так и закончился ее визит в Москву. Осенью она вернулась в Лондон.

И все же за время этого безуспешного сватовства удалось выяснить целый ряд неизвестных ранее любопытных особенностей бамбуковых медведей. Мы и не подозревали, что они обладают очень громким голосом. Взволновавшись, Чи-Чи скулила, издавала такие резкие, трубные звуки, что стены дрожали, мычала наподобие коровы. Тихоня Ань-Ань тоже расширил свой «разговорный репертуар»: он не только блеял, но и верещал и мычал. Оказывается, добродушные панды могут быть по отношению друг к другу очень агрессивными, но человека боятся и покоряются ему.

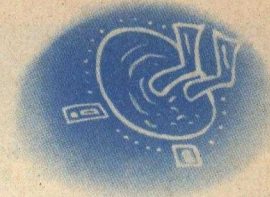
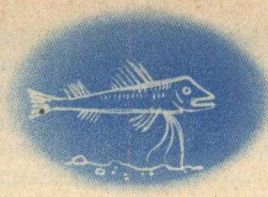
В прошлом году намечался ответный визит Ань-Аня в Лондон, но он прихворнул и поправился только к осени. В Англии его с нетерпением ждали и постоянно справлялись о его здоровье. Вот какая важная персона наш бамбуковый медведь Ань-Ань, самый драгоценный питомец Московского зоопарка.

ССОРА

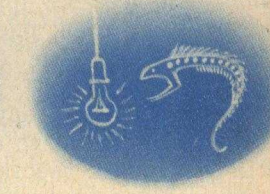
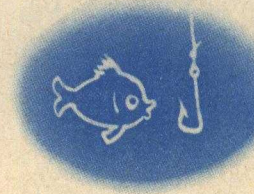
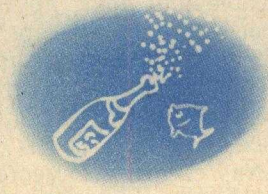
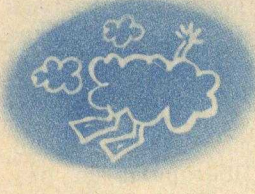
Больше полугода прожила Чи-Чи в Московском зоопарке, но с Ань-Анем так и не подружилась. Сначала мы познакомили их через решетку. Нам уже казалось, что звери привыкли друг к другу, настроены миролюбиво. И вот наступил день, когда их обоих решили выпустить в один просторный вольер. Для предосторожности, как положено по правилам, были приготовлены ружья с холостыми патронами, шесты, пожарные рукава, дымовые шашки. Команда из шести мужчин с фанерными щитами, сетями и пиками стояла наготове. Первым выпустили хозяина

Портрет Чи-Чи сразу привлек внимание Ань-Аня.

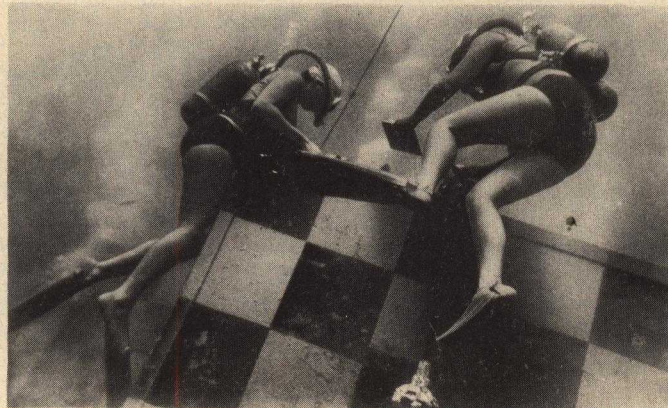

ДОМ ПОД ВОДОЙ

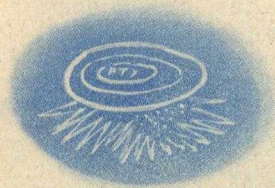

С. САХАРНОВ

Рисунки
Б. СТАРОДУБЦЕВА

Два лета «Ихтиандр» служил советским акванавтам.

ЖИВОЙ ШАЛАШИК

Я плыл над неровным каменистым дном. Подо мной тянулись поросшие кустистыми водорослями валуны. Редкие бурые кустики покачивались на течении.

Я искал морских ежей.

— Да тут их навалом! — сказали мне местные мальчишки. — Здоровые, иголки, как гвозди. Вот такие!

Но ежей не было видно. Я поплыл в одну сторону, в другую... И вдруг мое внимание привлек домик. Маленький домик на дне — две щепки шалашиком, а под ними пучок морской травы.

Я сначала не понял, что в этом домике осо-

бенного, но потом, присмотревшись, увидел: домик полз! Он полз очень медленно и очень спокойно. Видно, хозяин его не торопился. Я подплыл к домику и тронул пальцем щепку. Она сопротивлялась. Я отвел ее в сторону. Сквозь бурые ниточки водорослей торчали фиолетовые кончики игл. Еж, ну, конечно, еж!

Недолго думая, я стащил с него траву и отбросил в сторону щепки. Еж замер, темные иглы его встопорчились — он ждал нападения. Я не трогал его. Успокоившись, еж опустил иглы и снова тронулся в путь. Но теперь он торопился, он сполз с камня и начал что-то искать у его подножия. На дне лежала старая, рыжая от ржавчины крышка консервной банки. Еж примостился рядом с ней. Между игл высунулись черные ножки, на конце каждой — присосочек. Они потянулись к

крышке. Вот первая дотянулась, ткнулась в крышку и замерла. Присосалась, приклеилась. За ней вторая, третья. Ухватились ножки, натужились и подняли крышку. Изгибаются, шевелятся, передают крышку одна другой. Ползет крышка вверх по иглам. Доползла до самой макушки и остановилась. Как щитом теперь прикрыт еж.

Покачал он свой щит, покачал — крепко сидит! — и снова пополз вверх по камню. Спокойно ползет, теперь ему никакой враг не страшен...

В тот день я понял, что морское дно, как и лес, и горы, и небо, полно неоткрытых тайн — больших и маленьких.

Ведь именно для того, чтобы разгадывать тайны, опускаются люди под воду.

Это присказка. А теперь — от шалашика к настоящим домам.

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ

Если бы берега материков круто обрывались в океан, люди еще долго не

испытывали бы ни нужды, ни желания опускаться под воду.

Океанские глубины — это мрак, тишина и редкая, скупая на краски и формы жизнь.

Но берега опоясывает континентальный шельф — затопленная когда-то океаном кромка берега. Это наполненные светом и жизнью воды, причудливые водоросли, пестрые рыбы, а под тонким слоем воды на дне и нефть, и уголь, и руда.

Впрочем, слой не очень тонкий: шельф — это глубины до двухсот метров. И наполненные светом — это тоже преувеличение.

Но именно здесь человек стал водолазом.

ВРАГИ НА ГЛУБИНЕ

Когда у одного аквалангиста спросили, какие у человека под водой самые

опасные враги, он вздохнул.

— Много их, — ответил он.

— Ну, хотя бы самые главные. Акулы?

Он усмехнулся.

— Осьминоги?

Он рассмеялся.

— Главный враг — собственная неаккуратность, — сказал он. — Идешь под воду — выполняй правила. Баллоны проверь, автомат дыхания проверь, загубник приладь, ремни подтяни. Семь раз отмерь, подумай. Подумаешь — проверь восьмой раз... Ну, а враги у нас обыкновенные: давление, «кессонка», недостаток или избыток кислорода, азот, холод, темнота...

— Да, врагов хватает.

Давление

С каждым десятком метров глубины давление увеличивается на одну атмосферу. На глубине двух километров на каждый квадратный сантиметр тела водолаза давят двести килограммов. Но это еще ничего — внутри тела противодействие. Страшнее другое — резкая смена давлений, из-за нее все беды. И главная беда — «кессонка».

Кессонная болезнь

«Кессонкой» водолазы называют кессонную болезнь.

На глубине кровь насыщается азотом, как сельтерская вода — углекислым газом. Стоит быстро поднять водолаза с глубины, и кровь его закипит, как газированная вода в открытой бутылке.

Давление в легких водолаза надо уменьшать постепенно. Это называется делать декомпрессию.

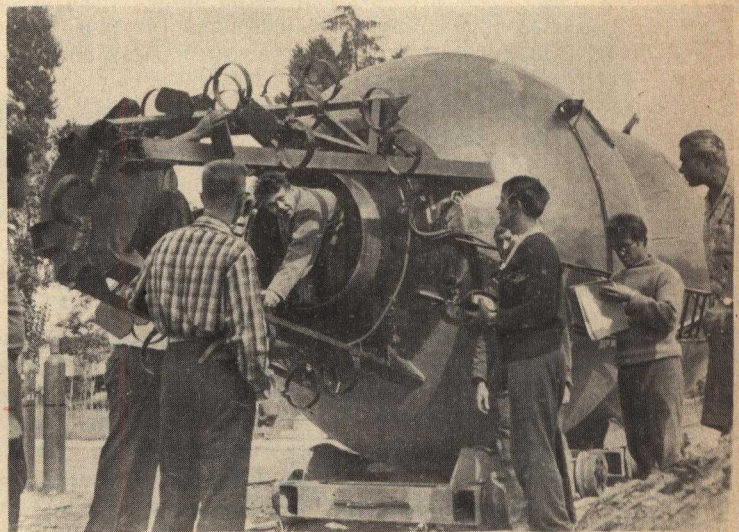
Легкая кессонная болезнь — это боль, сильная — смерть.

Глубинные отравление и опьянение

Водолаз дышит газовой смесью, похожей на обычный воздух. С глубиной состав смеси меняется. Если в ней мало кислорода, человек задыхается, много — наступает отравление. Избыток азота может привести к глубинному опьянению. Опьяненный азотом водолаз может сбросить акваланг или выронить из рта загубник.

Холод и темнота

На глубине температура воды постоянная и чаще всего низкая. Она редко больше восьми — десяти градусов тепла. Под водой темно. В большинстве морей дальше десяти — пятнадцати метров ничего и не увидишь. А глубже опустишься — там вообще мрак.

«Садко» сначала осваивали на берегу. Потом спустили на дно Черного моря.

ДОМ, КОНЕЧНО, ДОМ

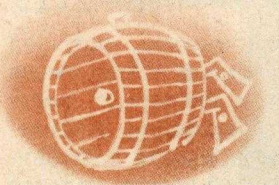
На подъем водолаза с глубины тратят уйму времени. Чтобы избежать кессонной болезни, водолаза, который побывал на глубине ста восьмидесяти метров всего несколько минут, поднимали двенадцать часов(!).

Это не работа.

Нужен дом, стальной, прочный дом, который бы стоял на дне и в котором было бы такое же давление, как в окружающей его воде. Тогда водолаз, входя в дом и выходя из него, не будет испытывать смену давлений и ему не опасна «кессонка».

Впрочем, нечто похожее у водолазов было уже давно — водолазный колокол. Зайдя под него, водолаз мог отдохнуть и снова начать работу.

Водолазный колокол — дедушка подводных домов.

«ДИОГЕН»

В Древней Греции жил философ Диоген. Говорят, что летом он жил в бочке.

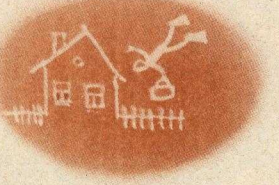
Каждый грек мог подойти и заглянуть в бочку, каждый мог убедиться в том, что хозяин ее — настоящий философ, он не ищет удобств и может размышлять в любых условиях.

Когда французский исследователь глубин Жак-Ив Кусто опустил в сентябре 1962 года близ Тулона (Средиземное море) свой первый дом, похожий на бочку, он назвал его «Диоген».

Два акванавта имели возможность размышлять в нем о загадках моря целых семь дней. Над ними было одиннадцать метров воды. Воздушный и электрический кабели соединяли дом с берегом.

В доме были телевизор, радио, электрическая плита.

Но самым удивительным в доме была дверь.

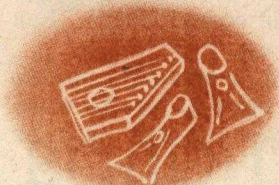
ЗЫБКАЯ ДВЕРЬ

В подводном доме нет окон. Стены обиты губчатой резиной. Круглые сутки жужжат лампы дневного света. Есть дверь, но она горизонтальна. В нее смотришь, как в окно. Тихо покачивается ее блестящая поверхность. Неровные голубые полосы сходятся и расходятся за ней.

Наклонись, тронь эту дверь ладонью —

дверь колыхнется и уступит, пальцы пройдут сквозь нее.

Зыбкая дверь — это поверхность воды. За ней — мерцающий свет, отраженный от дна, и пятнистый ковер водорослей под домом.

«САДКО НОМЕР ДВА»

У каждого народа есть сказка или легенда о том, как человек опустился в морскую пучину и жил среди рыб.

У нашего народа это сказание о новгородском купце Садко. В сказке Садко один побывал в гостях у морского царя.

Нынче он не одинок. Второй год подряд на дно Черного моря опускаются дома, на круглых боках которых написано имя новгородца. «Садко-1» — это 1966 год, «Садко-2» — лето 1967 года.

Я сижу в квартире Анатолия Викторовича Майера, руководителя экспедиций «Садко», и он рассказывает:

— О «Садко-2» немного позже, а сначала я хотел бы на нашем примере показать, чем занимаются люди под водой. Итак, считайте...

— Буду загибать пальцы, — говорю я.

— Извольте. Всего несколько последних лет. Во-первых, мы разработали и построили автоматическую фотокамеру «Финвал-1» для съемок на глубинах до одного километра. Это раз. Далее, выезжали в Заполярье и там по просьбе рыбаков обследовали в нескольких местах дно Баренцева моря. Приходилось опускать приборы на глубину до пятисот метров. Из холодного полярного моря мы перебрались в теплое Каспийское. Там снова обследовали дно, но уже по просьбе нефтяников. Они добывают нефть со дна Каспия, и им очень важно знать, что за грунт в тех местах, где стоят в море их вышки. Очень опасны, например, грязевые и газовые вулканы...

— Вулканы под водой?

— Да. Ну, они, конечно, небольшие. Мы составляли карты дна. Затем — Черное море. Неподалеку от Сухуми нам пришлось работать уже как археологам. Там находится место, где по преданию ушел под воду древнегреческий город Диоскурия. Мы искали его остатки. Затем помогали кинооператорам снимать научно-популярный фильм «Путь к океану». В 1967 году новое море и новое задание. У берегов Дании, если помните, затонул в прошлом году траулер «Тукал». Надо было установить причину катастрофы...

— У меня уже не хватает пальцев!

— Тогда я остановлюсь. Как видите, дел много. А теперь о нашей последней работе — о том, как был установлен на глубине двадцати пяти метров «Садко-2». Сначала мы установили его на глубине одиннадцати метров и стали обживать. Как видно на рисунке,

*«Садко-2»,
составленный
из двух сфер,
не стоит на дне,
а висит,
как аэростат.*

«Садко» — дом не обычной формы: это две соединенных между собой сферы. И стоит он не на самом дне, как, например, стоят дома у американцев, а висит. Висит, как аэростат, между дном и поверхностью воды.

Проверив все системы, мы опустили дом на двадцать пять метров, и в нем поселились два наших товарища — Николай Немцев и Вениамин Мерлин. На всякий случай у них, как и у космонавтов, были дублеры — Беззаботнов и Бурнашев.

— Но они не понадобились?

— Нет, все прошло благополучно. Двое акванавтов прожили в подводной лаборатории десять дней. Каждый день они на несколько часов выходили или, вернее, выплывали из дома, опускались до глубины пятидесяти метров, производили различные наблюдения. Еще больше наблюдений вели внутри дома — над собой. Ведь нас в первую очередь интересовало влияние давления и других особенностей подводной жизни на организм человека. У опыта были в основном медицинские цели. Кстати, наш дом был достаточно удобный. Видите, на чертеже — в нем две комнаты. Первая — в нижней сфере — как бы прихожая. В ней вешалка, умывальник, душ. Во второй — в верхней сфере — жилая комната. Здесь спальня, столовая, рабочий кабинет.

*Первый дом
Жака-Ива
Кусто
«Диоген»,
похожий
на бочку,
стоял на дне
Средиземного
моря.*

— В каком месяце происходило погружение?

— В октябре.

— О-о, могло и заштормить!

— Так и получилось. У нас на берегу ветер срывал палатки, валил в соседней роще сосны. Обстановка была, скажем прямо, невеселая. Речушка рядом превратилась в бурлящий поток, несла камни. Море все было белым от пены. «Ну, — думаем, — как там наши ребята?» А они, оказывается, даже не подозревали, что наверху такое творится. Дом раза два качнуло, и все. Спасла глубина. Вот только пришлось им несколько дней просидеть без «береговой» пищи — обычно акванавтисты горячую еду носили им каждый день в термосе, — перешли на сухоматку, стали есть «неприкосновенный запас». Но ветер приутих, и все снова вошло в обычную колею.

По истечении срока дом подняли.

— С декомпрессией, постепенно?

— Ну, конечно. Мы устроили нашим товарищам торжественную встречу. У подводных лабораторий, или домов, большое будущее. С их появлением началась новая эпоха подводных исследований. Только теперь можно сказать: мы живем под водой.

«КОНШЕЛФ» И «СИЛАБ»

Подводных домов много. «Диоген» положил им начало, «Садко-2» — один

из последних по времени погружения. На Черном море группа советских акванавтов два года подряд устанавливала у берегов Крыма дома «Ихтиандр-66» и «Ихтиандр-67». Чешские исследователи жили в сферическом доме у берегов Кубы. Французы погружали дома в Средиземном и Красном морях, американцы — в Атлантическом и Тихом океанах.

Вот краткое описание и рисунки домов, поставленных на морском дне в ходе двух самых крупных многолетних экспедиций — «Коншелф» («Континентальный шельф» — руководитель экспедиции Жак-Ив Кусто) и «Силаб» («Подводная лаборатория» американских ученых).

С подводным домом «Коншелф-1» мы уже знакомы. Это и есть «Диоген». «Коншелф-2» — экспедиция в Красном море. Здесь на глубине одиннадцати метров был установлен дом «Морская звезда». Пять человек провели в нем целый месяц. Впрочем, тут был не один дом, а целый поселок — четырехлучевая звезда, ангар для подводной лодки, сарай, садок для рыб и еще один маленький дом — нижняя кабина на глубине двадцати восьми метров. В ней два акванавта прожили неделю.

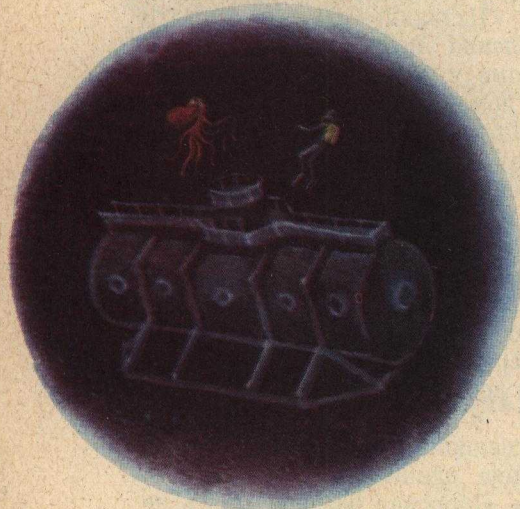

«Морская звезда» обитала на дне Красного моря.

Экспедиция «Коншелф-3» проводилась в Средиземном море, тоже в районе Тулона. Здесь, у мыса Ферра, на глубине ста десяти метров был поставлен на дно сферический дом, окрашенный в яркую черно-желтую клетку. Шестерка исследователей прожила в нем двадцать два дня. Вес дома достигал ста тридцати тонн. Когда дом всплыл, его буксирами отвели в гавань. Еще несколько дней акванавты могли наблюдать полный солнечных красок мир только через стекло иллюминаторов: декомпрессия длилась около четырех дней!

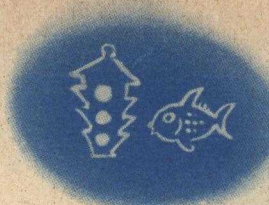
Подводная лаборатория «Силаб-1» стояла на дне Атлантического океана на глубине шестидесяти четырех метров. Четверо ученых-моряков провели в ней одиннадцать дней.

«Силаб-2» похожа на нее по внешнему виду, но это было большое массивное сооружение. Опущенное в Тихий океан близ Калифорнийского побережья, оно простояло на

«Силаб-2» — массивное сооружение американских ученых в прибрежных водах Тихого океана.

дне целый месяц. За это время сменилось несколько групп акванавтов. Один из них — бывший космонавт Карпентер — прожил все тридцать дней. Интересно, что когда «Силаб-2» опустили на дно, поблизости оказался корпус погибшего когда-то самолета, и акванавты подняли его на поверхность.

ГОРОД ПОД ВОДОЙ

Пройдет совсем немного времени, и мы сможем побывать в подводном го-

роде. Это будет выглядеть примерно так.

...Ныряющее блюдце приближалось к цели путешествия. За стеклами иллюминаторов проносились белые искры — это вспыхивали отраженным светом стремительные обитатели глубины.

На зеленом экране гидролокатора появились один за другим треугольные зубчики сигналов. Это были дома. Мы уменьшили ход.

Из зеленоватой полутьмы выплыл огромный шар. Он висел в нескольких метрах от дна, удерживаемый цепями. Красные огни горели на его верхушке, два желтых — отмечали внизу вход.

Наша лодка легла на приемную платформу. Платформа качнулась и втянула блюдце внутрь шара. Наступила тишина. Шло время, и только редкие удары о платформу говорили о том, что там, за стенками нашего суденышка, идет работа, понемногу уходит из приемной камеры вода, и лодка обсыхает.

Наконец за иллюминаторами вспыхнул свет, раздались гудки сирены, и наш командир открыл люк.

— У вас только десять минут! — напомнил он.

Мы прошли по коридору в машинное отделение. Ровно гудели вентиляторы, разгоняя отсюда во все уголки дома очищенный воздух.

Мы поднялись в лабораторный отсек. Каждое отделение в нем было заставлено стеклянными шкафами. На полках, в сосудах, залитых желтой жидкостью, покачивались пучеглазые, кольчатые, многорукие обитатели морского дна. На столах стояли пробирки с пробами воды и грунта, тихие электронные приборы чертили на лентах извилистые кривые.

Возвращаясь к лодке, мы зашли по пути в гостиную. Здесь отдыхало несколько человек акванавтов. В противоположных углах комнаты стояли два телевизора. На экране одного мелькали кадры кинокомедии, второй приемник был настроен на волну подводных работ. На его экране два водолаза чинили бурильный станок. Черная струйка нефти курилась у его основания. Вереница любопытных рыб вилась над прозрачными шлемами людей.

— Сколько времени вы здесь? — спросил наш приятель одного из жителей подводного дома.

— Скоро четвертый месяц.

— Много работы?

— Невпроворот.

— Вам чего-нибудь не хватает?

Прия́тель был журнали́стом и, не дожидая́сь отве́та, записа́л в блокноте — «солнца».

— Времени! — отве́тил его собеседник.

Мы уходили из города. За иллюминатором нашей лодки медленно проплывали черные, отмеченные разноцветными огнями тени.

Город, невидимый и скрытый, непохожий на все остальные города мира, оставался за кормой нашего судна.

Домашние разговоры

— Понимаешь, вошел я вчера в свой дом, а он покачивается.

— И скрипит?

— Булькает.

— Плохо. А у меня вчера другой случай был. Подплыл я к своему дому, и вдруг навстречу мне...

— Акула?

— Собака.

— В акваланге?

— При чем тут акваланг! С цепи сорвалась, соседская. Еле от нее палкой отбил.

— Постой, что-то мы с тобой совсем запутались. Ты это про какой дом? Я, например, про подводный.

— А я про обыкновенный. На берегу озера он у меня. На лодке я к нему плыл.

— Так вот оно что! Беда теперь с домами: где, какой — голова кругом. Хорошо еще в космосе не понаставили!

— Понаставят.

— Ты куда это с ножом собрался?

— Дом приводить в порядок. А ты куда с кисточкой?

— И я тоже.

— Скоблить снаружи буду, ракушками оброс — ужас!

— А я внутри красить. Гостей много, любопытные, все руками трогают.

— Да ведь все подводное — интересно!

А как по-твоему?

1. Может ли человек без водолазного прибора нырнуть на шестьдесят метров в глубину?

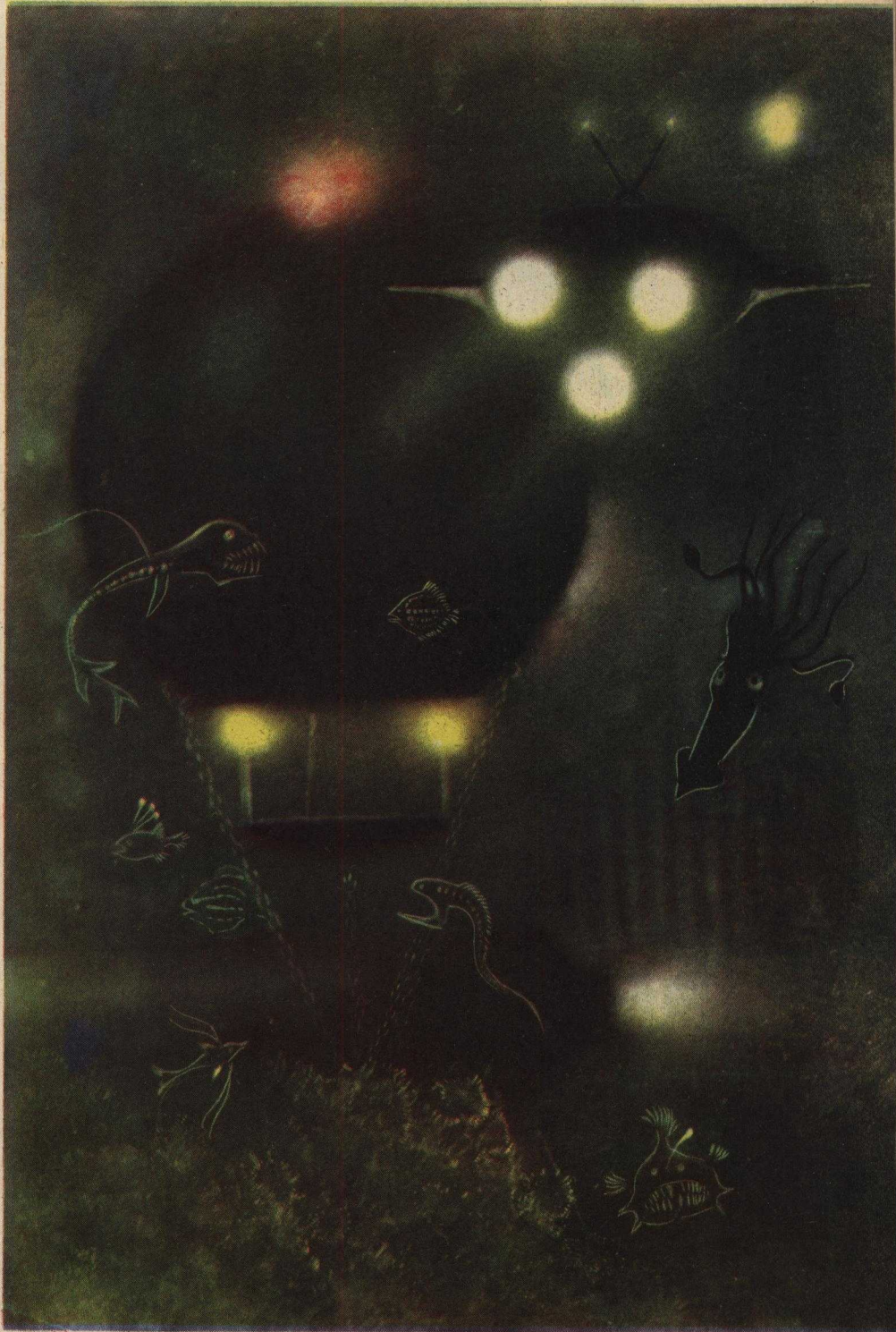
2. Какой океан самый глубокий?

3. Бывает ли море красного цвета? А белого?

4. Кто пешком ходит по морскому дну?

5. Почему у рыб, поднятых с глубины, раздуты животы и выпучены глаза?

(Ответы смотри на странице 80.)

Зеленая полутьма, мерцающие опознавательные огни на причудливых строениях и аппаратах — таким художник Б. Стародубцев представляет подводный город будущего.

ШОТЛАНДСКАЯ СКАЗКА

Пересказала Н. ШЕРЕШЕВСКАЯ

Рисунки И. ГАЛАНИНА

Жил на свете мальчик по имени Перси. И, как все мальчики и девочки, он ни за что не хотел вовремя ложиться спать.

Хижина, где он жил с матерью, была небольшая, из грубого камня, какого много в тех местах, и стояла как раз на границе между Англией и Шотландией. И хотя они были люди бедные, по вечерам, когда в очаге ярко горел торф и приветливо мигала свеча, их дом казался на редкость уютным.

Перси очень любил греться у огня и слушать старинные сказки, какие ему рассказывала мама, или же просто дремать, любуясь причудливыми тенями от пылающего очага. Наконец мать говорила:

— Ну, Перси, пора спать!

Но Перси всегда казалось, что еще слишком рано, и он спорил с ней и препирался, прежде чем уйти, а стоило ему лечь в свою деревянную кровать и положить голову на подушку, как он засыпал крепким сном.

И вот как-то вечером Перси так долго спорил с мамой, что у нее лопнуло терпение и, взяв свечу, она ушла спать, оставив его одного возле пылающего очага.

— Сиди, сиди тут один у огня! — уходя,

сказала она Перси. — Вот придет старая злая фея и утащит тебя за то, что мать не слушаешься!

«Подумаешь! Не боюсь я злых старых фей!» — подумал Перси и остался греться у огня.

А в те далекие времена в каждой фермерской усадьбе, в каждой хижине водился свой малютка брауни, который каждую ночь спускался по каминной трубе и наводил в доме порядок, начищал все и отмывал. Мама Перси оставляла ему у двери целый кувшинчик козьих сливок — в благодарность за его работу. — и утром кувшинчик всегда оказывался пустым.

Эти малютки брауни были добродушными и приветливыми созданиями, только уж очень легко обижались, чуть что. И горе той хозяйке, которая забывала оставить им кувшинчик со сливками! На другое утро все в ее доме бывало перевернуто вверх дном, мало того, обидевшись, брауни больше и носу к ней не показывали.

А вот брауни, который приходил помогать маме Перси, всегда-всегда находил кувшинчик со сливками и потому ни разу не ушел из их дома, не прибрав все хорошенько, пока

Перси и его мама крепко спали. Но у него была очень злая и сердитая мать. Эта старая злая фея терпеть не могла людей. О ней-то и вспомнила мама Перси, уходя спать.

Сначала Перси был очень доволен, что настоял на своем и остался греться у огня. Но, когда огонь начал постепенно угасать, ему сделалось как-то не по себе и захотелось скорей в теплую постель. Он уж хотел было встать и уйти, как вдруг услышал шорох и

Но вот досада, огонь в очаге почти совсем погас, и Перси взял кочергу, чтобы помешать торф, да, на беду, один горящий уголек упал прямо на ногу малютке брауни. И бедняжка брауни так громко завопил, что старая фея услышала его и крикнула в трубу:

— Кто тебя обидел? Вот я сейчас спущусь вниз, тогда ему непоздоровится!

Испугавшись, Перси шмыгнул за дверь в соседнюю комнату, где стояла его дере-

Длинная костлявая рука с острыми когтями схватила за шиворот малютку брауни и подняла его вверх.

шуршание в каминной трубе, и тут же в комнату прыгнул маленький брауни.

Перси от неожиданности вздрогнул, а брауни очень удивился, застав Перси еще не в постели. Уставившись на длинноногого брауни с острыми ушками, Перси спросил:

— Как тебя зовут?

— Сам, — ответил брауни, скорчив смешную рожицу. — А тебя?

Перси смекнул, что брауни пошутил, и решил его перехитрить.

— Я — Сам! — ответил он.

Перси и брауни принялись играть у огня. Брауни был очень проворный и шустрый бегун, он так ловко перепрыгивал с деревянного буфета на стол — ну точно кошка! — и скакал и кувыркался по комнате. Перси глаз не мог от него оторвать.

вянная кровать, и забрался с головой под одеяло.

— Это я — Сам! — ответил брауни.

— Тогда чего же ты вопишь и мешаешь мне спать? — рассердилась старая злая фея. — Сам себя и ругай!

И следом за этим из трубы высунулась длинная костлявая рука с острыми когтями, схватила за шиворот малютку брауни и подняла его вверх.

Наутро мама Перси нашла кувшинчик со сливками на том же месте у двери, где она оставила его накануне. И больше малютка брауни в ее доме не появлялся. Но хоть она и огорчилась, что потеряла своего маленького помощника, зато была очень довольна, что с этого вечера ей больше не приходилось дважды напоминать Перси, что пора идти спать.

ИРЛАНДСКАЯ СКАЗКА

Жил когда-то в Ирландии отважный герой по имени Кухулин. И еще один герой, такой же задиристый вояка, только ростом поменьше, по имени Финн.

Каких только историй не рассказывали про этих двух героев, про их свирепые битвы и смелые дела! Но мы-то вам поведаем совсем иную историю. Скорей всего это не очень правдивая история, а просто сказка про героев-великанов, какую придумали, устав рассказывать про их подвиги, чтобы посмеяться.

Да, так вот, Финн жил в большом доме на самой вершине крутой горы. Нельзя сказать, чтобы это было такое уж удобное место для жилья: откуда бы ни дул ветер, на вершине горы всегда было очень ветрено. К тому же, когда Финна не было дома, его жене Унах приходилось самой ходить за водой, а для этого надо было спуститься к подножию крутой горы, где протекал ручей, и потом с полными ведрами карабкаться наверх. Не так-то это легко, как вы сами можете представить.

И все-таки в одном отношении место, где стоял дом Финна, было очень удобное: с вершины горы были видны все четыре стороны — и север, и юг, и запад, и восток. Поэтому, когда кому-нибудь из его врагов приходило в голову нанести Финну визит, он узнавал об этом заранее. Финн был не из тех, кто любит неожиданные визиты.

Правда, Финн мог и другим путем узнать, что его ждет. Для этого ему достаточно было засунуть в рот большой палец, нащупать последний зуб с правой стороны, и он тут же узнавал, что вскоре должно произойти.

И вот в один прекрасный день, когда Финн и его жена Унах мирно сидели за столом, Финн невзначай засунул палец в рот и тут же побелел, точно снег в январе.

— Что случилось, Финн? — спросила его жена Унах.

— О, горе мне и погибель! Он идет сюда, — ответил Финн, как только вынул палец изо рта и смог заговорить.

— Кто идет сюда? — удивилась Унах.

— Это ужасное чудовище Кухулин! — ответил Финн, и при этом вид у него стал совсем унылый, точно дождливое воскресенье.

Унах прекрасно знала, что хотя муж ее и был настоящим великаном, ростом с хорошую башню, однако Кухулину он и в младшие братья не годился. Меньше всего на свете хотел бы Финн встретиться с таким противником! Все окрестные великаны побаивались Кухулина. Когда он сердился и топал ногой, весь остров содрогался. А однажды он так шлепнул кулаком по шаровой молнии, что в лепешку ее превратил! И с тех пор всегда носил ее в кармане, чтобы показать любому, кто полезет с ним в драку.

Спорить не будем, с любым другим великаном Финн мог бы выступить на равных, но только не с Кухулином. В свое время он расхвастался, что пусть, мол, Кухулин только сунется, он ему покажет! И вот теперь — о, горе ему и погибель! — Кухулин близко, и встречи с ним не избежать.

— Если я спрячусь от него, — сказал Финн, — я стану посмешищем у всех великанов. А драться с чудовищем, которое может одним ударом кулака превратить шаровую молнию в лепешку, — нет уж, увольте! Уж лучше как-нибудь его перехитрить. Но как?

— А далеко он сейчас? — спрашивает у Финна жена.

— Около Данганокана, — отвечает Финн.

— А когда он должен быть здесь? — спрашивает Унах.

— Завтра к двум часам дня, — отвечает Финн и со стоном добавляет: — Мой большой палец говорит мне, что от встречи с ним на этот раз мне не уйти.

— Ну, ну, дорогой! Не унывай и не вешай носа, — говорит Унах. — Посмотрим, может быть, мне удастся выручить тебя из беды.

— Выручай, голубушка! Ради всех святых, выручай! А не то или он меня зажарит, как зайца, прямо у тебя на глазах, или осрамит перед всеми нашими великанами. О, бедный я и несчастный!

— Стыдись, Финн! — говорит Унах. — Хватит ныть да причитать. Видали мы таких великанов! Молнию в лепешку, ты говоришь? Ну что ж, мы его тоже лепешкой угостим, от которой все зубы у него заболят! Не зови ме-

ня больше своей верной Унах, если я не обведу вокруг пальца это грозное чудовище.

С этими словами Унах вышла из дому и вскоре вернулась с грудой больших плоских сковородок — на таких железных сковородках обычно пекут ячменные лепешки или плоские хлебы, подбросив торфа в огонь.

Унах замесила побольше теста, чтобы хватило на все сковородки. Однако очень странные лепешки она испекла. Во все лепешки, кроме одной, самой большой, величиной, наверное, с колесо от телеги, она сунула в середину по железной сковороде и так запекла их. А когда лепешки остыли, спрятала их в буфет. Затем приготовила большой сливочный сыр, сварила целую свиную ногу, поставила ее студить и бросила в кипящую

— Он идет! — дрожащим голосом сообщил Финн, когда увидел в долине высокого, как церковная колокольня, Кухулина.

— Мир
дому
сему! —
сказал он
громовым
голосом.

воду один за другим с дюжину вилок ка-
пусты.

Уже настал вечер — вечер накануне того
дня, когда должен был прийти Кухулин.
И вот последнее, что сделала Унах, — она
разожгла яркий костер на одном из соседних
холмов, что стоял ближе к дороге, засунула
по два пальца в рот и три раза свистнула.

Это означало, что для странников дом Фин-
на гостеприимно открыт — такой обычай был
у ирландцев еще с незапамятных времен.
Унах хотела, чтобы Кухулин услышал ее.

На другой день с самого утра Финн стоял
уже на страже, и, когда он увидел в долине
высоченного, как церковная колокольня,
своего врага Кухулина, он бросился бегом

домой и влетел в комнату, где сидела Унах,
белее сливочного сыра, который она пригото-
вила для высокого гостя.

— Он идет! — дрожащим голосом сообщил
Финн.

— Ах, право, Финн, ну что ты так развол-
новался, — с улыбкой сказала Унах. — Пой-
дем-ка со мной! Видишь эту колыбель? Наши
дети давно уже выросли из нее. А вот тебе
моя ночная рубашка и чепец, они вполне
сойдут за детские. Надевай их и ложись в ко-
лыбель, подожми ноги и как-нибудь ты уж
уместишься в ней, а я накрою тебя одеялом.
Только смотри, лежи и помалкивай, что бы
ни случилось. Сегодня ты должен разыгры-
вать роль грудного младенца.

Финн послушно все выполнил, но, когда в
дверь его дома раздался громкий стук, он
так и задрожал, лежа в своей колыбели.

— Заходи и будь желанным гостем! —
крикнула Унах, открывая дверь чудовищу
ростом вдвое больше, чем ее Финн.

Как вы уже, наверное, догадались, это
был великан Кухулин.

— Мир дому сему! — сказал он громовым
голосом. — Это здесь проживает знаменитый
Финн?

— Ты угадал! — сказала Унах. — Входи,
располагайся, как дома, добрый человек.

— А вы, часом, не госпожа Финн буде-
те? — спрашивает Кухулин, входя в дом и
усаживаясь на широкий стул.

— Ты опять угадал. Я жена славного и
могучего великана Финна.

— Знаем, знаем, о нем давно идет слава
знаменитого великана Ирландии. Что ж, а
перед тобой сейчас тот, кто пришел сразить-
ся с ним в честном бою!

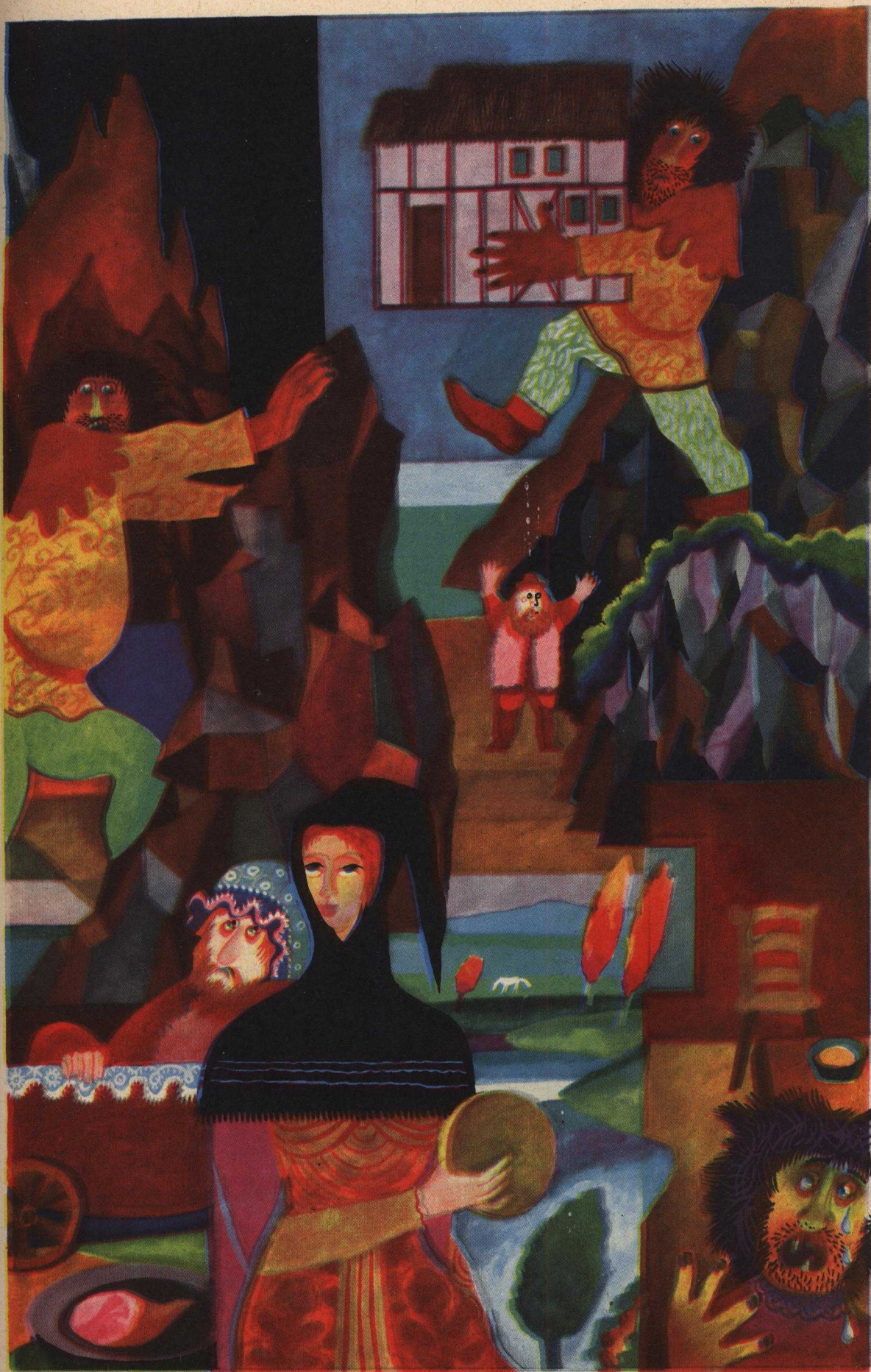
— Ах ты, господи! — всплеснула руками
Унах. — Вот досада, а он сегодня еще на рас-
свете покинул дом. До него дошла весть, что
огромное чудовище, по имени Кухулин, ждет
его у моря на северном берегу, ну, знаешь,
там, где ирландские великаны строят плоти-
ну, чтобы посуху добираться до Шотландии.
Клянусь небом, не хотела бы я, чтобы этот
бедный Кухулин встретился сегодня с моим
Финном. Он сегодня в такой ярости, что со-
трет его в порошок!

— Да будет тебе известно, что Кухулин —
это я. И я пришел к Финну, чтобы сразиться
с ним, — сказал Кухулин, хмурясь. — Вот
уже двенадцать месяцев, как я гоняюсь за
ним, и не он меня, а я сотру Финна в поро-
шок!

— О господи! Наверно, ты никогда не ви-
дал моего Финна? — сказала Унах, покачив
головой.

— Как же я мог видеть Финна, — сказал
Кухулин, — если он всякий раз удирает у
меня из-под носа, точно бекас на болоте?

— Это кто же, Финн удирает у тебя из-
под носа, несчастная ты малявка! — говорит
Унах. — Да, клянусь честью, то будет самый
черный день в твоей жизни, когда ты по-

встречаешься с Финном! Остается только надеяться, что буйное настроение его к тому времени немного утихнет, а не то придется тебе распрощаться с жизнью. Можешь сейчас отдохнуть здесь, но, когда ты уйдешь, клянусь всеми святыми, я буду молиться за тебя, чтобы никогда вам не встретиться с моим Финном!

Тут Кухулина начало разбирать сомнение. Они помолчали немного, потом Унах заметила:

— Ну и ветер сегодня! Дверь так и хлопает, и очаг дымит. Вот жалко, Финна нет дома, он бы помог мне, как всегда в такую погоду. Но раз уж его нет, может быть, ты мне окажешь эту маленькую услугу?

— Какую услугу? — спросил Кухулин.

— Да всего-навсего повернуть дом лицом в другую сторону. Финн всегда так делает, когда дует сильный ветер.

Тут Кухулина одолели еще большие сомнения. Однако он поднялся и вышел следом за Унах из дома. Но сначала он трижды потянул себя за средний палец правой руки — в этом пальце таилась вся его сила! — а потом, обхватив дом руками, повернул его, точно как просила Унах.

Финн, лежа в колыбели, чуть не умер от страха, потому что на самом деле ни разу за все годы, что он был женат на Унах, она не просила его повернуть дом!

Унах улыбнулась Кухулину и небрежно поблагодарила его, точно повернуть дом было все равно, что открыть дверь.

— Раз уж ты настолько любезен, — сказала она, — может, ты еще одну услугу мне окажешь?

— Какую же? — спрашивает Кухулин.

— Да ничего особенного, — говорит она. — Из-за сильной засухи мне приходится очень далеко ходить за водой, к самому подножию горы. Вчера вечером Финн обещал мне, что раздвинет горы и перенесет источник сюда поближе. Но он в такой спешке покинул дом, бросившись тебе навстречу, чтобы утолить свою ярость, что совершенно забыл об этом. Если бы ты хоть чуточку раздвинул скалы, я бы мигом достала воды и приготовила тебе обед.

Кухулину не очень-то по вкусу пришлось такая просьба. Он поглядел на горы, трижды потянул себя за средний палец правой руки, потом опять посмотрел на горы и опять трижды потянул себя за средний палец правой руки. Но этого оказалось мало.

Взглянув в третий раз на горы, он в третий раз трижды потянул себя за средний палец правой руки — итого девять раз! — и только тогда ему удалось проделать в горе большую трещину в милу длиной и в четыреста футов глубиной.

Эта трещина сохранилась и по сей день, она называется Ламфордское ущелье.

— Большое тебе спасибо, — сказала Унах. — А теперь пойдем в дом, и я мигом

приготовлю обед. Финн никогда не простит мне, если я отпущу тебя без обеда. Хотя вы с ним и враги, но нашей скромной трапезой ты не должен пренебрегать.

И Унах выложила на стол холодную свиную ногу, свежего масла, сняла с огня готовую вареную капусту и, наконец, достала из буфета большие круглые лепешки, которые испекла накануне.

— Милости прошу, не стесняйся, — сказала она Кухулину.

Кухулин начал со свиной ноги, потом взял вареную капусту и, наконец, большую круглую лепешку. Разинув пошире рот, чтобы отхватить кусок побольше, он свел челюсти и тут же взревел не своим голосом:

— Сто чертей и одна ведьма!

— Что такое? — спросила Унах.

— Такое, что двух лучших зубов моих как не было! Что за хлеб ты мне подсунула?

— О, — сказала Унах, делая вид, что она очень удивлена, — обыкновенный хлеб! Не только Финн, но даже его дитя в колыбели ест такой хлеб!

С этими словами Унах взяла со стола самую большую лепешку, в которой, как вы помните, не была запечена железная сковорода, подошла к колыбели и протянула лепешку Финну.

Кухулин внимательно следил за ней и увидел, как дитя в колыбели откусило от лепешки огромный кусище и принялось жевать его.

— Вот попробуй-ка теперь эту лепешку, дорогой Кухулин, — предложила Унах, покачав сочувственно головой. — Может, она будет помягче.

Но в этой лепешке тоже была запечена сковорода, и, попробовав откусить от нее, Кухулин взревел еще громче прежнего. Так громко, что Финн в колыбели задрожал от страха и даже застонал.

— Ну вот, ты испугал ребенка! — сказала Унах. — Если тебе не по зубам этот хлеб, сказал бы тихонько, зачем же так кричать?

Но Кухулину было не до ответов. Он подумал о странных порядках в этом доме, который надо поворачивать то в одну, то в другую сторону, о горах, которые надо раздвигать, и об этом странном ребенке, который из колыбели еще не вышел, а уже как ни в чем не бывало жует этот железный хлеб, и сам задрожал от страха. Похоже, ему и впрямь повезло, что он не застал Финна дома. Выходит, значит, все, что говорила ему Унах, была правда!

И Кухулин, не попрощавшись и не сказав даже спасибо за обед, припустил вниз с крутого холма, на котором стоял дом Финна, и бежал без оглядки, пока и зеленые горы и Ламфордское ущелье не остались далеко позади.

А Финн вылез из колыбели, и они с Унах прекрасно поужинали всем, что осталось от обеда, который мудрая Унах приготовила для Кухулина.

ОБЛОЖНОЙ ДОЖДЬ

Т. БЕЛОЗЕРОВ

Пришел за шумною весной
Негромкий дождик обложной.
Лопочут,

возятся,

стучат

Старательные капли.
На ветках зяблики молчат,
Нахохлились, озябли.
Сердито еж чихает,
А дождь не утихает.
Колдует, ласково шурша,
Среди листвы вертявкой.
За каплей капля — не спеша —
Проник в кусты и травы.
Не обошел глуши лесной,
Завалов бурелома —
Все вымыл дождик обложной
Без молний
И без грома.

на отмели

Домик в три окошка.
Прясло, огород.
Старицу дорожка
Переходит вброд.
Там, среди приволья,
У реки Исеть,
Светится на кольях
Седенькая
Сеть.
Бакен полосатый
Сохнет на песке,
Смуглые ребята
Ластятся

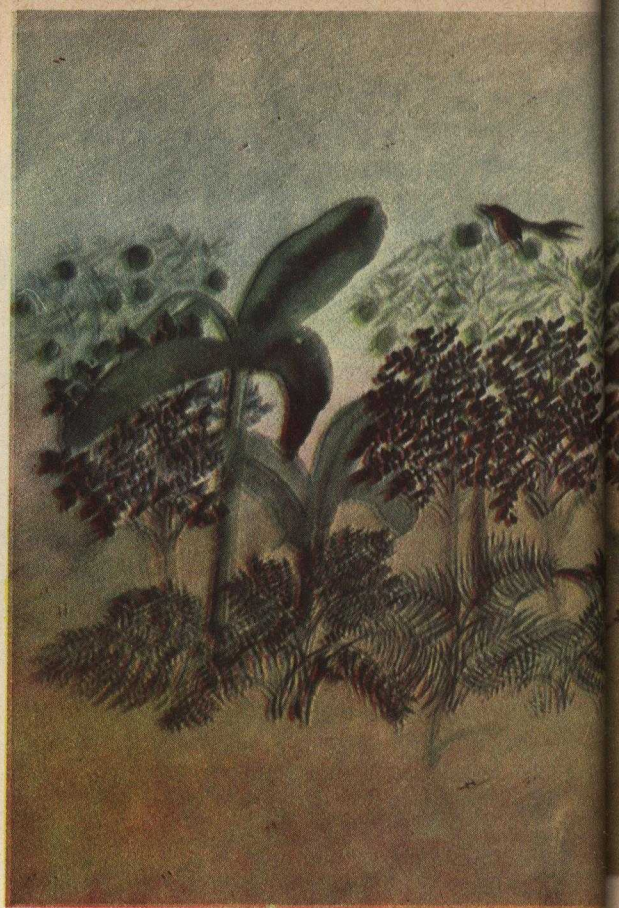
к реке.

В шубе длиннополой
Бакенщик Федот,
Слушая «Спидолу»,
Чинит перемет...

Книжные художники

И. УВАРОВА

Фото С. КАРАСЕВА

В детстве я больше всего любила, чтобы мне читали сказку о Рикки-Тикки-Тави, бесстрашном мангусте. Сама я читать еще не умела. Я умела только часами смотреть картинки. Главной картинкой была та, где нарисована встреча Рикки с коброй. Над ними какие-то большие листья, за ними два-три каких-то растения. Вообще на бумаге мало чего нарисовано, так что мне сначала совсем не нравилось.

Я тогда любила, чтобы на картинке было обязательно все: если город — то все дома, если поляна — то все цветы, каким положено расти на полянах. А тут столько чистой бумаги пропало зря! Если это чаща тропического сада, то много чего самой надо придумывать. Я, может, и сама дорисовала бы ту чащу, да опасалась, что отберут книжку.

Потом я привыкла к картинке, и она даже мне стала нравиться. Потом совсем понравилась, а вскоре я ее полюбила больше всех других картинок. Рикки, пушистый, как котенок, совсем не боится злейшей кобры с разинутой противной пастью. Скорее, Рикки!

И мне начинало казаться, что я стою босиком на горячей земле, совсем рядом, и вижу вокруг дремучую, душную тропическую чащу и великое множество растений. От них жарко, как в бане, и, может быть, даже в руках у меня большая палка, потому что кобра я, кажется, боюсь. В конце концов это даже хорошо, что художник мало чего нарисовал. Эти короткие отдельные штрихи, обозначающие растения, — вроде бы кончик веревки от клубка, который он дал мне в руки. И я могу идти и идти

за веревкой, куда поведет меня фантазия художника, а потом и моя фантазия.

Потом книжка куда-то делась. Может, кто-нибудь взял, а может, я ее всю насквозь «зачитала».

А лет тридцать спустя я пришла на выставку художников ленинградской графики и увидела на стене под стеклом красивую картину.

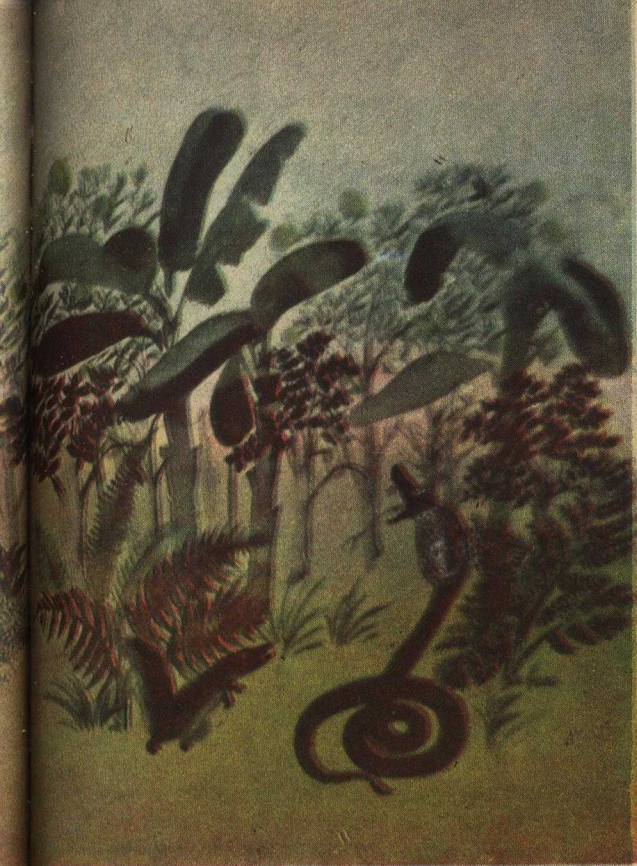
Лист бумаги был едва тронут кистью и тонким перышком. Из белого поля внезапно взвился вверх короткий и стремительный рисунок — пучок папоротника, ствол и листья банана. Растения были нарисованы легко, прозрачно и чисто, и ничто не отвлекало внимания от напряженного поля боя — от правого угла, где встретились перед смертельной схваткой Рикки и кобра.

Это была работа художника В. Курдова, замечательного книжного графика. Я сразу вспомнила мою любимую книжку. Она ли это? Вроде бы очень похожа...

Странное дело: я, конечно, всегда знала, что эту сказку написал Киплинг. А кто художник — не знала. И не интересовалась. Почему-то сложилось мнение, что главное — текст книги, а рисунки вроде так, какое-то приложение, вовсе не обязательное.

Это верно только по отношению к скверным иллюстрациям. Хороший художник — такой же полноправный автор книги, как и тот, кто ее написал. Благодаря художнику каждый из нас узнал книгу и привязался к ней много раньше, чем мы научились узнавать буквы.

Писатель написал книгу. Художник прочел ее, понял, по-своему представил, как было де-

*В смертельной схватке встретились
Рикки-Тикки-Тави и кобра Нагайна.*

видно издали и откуда-то сверху, может, из окошка какой-нибудь высокой башни. Таинственная и тревожная картина. Что-то затевается этой ночью! Так вводит нас художник Хижинский в ночной город, в тишине стучат по мостовой копыта.

Оформление книги, ее иллюстрации называются — книжная графика. Слово «графика» произошло от греческого «graphikos» — «письменный».

Писать пером и рисовать пером было, в сущности, похоже: белая бумага, черный рисунок. Живопись, когда в распоряжении художника много красок, — дело другое. Были времена, когда под книжной графикой понимались только черно-белые, строгие изображения.

Сейчас это понятие расширилось, художники иллюстрируют свои книги и с помощью кисти, и свинцовым карандашом, размытыми пятнами краски, и акварельными зарисовками.

Посмотрите, например, цветную картинку Ю. Васнецова к «Коньку-Горбунку». Море здесь раскрашено неровными штрихами толстого зеленого карандаша; яркие домишки, и церковка, и фигуры мужиков, Иванушка на Конь-

ло, какие тут описаны люди, какие события. Представил место, где это происходит. Ну, словом, в своем уме будто бы устроил театр, в котором сыграл все, что описано в книжке. А наиболее примечательные сцены зарисовал.

Так получают книжные иллюстрации.

В Древнем Риме говорили:

— Illuminatio.

Но можно было сказать:

— Illustratio.

Оба эти слова означали одно и то же: «освещение».

Вы ведь знаете, что такое иллюминация: это когда ночной город залит разными огнями, и от этого знакомые дома и привычная улица приобретают вид необыкновенный: нарядный, праздничный, таинственный. Иллюстрация же «освещает» по-новому книгу... Я так и вижу художника, который берет в руки фонарь с цветными стеклами. Он открывает тяжелую дверь книжной обложки и, таинственно подмигнув нам, погружается в книгу, как в подземелье, где скрыты сокровища. И там, где упадет свет фонаря, буквы расступятся, и перед ним появится далекое изображение.

Что это там за город, перекресток, скрещение улиц, столпотворение зданий? Круглая полублупленная башня, острая черепичная крыша, колоколенка со шпилем, она вспарывает небо, как белая игла черную тряпку. Окна пустые, но тревожные, потому что никому не известно, кто может прятаться в темном окошке. И три крошечных всадника в центре перекрестка. Их кони нетерпеливо упираются, приседают на задние ноги. Всадники обнажили сабли. Их

Это гравюра Л. Хижинского к «Хронике времен Карла IX» П. Мериме.

Чудо-юдо рыба-кит.

ке, и деревья — все здесь нарисовано как бы небрежно, вроде того, как раскрашивают картинку малые дети, которые не умеют, чтобы цветные штрихи не вылезали из рисунка в разные стороны.

До сих пор по старинке любой способ оформления книги так и называется: книжная графика (хотя это может быть уже вовсе и не графика) — в память о первых книжных иллюстрациях.

Сейчас техника печати довольно высокая; есть даже такие типографии, в которых можно воспроизвести для книги самое нежное цветное пятнышко.

А в былое время книги оформляли с помощью гравюры. Вы, конечно, еще с самого раннего детства знаете, что, если взять картофелину, разрезать ее пополам, на срезе вырезать какое-нибудь выпуклое изображение, покрасить его акварелью и приложить к бумаге, изображение отпечатается. Эта картошка и будет ближайшей родственницей гравюры. Только изображение для гравюры режут на досках самшита, рябины или груши или по ме-

таллу, а в последнее время в ход пошел линолеум.

О происхождении гравюры бродят по свету легенды. В легендах родиной гравюры объявлялись Азия, Древний Египет и Япония. Говорили, что с Востока в Голландию гравюру завезли армянские купцы. Спорили: как же так, еще раньше гравюру знали этруски!

Так или иначе, к пятнадцатому веку в разных европейских странах появляются мастера гравюры, а в 1461 году настал день, когда в Европе выходит первая иллюстрированная книга.

С этого дня книжная иллюстрация стала бурно развиваться. В Германии и Голландии, во Флоренции, в Венеции и в Вероне появились мастера книжной гравюры, чье искусство могло соперничать с картинами гениальных живописцев.

Мы показываем вам гравюру художника Н. Фан-дер-Флита к «Сказке о золотом петушке» Пушкина. Вы видите здесь две деревянные башни, деревянную стенку, перекинутую между ними, и целый бревенчатый городишко за стеной.

И фигурки, которые кружат по двору, тоже будто вырезаны из дерева. Каждая линия четкая, жесткая, доведенная до конца. И мне всегда кажется, что гравюры, которые сначала вырезаны в дереве или в металле, как бы сохраняют на бумаге крепость первоначального материала.

«Сказка о золотом петушке»

*Лежебока серый кот
отлежал себе живот.*

Каждая фигурка, каждый дом и ветка на гравюре значительны, как маленькие памятники, поставленные в их честь. Кажется, что события, которые изобразил художник, чрезвычайно важны.

Иное дело пушистый, толстый кот, которого нарисовал и раскрасил мягкими красками художник Васнецов! Ничего-то важного и значительного быть не может, если имеешь дело с таким лежебокой, который так крепко спит на своей кровати, что мышь спокойно гуляет по его голубому одеялу.

Все в этой картинке мягко, миролюбиво, все подстроено к уютному коту. Даже линии, которыми обрисована деревянная кровать, смягчены, будто кровать не из дерева, а из ваты; углы подушки круглы, а край одеяла оторочен волнистым кружевом. Вот и сравните ее с жесткой гравюрой к «Золотому петушку». Видите, насколько по-разному могут работать художники в иллюстрации.

Дело не только в разной технике. Дело в том еще, что разная техника передает различные внутренние состояния. В «Золотом петушке» ощущение тревоги, напряжение, движение. В картинке Васнецова полный покой, сладкий сон, безмятежный уют, который развел вокруг себя серый лентяй.

Художник Н. Альтман сделал замечательные иллюстрации к Гоголю. На первой картинке — Гоголь в Петербурге. Но это не портрет, это лирический образ писателя и фантастический город, в котором происходят невероятные события его «Петербургских повестей». А на второй сатирической картинке нарисован цирюльник.

В. Курдов нарисовал картинку к «Первой конной» так, как обычно рисуют дети.

Интересно наблюдать, как встречаются в одной книге автор и художник. Вроде бы автор все уже придумал. А бывает так, что художник что-нибудь «перепридумает» заново.

Совсем по-своему всегда работал художник В. Конашевич. Все, что бы он ни иллюстрировал, всегда оказывалось в особом, раз и навсегда изобретенном им мире, где растут большие, толстые цветы и мохнатые деревья и бегают маленькие кудрявые дети. Он рисовал Буратино, Мальвину, Бибигона, делал рисунки к сказкам Маршака и многое другое. И всегда везде оказывались те же дети, те же цветы и те же деревья. Даже в рисунке к стихам Маршака «Плывет, плывет кораблик» нарисованы двое детей, неизменные мальчик и девочка, которые высовываются из большого цветочного куста и ждут кораблик. Хотя в стихах этих, как всем известно, есть утка, четырнадцать мышат, подарки и парус-лепесток. Но никаких детей там нет. Правда, там сказано: «Везет, везет подарки, подарки нам с тобой». Может, во всех рисунках, какие сделал Конашевич, всегда нарисованы эти «Мы с тобой», для которых он и работал всю свою долгую жизнь.

А художник Е. Кибрик нарисовал Ламме Гудзака, верного друга Тили Уленшпигеля, так, как будто только и хотел добросовестно воспроизвести все, о чем говорит автор, вроде документально подтвердить правдивость повествования. Как Ламме сидит за столом, сколько вокруг него еды в плотно набитых горшках, как он объелся той огромной жареной птицей, об-

глоданный скелет которой устрашающе торчит из блюда. По-фламандски «гудзак» означает мешок, туго набитый всяким добром. Вот такое «всякое добро» и нарисовал вокруг Ламме Кибрик. Наверное, это произошло оттого, что так красочно, так живописно написан «Тиль Уленшпигель», что додумывать что-нибудь — только портить.

Зато когда Евгений Кибрик сделал свои знаменитые иллюстрации к «Кола Брюньону» Романа Роллана, автор из Франции прислал ему письмо, в котором заявил, что герой его теперь живет независимо от автора, своей собственной жизнью. И правда: мы теперь так свыклись с теми лицами, которые нарисовал художник, что трудно кому-либо переспорить наше представ-

ление о Кола Брюньоне, о Ласочке.

Вот еще замечательный книжный график — Владимир Лебедев. Посмотрите, как он нарисовал несчастную старушку и бедового пуделя, с которым она, как говорится, хлебнула горя. Вот они идут в пургу и метель, вот он примчался к ней, напугав до смерти, вот размотал нитки и запутал ее с головы до ног, замотал, как катушку, она едва шевелится.

Главное, что художник изобразил на всех рисунках, — движение. Старушка и пудель нарисованы бегло. Лица старушки мы вообще почти

Ламме обедает.

*И был у старушки
Породистый пес,
Косматые ушки
И стриженный нос.*

нигде не видим. Зато везде нарисовано, как она движется: то, согнувшись, бредет против ветра, то чуть не падает от страха, то присела, чтобы как-нибудь выбраться из ниток. И каждая черточка в рисунках словно движется, чувствуется, как стремительно летит карандаш, едва прикасаясь к бумаге, как движется старушка, удирает пудель...

Здесь мы вам показали только работы ленинградских книжных художников, но и по ним вы можете увидеть, что рисунки для взрослых книг совсем иные, чем для детских. Надо сказать, что детская книжная графика образовала свое самостоятельное государство.

В детской книжной графике дело обстоит почти так же, как в королевстве Матиуша I. У этого детского короля были свои законы, все в стране было детское, хотя и очень серьезное. У детской книжной графики тоже свои законы. Многие художники берут от игрушек, от детского рисунка (например, «Конная Буденного» Курдова). Да и сам рисунок строится иначе, чем взрослый, — почти все хорошие детские иллюстрации похожи на какую-то занимательную игру.

Раньше один художник делал иллюстрации, а «собирал книгу» всю, вместе с обложкой, кто-нибудь другой. Теперь художники обычно всю книгу делают сами. Если художник задумал оформить книгу, ему мало только нарисовать картинки к ней — и все. Ему нужно позаботиться и о том, как будет выглядеть книга в це-

лом. Какие буквы подобрать для текста — может, узкие и тонкие, может, широкие и жирные. Как расположить текст на странице, как он уживется рядом с рисунками. Наконец, как будет выглядеть обложка книги. Это очень важно. Потому что обложка — это дверь, за которой скрыта книга. И уж от художника зависит, захочет ли читатель протянуть к ней руку и открыть эту дверь. Поэтому обложка —

самое ответственное и серьезное дело для художника. Обложки детских книг всегда стараются сделать ярче, привлекательнее. Шрифт к ним подбирают такой, который читается легко и сразу. Чаще всего к шрифту пририсовывают что-нибудь, о чем говорится в книге, — фигуры действующих лиц. Или какую-нибудь вещь, которая описана автором.

Если художнику удалось сделать все — от обложки до самого конца, все иллюстрации, все рисунки, и сделать так, чтобы каждая страница была красива, в конце концов получается книга, которую нам приятно и интересно читать. Вы будете читать ее с особым удовольствием, а может, и не один, не два, и не три раза.

И как бы ни было вам интересно, что написал писатель, не забывайте посмотреть фамилию художника, который иллюстрировал книгу. Потому что без художников — книжных графиков — наша жизнь, связанная с книгами, была бы не так интересна.

ОНИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

Л. СИМОНОВА

МАША

Наташа Малышева знакомит вас с колонком, которого воспитала она и ее друзья, юннаты Алма-Атинского зоопарка.

Получила я недавно письмо от юннатов из Алма-Атинского зоопарка. У Яшки, у красавца лебедя Яшки, появилась подруга. Юннатов сторонится, хлеб из рук не берет, погладить себя не позволяет... Приведет ее Яшка к юннатскому домику, так она даже на порог не войдет. Стоит, ждет и в сторону смотрит. И Яшка долго не задерживается. Походит, походит, съест что-нибудь вкусненькое и скорее на улицу, к своей лебедихе. Эх, Яшка, Яшка!

Рос Яшка хилым, слабеньким. Саша Мишанин, Саша Врублевский и Люба Пивоварова кормили его червями, кашей, насекомыми. А он все не поправлялся. До года и шести месяцев серым был, грязным. Словно воды ему не хватало. Ну, а к двум годам похорошел, подрос, окреп. Стал разгуливать по всему зоопарку. Увидит ребят, Сашу или Любу, семенит за ними. Догонит, клювом толкнется и крикнет что-то по-своему, по-лебединому, громко-громко.

Озорничать — так он первый. Что сделаешь, избалован. В юннатский домик придет — хозяин. Все вокруг него пляшут: «Яшенька да Яшенька». А он и рад. Крышку аквариума отодвинет и давай воду мутить. Всех рыбок разгонит, разбойник!

А теперь редко приходит. Все больше с лебедихой своей, с Машей. Что у нее на уме? То ли она боится юннатов? То ли не хочет, чтобы Яшка водил с ними дружбу? Не понимает, глупая, что они его растили, воспитывали...

Письмо было чуть-чуть грустное, но мне грустить не хотелось. Порадовалась я за ребят: еще одно доброе дело на их счету. Вырастили они для зоопарка лисят, барсучат, волчат, сурков, корсаков, шакаленка. А теперь Яшка стал взрослым. Будут приходить в зоопарк ребята, будут любоваться Яшкой и Машей, увидят, какие они дружные, какие преданные, как хорошо им вместе.

ОТКРЫТИЕ

Пассажирский теплоход «Карелия» ходит в Пушлахту летом, а в другое время добираться до Пушлахты трудно — разве только на вертолете. Далекое северное село на берегу Белого моря.

Новая учительница приехала на теплоходе. Назначили ее классным руководителем в пятый класс, и очень скоро выяснилось, что она влюблена в науку о водорослях, альгологию. Поэтому и захотелось ей учить ребят в поморском селе, а не в степном и не в лесном.

В Пушлахте водорослями никого не удивишь. В отлив, когда море уходит, они остаются среди валунов и камней. После шторма на берегу вырастают валы из водорослей и тянутся далеко, на десятки километров. Родители пушлахотских ребят заготавливают водоросли для Архангельского агарового завода. Из водорослей делают консервы, салаты, конфеты. Водорослями удобряют землю, кормят скот. Вещества, кото-

Юннаты и Р. А. Балахнова, их руководитель, встречают гостей — Яшку и Машу.

рые добывают из водорослей, помогают тканям стать прочнее, коже — эластичнее, краскам — более стойкими. Лекарства из водорослей вылечивают от многих болезней...

Новая учительница знала про водоросли такое, чего раньше никто из ребят не слышал. Теперь они приходили на берег, чтобы изучать водоросли, наблюдать, сопоставлять, делать выводы. Бурые водоросли фукусы стали для них уже не просто фукусами. Фукус пузырчатый — везикулезус, фукус зубчатый — серратус, фукус раздутый — инфлятус, оказывается, отличаются друг от друга формой ветвей, строением стволика, рецептакулами — пузырями, при помощи которых водоросли держатся на воде. Одни фукусы растут близко к берегу, другие — прячутся под водой даже во время отлива. Фукус везикулезус встречается чаще, фукус инфлятус — реже. Почему?

Почему так много у берегов Пушлахты красной водоросли анфельции? Берег в Пушлахте пологий, каменистый, воды в Пушлахотской губе хорошо прогреваются, прибои не сильные, волны не очень большие. В книжках сказано, что анфельция растет и в открытых местах. Но там она прячется за увалами, валунами, камнями, под защитой других водорослей — фукусов и ламинарий.

Ребятам захотелось заняться водорослями всерьез, и они начали составлять гербарий. Порядок учительница установила строгий, научный. Взял водоросль в руки — приметь место. А еще лучше сфотографируй участок, где взята проба. Не умеешь фотографировать — научись. И непременно сделай этикетку: где, когда эту водоросль нашел. Пока до школы доберешься, все забудешь. На память понадеешься — подведет.

Так изо дня в день бродили они по берегу моря, собирали водоросли, приносили их в школу, аккуратно расправляли в воде, просушивали на специальной сетке, классифицировали, закрепляли в альбоме и записывали свои наблюдения.

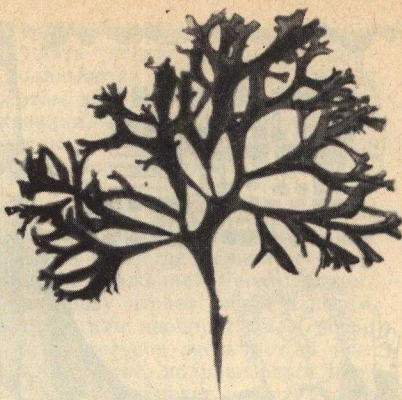
Однажды в выбросах мыса Тонкого попала им водоросль, которую раньше они не встречали. Небольшие ветвистые кустики. Края ветвей гладкие, на концах — круглые дырочки, снизу стебелька — подошва. Похож такой кустик на водоросль хондрус. Хондрус криспус, что значит курчавый. Очень редкая на Белом море водоросль. Водится она у Соловецких островов и у Летнего берега. Что же, морские течения занесли ее в Пушлахотскую губу или она растет здесь, только никто этого раньше не замечал?!

Ребята написали ученым в Архангельск, отослали им свой гербарий. И что же вы думаете?.. Находка обернулась открытием. Ученым-альгологам важно знать, где какие водоросли водятся, важно открывать новые места, где можно добывать водоросли, важно точно учесть их запасы. Ученые снарядили экспедицию, приехали в Пушлахту, проверили наблюдения ребят, и выяснилось, что хондрус растет в Пушлахотской губе. А водоросль очень ценная. Из нее делают лекарство. Хондрус теперь будут добывать в Пушлахотской губе и даже искусственно увеличивать ее заросли.

Ребята, о которых я рассказала, летом уезжают в экспедицию: наблюдать, ставить опыты, собирать материал для будущей научной работы.

Если и ты летом отправляешься в экспедицию, уходишь в поход, путешествуешь, расскажи обо всем интересном, что тебе удалось увидеть, услышать, узнать.

Свой рассказ ты должен прислать в журнал не позже 30 сентября 1968 года. Лучший рассказ будет напечатан. Желаем тебе успеха!

Знакомьтесь, это хондрус!

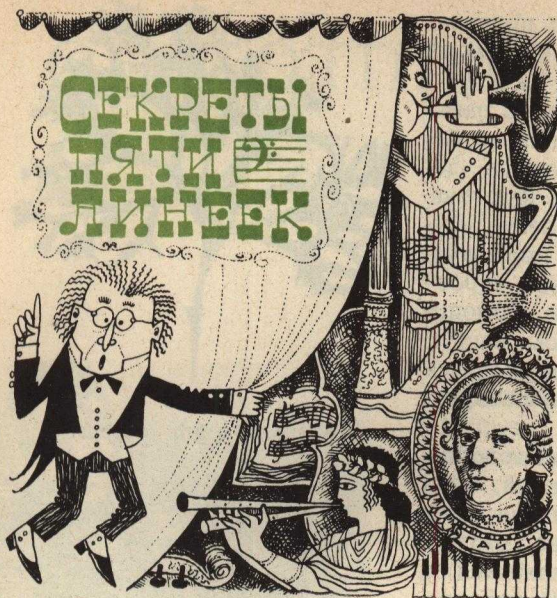
На самом краю мыса, где очень сильное течение, Юра Меньшиков нашел водоросль порфиру.

Пробы взяты. Заполняются этикетки.

Привал. Можно погреться у костра, выпить горячего чая, послушать радио и сфотографироваться. Фотография знакомит тебя с пушлахотскими ребятами и их любимой учительницей Г. Н. Окуловой.

Леонард БЕРНСТАЙН

Пересказал
С. СОЛОВЕЙЧИК

6. Отчего музыка становится симфонической?

Теперь, в заключительной нашей беседе, после того, как мы поговорили о смысле музыки, о том, что называется классической музыкой, об оркестровке, теперь мы можем взяться за самые трудные вопросы: что делает музыку симфонической? Чем отличается симфоническая музыка от всякой другой?

Когда на эти вопросы пытаются ответить, обычно говорят очень длинно, употребляя массу тяжелых, непонятных слов.

На самом деле все это не так уж сложно, да к тому же это самое интересное в музыке.

Давайте попробуем разобраться.

Ключ к пониманию наших вопросов кроется в слове «развитие». Развитие — вот главное в музыке, как и в жизни. Развитие — это изменение, рост, расцвет; развитие — это и есть жизнь.

Но что означает развитие в музыке?

То же самое, что и в жизни. У каждого большого музыкального сочинения есть своя жизнь — от начала его до конца. И за это время, от первой ноты до последней, все его темы, его мелодии, все музыкальные идеи, даже самые маленькие, вырастают, развиваются, поднимаются в полный рост.

Как это происходит? Как идет это развитие?

Оно проходит три стадии, как трехступенчатая ракета, запущенная в космическое пространство. Сначала — рождение: первый листочек проклевыв-

ается из семечка. В начале Пятой симфонии Бетховен посадил зернышко — четыре маленькие ноты, «та-та-та-а...». И вот из этого зерна, из этих ног прорастает цветок — мелодия!

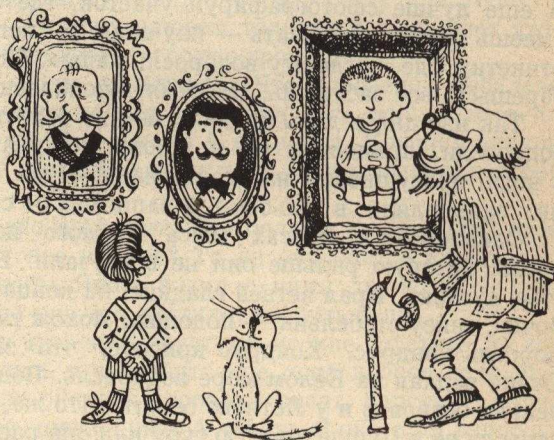
Затем наступает вторая стадия — цветок растет. С каждой минутой он становится все больше и красивее. Теперь первые четыре ноты выглядят совсем по-другому, они превратились в сложную мелодию, но эта мелодия появилась не сама по себе, а именно из тех первых нот!

И тут третья стадия, самая важная — изменение. Это очень похоже на то, что происходит с яблонькой. Зимой мы видим ее ветки голыми; потом приходит весна — дерево покрывается цветами; потом летом лепестки цветов осыпаются и начинают наливать яблоки. Дерево по-разному выглядит в разные времена года, но это одно и то же дерево.

То же случается и с нами. Мы изменяемся год от года — наш характер, наши привязанности, даже внешность.

И в музыке происходит то же самое.

Бетховенский цветок из Пятой симфонии изменяется так быстро, так часто и так кардинально, что его не сразу и узнаешь; кажется, ничего не осталось от первых четырех нот, кроме ритма... Темы и мелодии звучат то тихо, то громко, звучат в разных тональностях, их играют разные инструменты, они постоянно меняются, но это цветы на одном стебле. Это — развитие произведения, его реальная жизнь.

Конечно, не всякая музыка — симфоническая; однако всякая музыка так или иначе развивается. Даже маленькая народная песенка или простая популярная мелодия. Но эти маленькие песенки развиваются главным образом повторением. Это все равно как бывает в споре. Если вы хороший спорщик, вы находите все новые и новые доказательства. Ну, предположим, вы захотели шутки ради доказать, что Канада — тропическая страна. Вы станете приводить аргументы: скажете, что в

Саскачеване нашли тропические цветы, что прошлой зимой несколько дней подряд солнце в канадских горах грело жарче, чем во Флориде, и так далее и так далее.

Ну, а если вы человек простодушный, вы будете упрямо твердить свое: «Канада — тропическая страна», «Канада — тропическая страна»... Вот то же самое делают и популярные песенки: они повторяют одно и то же по многу раз.

Мелодию вбивают в голову.

Первый шаг к настоящему развитию — *вариация*. Всякая вариация — это повторение. Но неточное повторение, понимаете? Что-то изменяется... Как раз этим и берет джаз: когда солист джаза играет популярную мелодию, он не просто повторяет ее вновь и вновь, он придумывает собственные вариации. Это уже похоже на развитие. Это — развитие, потому что это — изменение.

Но это еще не симфоническое развитие. Бетховен применяет этот прием в Героической симфонии. В последней части симфонии Бетховен написал несколько вариаций на тему, которая кажется такой маленькой, такой простенькой, что даже не выглядит настоящей мелодией. Но как он развил ее! В первой вариации эхо отвечает каждой из нот первоначальной простенькой мелодии; во второй добавляется новая, более быстрая мелодия; потом еще одна, еще более быстрая; но первая, начальная мелодия тут же, где и была... Что бы ни происходило вокруг нее, первая мелодия на своем месте.

Запомните, пожалуйста: всякая музыка в той или иной степени зависит от развития. И чем больше развития, тем больше музыка звучит как симфоническая. Основа развития — повторение. Но чем менее точно повторяется мелодия, чем изобретательнее композитор в повторениях, тем ближе его музыка к симфонической.

Теперь мы должны выяснить: как же композиторы используют повторения (неточные повторения!), чтобы развить сочиненные ими мелодии до уровня симфонического произведения?

Первый способ мы уже видели: это вариации. Но есть и другой способ, он встречается так же часто. Трудно найти симфоническое произведение, в кото-

ром не использован этот прием. Он называется *секвенция*.

Слово *секвенция* кажется трудным, но означает оно очень простую вещь. Во всех секвенциях серии нот повторяются, но повторяются на другой высоте. Мелодия звучит выше или ниже — вот и все. Секвенцию можно сделать из любой мелодии. Секвенция делает музыку похожей на стройку: мы забираемся все выше и выше, как камешки, которые кладут стены. Выше и выше, и вот у слушателя создается впечатление, будто мы куда-то идем, куда-то поднимаемся. Другими словами — впечатление развития.

Конечно, секвенция может быть и нисходящей: мелодия звучит все ниже и ниже, но этот прием применяют гораздо реже, он не так волнует: нет ощущения подъема.

Одна из самых знаменитых секвенций в истории музыки принадлежит Чайковскому; это секвенция

из его увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта». Когда вы будете слушать увертюру, обратите внимание: мелодия поднимается все выше, выше, набирается сил и потом взрывается, как динамит.

Как видите, секвенция — очень простой способ развивать музыкальную тему; это — повторение с повышением, и почти всегда такое повторение волнует слушателя.

Но достаточно о секвенции. Есть гораздо более важный способ развития мелодий — имитация, подражание одного голоса в оркестре другому.

В чем состоит такое подражание? Просто в том, что сначала какую-то фразу играет гобой, а потом ему подражают скрипки, или наоборот? Нет, вовсе не в этом. Самое увлекательное здесь вот в чем: когда появляется второй голос, подражающий первому, этот первый голос продолжает играть что-то свое, так что вы вдруг слышите сразу две мелодии! Это великое средство музыки!

Вы легко можете увидеть это многоголосие, если вспомните песенку «Братец Яков, братец Яков».

Например, пусть ваша сестренка начинает:

«Братец Яков, братец Яков.
Спишь ли ты? Спишь ли ты?»

И в этот момент вступает папа: он поет с этих же слов («Братец Яков, братец Яков...»), а сестра продолжает дальше:

Слышишь звон на башне?
Слышишь звон на башне?

Тут включается вы — третий голос!

Теперь папина очередь петь: «Слышишь звон на башне?» Сестра подходит к концу: «Дин-дон-дон, дин-дон-дон... А вы еще в самом начале...

Вот у вас получилась настоящая имитация! На музыкальном языке такая имитация называется *канон*. Канон может звучать очень совершенно, богато — в зависимости от того, сколько голосов слышится разом. Он может быть еще более совершенным, когда он становится фугой, вроде тех, что так любил Бах.

Каноны и фуги — это самое значительное изменение мелодии. Ее можно перевернуть или поднять вверх. Как будто композитор рассматривает музыкальный материал под разными углами, сверху, снизу, со всех сторон, пока мы не узнаем о нем все, что стоит узнавать. Тогда можно сказать: мы слышали хорошо разработанную мелодию.

Итак, вот что делает симфоническую музыку симфонической: развитие, изменение, расцвет, смена, игра мелодий... Теперь, если вы внимательно читали эти страницы и будете внимательно слушать музыку, вы, быть может, услышите ее по-другому, совсем по-новому. Вы услышите не просто набор мелодий, не просто возбуждающие звуки большого оркестра, но заметите весь процесс развития музыки. А это самое главное, это важнее всего услышать в каждом музыкальном произведении рост мелодий, жизнь мелодий, биение крови в артериях музыки, связь каждой нотки с каждой другой нотой...

КОНЕЦ

ЧЕРДАК

Мы узнали,
Что под крышей
В нашем доме есть
Чердак.

Двадцать раз туда ходили—
Не найти его никак!
Может, только потому,
Что там узкое окно.
И поэтому под крышей
Не светло
И не темно?

Или, может, потому,
Что до самой середины
Прямо с потолка
Висит
Много

тонкой
паутины?

Или оттого,
Что дружит
Он
Со стаяй голубей?
Но зачем
Ему
Скрываться
Там, под крышей,
От людей?

Нам обидно.
До сих пор
Так никто и не знаком
С этим самым чудачком,
С этим странным
Чердаком.

ЛОПУХ

В курятнике живет Петух.
А на дворе растет Лопух.
Как два крыла у Петуха,
Есть два листа у Лопуха.
А если на заборе вдруг
Замашет крыльями Петух
И закричит,

будя рассвет,
Лопух качнет листом
в ответ.

И кажется тут Лопуху,
Что брат родной он
Петуху!

Старик и Внучка

Олег ТИХОМИРОВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Русалка без хвоста

РАССКАЗ

Старик выходил из своего подъезда почти всегда в одно и то же время и не спеша шел через двор к воротам.

На нас, вечно снующих по двору мальчишек, он, казалось, внимания не обращал, и его красивая седая голова никогда в нашу сторону не поворачивалась, словно бы нас не существовало.

Нам было обидно, и мы старались чем-нибудь досадить старику, показать ему, как бы он там ни важничал, что нам-то на него наплевать, подумаешь, нашелся какой индюк.

— Загоняла!.. — кричали мы. — Загоняла!..

Старик вначале пропускал это мимо ушей. Видимо, не понимал, что мы кричим ему. Но потом он стал вздрагивать при каждом выкрике, прибавлял шаг, степенная походка его ломалась, а мы, обрадованные этим, еще пуще орали:

— Загоняла!.. Загоняла!..

Однажды старик остановился и сделал шаг в нашу сторону, мы, конечно, врассыпную, и потом уже он не пытался что-либо предпринимать.

Старик этот был особенный.

А может, и не особенный, а самый обыкновенный старикан. Просто мы долго ничего не знали о нем. Знали лишь, что он работает в театре и живет в пятой квартире. Вечерами окно его комнаты почти всегда было темным, потому что старик не бывал дома в это время. Но иногда, если он не уходил в театр, его окно светилось мягким бледно-зеленым пятном. Вот и все.

Но в театре работали многие из нашего дома. И ребята, что жили в соседних домах, даже звали наш двор оперным. Балетным почему-то не звали, хотя дом наш принадлежал театру, который назывался театром оперы и балета.

Старик не был ни артистом, ни музыкантом, потому что жил тихо и не тревожил никого никакими звуками. Само собой, не плясал он на сцене: не тот возраст. Он мог бы сойти за директора: уж больно у него был солидный вид, когда он отправлялся на работу. Но директор, ясное дело, разъезжал бы на машине, блестящей, как новенькая калоша, а не ходил бы по утрам в булочную или в «Гастроном» на углу.

Мы знали, что не он освещает сцену, потому что в одиннадцатой квартире на третьем этаже жил осветитель — длинный и сутулый дядя Вася, от которого всегда пахло водкой. И, конечно, старик не надрывал билеты, потому что у входа — мы сами видели — всегда стояли женщины. Одна из них, Ивановна, жила тоже в нашем доме.

Что же еще делают в театре?

Как-то у нас зашел об этом разговор.

Диман сказал, что там еще таскают декорации, но мы его подняли на смех.

— Что он, больной, что ли, — сказали мы, — чтобы на старости лет надрываться?

Но что же все-таки делает старик? Не возится же он со щеткой и ведром!

А что же тогда?

— Может, воду с бутербродами продает в буфете? — предположил Виталька.

Нет, невозможно было представить, чтобы этот высокий седой старик суетился с бутылками и стаканами.

И вот тут-то Феликс, который был младшим братом Витальки, сказал:

— Ребя, а может, он звонки дает?

Все было прыснуло, а потом подумали, прикинули, и верно, работа строгая: кто опоздал после третьего звонка, дуй на галерку, даже если в первом ряду сидишь, возле сцены. Почему бы старику не давать эти грозные звонки, а?

Так мы и решили: старик руководит звонками.

Но вскоре выяснилось (Ивановна нам сказала, та, что надрывает билеты): старик дежурит на втором этаже, правая сторона, возле лож.

Значит, вот кто он — загоняет публику в ложи. Загоняльщик. Загоняла. И стали мы его звать Загонялой.

«Та-та-та-та...»

За стеной играли гаммы. Бесконечно. Настойчиво. Въедливо.

Сами по себе гаммы — полбеда. Их можно не замечать, как все равно не замечаешь тиканья часов, если нарочно не прислушиваешься. Но когда ты знаешь, что их играет вредный человек, даже очень вредный, а Верка Ряшенцева была именно таким человеком, то терпение твое лопається, и ты становишься «психом ненормальным», по словам той же Верки.

А тут еще задачка не выходила по алгебре. Словом, я себе места не находил от этого самого «та-та-та-та...». Заладила одно и то же. Чему только учат ее в музыкальной школе! Вон Чикиряй вообще ни в какой школе не учится, а возьмет в руки гитару — и пожалуйста: «Все ребята уважали очень Ленку Королева...» или еще какую-нибудь песенку выдаст — закачаешься.

«Та-та-та-та...»

С ума сойти. Я подбежал к стене и трахнул по ней несколько раз кулаком. Гаммы оборвались, стало тихо. Подозрительно тихо. В прошлый раз, когда я так же колотил в стенку, пришла Веркина мать. Она пожаловалась моей матери, и мне здорово влетело. «Подумаешь, — сказал я, — музыкантша какая нашлась!» «Помолчи, — сказала мама, — стыдно мне за тебя. Девочка учится, а ты такую чепуху говоришь. Пусть Вера не обращает на него внимания, — посоветовала она Веркиной матери. — Пусть стучит в стенку, пока кулаки не отобьет».

И вот теперь Верка вдруг притихла. Я-то думал, что она сейчас еще пуще затарабанит свое «та-та-та...». Но за стеной ни звука.

Странно. Стукнуть еще, что ли? И я стукнул несколько раз.

За стеной заиграли. Только уже не гаммы, а что-то очень веселое и озорное. Что же это? Такое знакомое, такое...

Черт побери! Да ведь это же... Ну, конечно! За стеной играли всем известную песенку из «Трех поросят»:

Нам не страшен

Серый волк, серый волк, серый волк...

Я не ожидал от Верки такой прыти. Надо же! Придумала ведь. Да еще так здорово наяривает. Я прямо взбесился от злости. Подскочил к стенке и кулаком со всей силы бум, бум, бум.

И тогда за стеной торжественно зазвучала другая песня:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе.

Я даже ушам своим не поверил. Это что же получается? Верка играет революционную песню, я, выходит, словно жандарм, словно какой-то усатый полицейский... Ну погоди!

Я выскочил на лестничную площадку и, как тигр, прыгнул к двери Ряшенцевых. На кнопку звонка я нажал с такой силой, будто хотел раздавить его в пыль.

Дверь открылась.

— Знаешь что, Ряшка!.. — крикнул я и осекся.

Передо мной стояла незнакомая девчонка и строго смотрела на меня.

— Вам кого? — спросила она.

Я хотел было сказать: «Тебе-то какое дело! Пустите!» Но все слова будто прилипли к языку, и я стоял молча и смотрел на девчонку. Ничего особенного в ней не было. И глядела она уже не строго, а скорее с любопытством, и уголки губ ее чуть-чуть растянулись.

— Вы, кажется, ошиблись? — произнесла она.

Конечно, девчонка издевалась надо мной. Оттолкнуть бы ее в сторону и пройти в квартиру, а я стоял дурак дураком и не двигался. Я чувствовал, что девчонка вот-вот расхохочется.

— Понимаю, — сказала она, — вы ищите больницу, да?

— Какую больницу? — растерялся я.

— А для этих, которые... — Она приставила к виску палец и покрутила им.

Я только замахнулся, чтобы дать ей как следует по шее, но девчонка успела захлопнуть дверь.

Так произошла моя первая встреча с Танькой — внучкой Загонялы.

О том, что она его внучка, я узнал позже. А вначале мне лишь было известно, что она живет в пятой квартире и ходит к моей соседке Верке играть на пианино.

Я никак не мог простить ей «больницу» и поэтому несколько раз подкарауливал ее, но безуспешно. Просто мне не везло. Или она

долго не появлялась, или мне надоедало ждать.

Но вот однажды, когда я поднимался к себе по лестнице и был в отличном настроении (только что посмотрел «Фантомаса»), я вдруг нос к носу столкнулся с нею. Она как раз спускалась сверху.

От неожиданности мы замерли.

— Попалась, — сказал я, не двигаясь. Меня наполняло торжество. Наконец-то! «В конце пути придется рассчитаться, мадам», — родилась в моей голове фраза. Я чувствовал себя Жаном Марэ, которому очень повезло: он поймал неуловимого Фантомаса.

Я ждал, что она повернется и бросится бежать, а я в один прыжок настигну ее, и вот тут-то ее причесочка «конский хвостик» весьма пригодится. Я схвачу ее за волосы левой рукой, а другую руку сожму в кулак и поднесу к самому ее носу. «Морда, морда! — скажу. — Я кулак. Иду на сближение». А она задергается, заплачет. «Пусти, — будет всхлипывать, — я твоей матери скажу...»

Только девчонка не повернулась и не побежала, а так и стояла на своей ступеньке. Тогда я сделал несколько шагов. Она все стояла. Я подошел вплотную.

— Ну, — сказал и протянул руку к «конскому хвостiku».

Она отвела голову назад. В глазах ее было тревожное ожидание. Я видел, что она боится меня. Если б она жалобно захныкала или сказала бы что-нибудь насчет моей матери, тогда другое дело. Тогда бы я, конечно, дал ей разок по затылку, чтоб была ученой. Но девчонка молчала.

— Попадись мне еще... — проговорил я, чтобы не молчать.

— Что тогда? — спросила она, и уголки губ ее чуть растянулись, как и в тот раз.

— Тогда узнаешь. — И я, не оглядываясь, потопал на свой этаж. Чтобы показать, что она меня больше не интересует и что я даже позабыл про нее, я принялся насвистывать: «Все ребята уважали очень Ленку Королева...» А на душе у меня было паршиво.

— Фальшивишь, — донеслось до меня снизу.

С тех пор мы старались не встречаться. Вернее, я просто переходил на другую сторону, если замечал, что она идет мне навстречу.

Несколько раз я видел из своего окна, как она шла по двору. Я отходил к занавеске, чтобы она, случайно взглянув на окно, не узнала, что я смотрю на нее. Мне нравилась ее походка. Она ходила как-то очень плавно, красиво, легко.

Потом я видел ее несколько раз со стариком — с Загонялой. «Чего это она с ним?» — думал я. А они шли чинно, не спеша. Одним словом, прогуливались.

Я спросил у Витальки, который всегда все знает, что это, мол, за девчонка какая-то со стариком ходит.

— А-а-а... — протянул Виталька. — Это

его внучка приехала. Теперь с ним живет. Ее Русалкой зовут.

— Как? — переспросил я.

— Вообще-то Танькой. Но мы ее со вчерашнего дня Русалкой прозвали.

— Почему?

— Потому что она на Русалку учится.

— Ты что ерунду болтаешь? — сказал я.

Виталька рассмеялся и пояснил:

— Вчера она к нам подошла...

— Сама?

— Ну да. Ты слушай. Подошла, значит, и говорит: «Вы что моего деда Загонялой зовете?» А Феликс ей: «Он же и есть Загоняла. Самый натуральный. Он же публику на места загоняет». «А ты, — говорит она, — дурак самый натуральный. Дедушка мой работает капельдинером». Феликс обиделся, конечно, и в драку было полез, но я говорю: «Отзынь!» — И спрашиваю у нее: «Кем, кем работает?» «Капельдинером. Помогает зрителям правильно занять свои места». А потом разговорились, и она сказала, что будет выступать в опере «Русалка».

— Петь будет?

— Нет. Просто будет читать стихи.

— Стихи?

— Ну да, «Русалку» же Пушкин написал стихами. А потом к ней кто-то музыку придумал, Танька говорила.

Я не мог понять:

— Ты же сам говоришь — музыку. Значит, она поет?

Виталька досадливо поморщился.

— Не поет, а читает. А кроме нее, все поют.

— Что же она читает? — допытывался я.

— Текст читает, — разозлился Виталька. — Что да что! Сходи, вот тогда сам узнаешь!

— А говоришь, она на Русалку учится.

— Ну да, учится. Репетирует. — И вдруг он пристально посмотрел на меня. — А что ты так интересуешься?

— Ничего... просто я...

— А покраснел-то, покраснел...

Я замахнулся:

— Как дам вот сейчас по носу!

Мы о чем-то еще потрепались и разошлись.

А во дворе время от времени я стал слышать крики: «Русалка!», «Русалка!», «Русалка хвостом рыб отгоняет!» И я видел, как плавно и независимо шла Таня. На крики мальчишек она не обращала внимания.

И снова я встретил ее на лестничной площадке, когда она возвращалась от Верки. Я хотел посторониться, чтобы она прошла, но Таня вдруг остановилась.

— Здравствуй, — сказала она.

— Здравствуй.

Она молчала, и я тоже не знал, что ей еще сказать. Наконец я бухнул:

— Ты... это... правда Русалку играешь?

— Правда, — сразу ответила она. — Только не Русалку, а Русалочку.

— Русалочку?

— Да. Это дочь Русалки.

— Дочь? — Я и сам чувствовал, что вопросы мои идиотские, но Таня надо мной не смеялась.

— Дочь ее и Князя.

На этот раз я ничего не спросил, но Таня отлично понимала, что я не знаю «Русалку», хотя и сказал:

— Ага!

— Хочешь, я тебе книгу дам, ты там обо всем прочтешь? — И, не дожидаясь моего ответа, она предложила: — Пошли.

Только когда мы переступили порог ее комнаты, я вспомнил про Загонялу. Но отступать было уже поздно. Старик шел нам навстречу.

— Познакомьтесь, — сказала Таня. — Это мой дедушка Иван Денисович.

— Эдик, — произнес я.

Я подумал, вот сейчас он начнет меня распекал. Сколько раз я вместе с другими кричал: «Загоняла!» Зачем кричал? Не знаю. Глупо как-то.

Но старик сказал:

— Присаживайтесь, молодые люди. А может, мы чаю выпьем?

— Спасибо. — Я поерзал на стуле. — Я на минутку зашел за книгой.

— За какой, позвольте полюбопытствовать?

Я почувствовал, что начинаю краснеть. Что у меня за дурацкая привычка, нет, не привычка, а свойство: чуть что — я уже краснею! Просто не знаю, куда деться в такой момент.

Выручила Таня. Она сказала:

— Эдик хочет прочитать пушкинскую «Русалку».

— А!.. Это хорошо, — произнес Иван Денисович. — Это похвально.

«Вот еще! Нужна мне больно его похвала!» — подумал я, но, конечно, промолчал. Я стал смотреть на полки с книгами, на картины и портреты, которые были развешаны на стене. А на потолке перед лампой висел голубовато-зеленый плафон, наверное, тот самый, от которого струился мягкий, подводный свет.

Таня тем временем принесла чайник, поставила чашки, достала сахар и печенье. Она делала все это быстро, но как-то незаметно, без суеты.

Посидели, попили чай. Таня сказала, что скоро премьера, все очень волнуются, и она тоже волнуется, но режиссер похвалил ее и сказал, что все будет хорошо.

— А через неделю у нас генералка, — закончила Таня. — Вот!

— Ты бы и пригласила Эдика на генеральную репетицию, — вставил Иван Денисович, пока я раздумывал, что же это значит — генералка.

— Конечно. Только еще нам не дали пригласительных билетов.

Мы поговорили еще немного, а затем я взял книгу и ушел.

Во дворе я оглянулся на их окно. Оно, бледно-зеленое и прохладное, показалось мне кусочком морского дна. И вот в окне появилась Таня. «Русалка, — подумал я про нее. — Русалочка». А прическа «конский хвостик» ей здорово идет. Если распустить его, волосы разметнутся по плечам, по спине, и Таня тогда, наверное, будет совсем как настоящая русалка.

Книга не очень-то мне понравилась. Князь полюбил дочь Мельника и хотел жениться на ней. А потом взял да и женился на другой. С горя мельникова дочь утопилась и стала Русалкой. Мельник сошел с ума. Князю тоже, видно, не сладко пришлось. А Русалка родила девочку в своем подводном царстве. И девочка выходила на берег и встречалась со своим сумасшедшим дедом. А однажды она встретила с Князем. Он удивился и спросил: «Откуда ты, прекрасное дитя?» Вот и все.

А я-то думал, что там что-нибудь страшное происходит, как, например, в кинокартине «Вий» у Гоголя.

Мне было очень приятно увидеть ее в зеленом «кусочке морского дна».

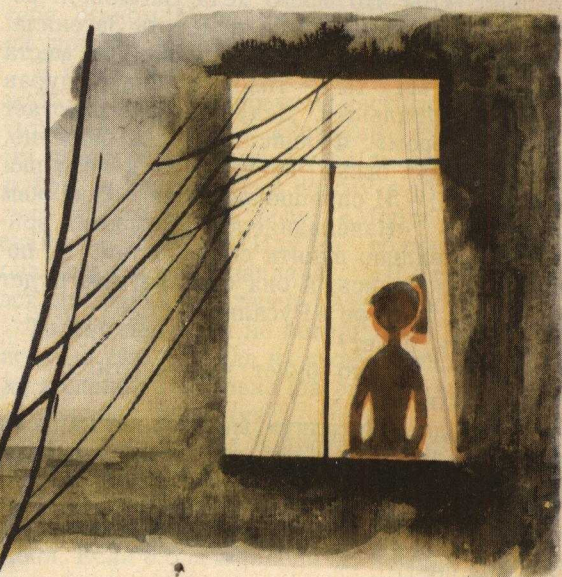

Через несколько дней я книжку вернул. Таня открыла мне дверь, и я сразу же заметил, что с головы ее уже не свисает «конский хвостик». Сзади у нее была короткая, почти мальчишеская стрижка. Так ей тоже шло.

— Понравилась? — спросила Таня, взяв у меня книгу.

— Ага, — сказал я из приличия. — Здорово там это... Мельник Князя пугает: «Я ворон!» — кричит. — Я ворон!»

Таня рассмеялась.

— Послезавтра дадут пригласительные. Посмотришь.

— Таня, — заметил Иван Денисович, — ты же знаешь, про оперы говорят «послушаешь».

— А иногда «посмотришь», — быстро ответила она и снова рассмеялась.

Когда я уходил, я сказал:

— Таня, ты вечером сможешь подойти к окну?

— Смогу, а зачем?

— Просто так. Подойди на две минуты, ладно?

— Ладно, а во сколько?

— Ну... ну ровно в десять.

— Идет.

Ровно в десять, когда уже было темно, я стоял под деревом, что росло напротив ее окна.

Подойти она не забыла, и мне было очень приятно увидеть ее в зеленом «кусочке морского дна». Меня она вряд ли видела, хотя и смотрела какое-то время вниз на дерево.

Это повторилось и назавтра, хотя я не просил ее. Она опять посмотрела в сторону дерева. А может, Таня меня все же видела? Мне сделалось очень радостно. Я весь вечер думал об этом, а потом долго не мог уснуть.

На следующий день, когда я стоял с ребятами около своего подъезда и спорил о том,

что торпедовский Стрельцов — лучший центр нападения, вдруг появилась Таня.

Все взглянули на меня (во дворе, конечно, заметили, что я стал посматривать на ее окно), и я тут же почувствовал, как предательски краснеет мое лицо.

Таня же направилась прямо к нам. В руке у нее белел какой-то листок.

— Вот пригласительный, — сказала она, — начало сегодня в двенадцать.

Рука не поднималась, чтобы взять листок.

— Я не могу, — выдавил наконец я. — Мне нужно... это... к тетке. Она на дачу переезжает... в Малаховку... Правда.

Таня повернулась и пошла на улицу.

— А Русалка-то без хвоста, — сказал кто-то.

А другой добавил:

— Чем же она теперь рыб отгонять будет?

Все засмеялись, а Виталька спросил:

— Куда это пригласительный давала?

— Да так, — сказал я, — на генеральскую репетицию.

— На генеральскую! — захохотал Виталька. — Ой, уморил!

— На генеральную, — поправился я, но все кругом валились от смеха.

В театр я все же попал. Прошел без билета. Крутился, крутился возле контролерш, а потом решил — была не была — и дерзко двинулся за кем-то следом. Никто меня не остановил.

Вначале от страха и радости я ног под со-

бой не чувствовал. Все думал, сейчас кто-нибудь спросит: «Мальчик, а где твой билет?» Но потом успокоился. Смотрю, многие поднимаются наверх. И я пошел.

На втором этаже осмотрелся. Народу здесь меньше. Значит, в зал не пройти: у дверей тоже стоят, проверяют билеты. Я хотел было спуститься вниз, но тут кто-то меня окликнул по имени.

Я обернулся и увидел Ивана Денисовича.

— Эдик, иди сюда, — позвал он.

Иван Денисович был, как всегда, подтянут, держался ровно, с достоинством. Форма придавала ему еще больше строгости. «Вот теперь-то я пропал», — мелькнуло у меня в голове. Но старик проговорил:

— Проходи вот в эту ложу.

Он усадил меня на какое-то место, и я стал ждать, когда же начнется спектакль.

Наконец в зале стало темнеть, разговоры стихли, заиграл оркестр, и через некоторое время распахнулся занавес.

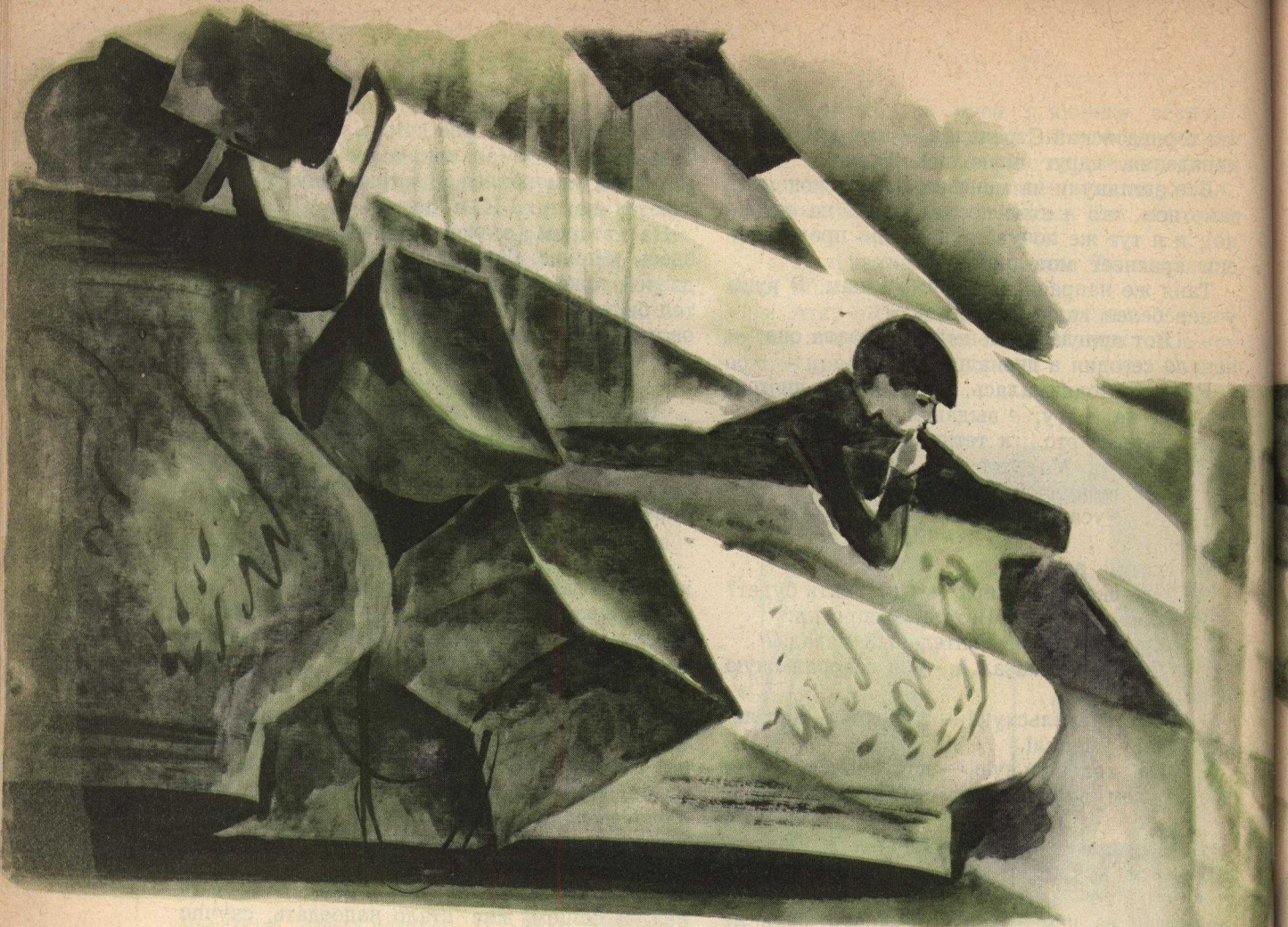
Вначале было про то, как Мельник прорабатывает свою дочь. «Упрямы вы», — все повторял он, послушались бы старших, так нет же, вы, мол, все живете своим умом. Обо всем вам нужно твердить по сто раз. Это было смешно: распекают ее, как все равно в школе или дома за невыученный урок. И не просто распекают, а поют.

Но потом пела дочь, пел Князь, еще кто-то пел. В общем, мне стало надоедать, скучно сделалось.

В антракте Иван Денисович меня спросил:

В руке у Тани белел какой-то листок.

— Ну как, нравится опера?

— Ага, — кивнул я. — Здорово поют. Громко. У меня даже в голове до сих пор звенит. — И для убедительности я потрогал свою голову, а потом спросил: — Иван Денисович, когда же Таня будет выступать?

— Еще не скоро, — ответил он. — Ее выход в самом конце.

— А... — сказал я и побежал к буфету пить лимонад.

После перерыва мне стало совсем неинтересно. Смешно было только раз, когда Мельник принялся взмахивать руками и кричать: «Я ворон! Я здешний ворон!» Это, по-моему, был сильный момент или, как говорят, «удача актера».

А потом я снова заскучал. Мне не терпелось поскорее увидеть Таню, а она все не выходила. «Ну когда же? Когда?» Этот вопрос не давал мне покоя, и поэтому меня брала досада, что так долго тянется спектакль, а Тани все нет и нет. Даже на сцену смотреть не хотелось. И я стал поглядывать на зрителей, на оркестр, на прожекторы.

И вдруг я услышал, что на сцене зазвучала обыкновенная речь; а не пение, которое порядком уже надоело. Я взглянул на сцену и обомлел: там была Таня. И не просто Таня. А очень и очень красивая. Прямо как на картине в музее. Губы у нее были подкрашены, а глаза стали синие-синие.

Я взглянул на сцену и обомлел: там была Таня...

Волосы... Мне бы никогда в жизни не понравились такие волосы: они были чуть зеленоватые. Но Тане необыкновенно подходил этот цвет.

А одета она была в воздушно-легкое, голубое, почти прозрачное платье.

Она говорила, что искала на дне какие-то раковинки для своего деда-мельника. Но я не вникал в смысл того, что она говорила. Я только слушал, как нежно лился со сцены ее голос. И мне хотелось, чтобы он звучал и звучал без конца.

Но вот все захлопали. Занавес дернулся и поплыл, скрывая за собой артистов. Потом вновь распахнулся, и публика еще сильнее

захлопала, а занавес тогда снова стал закрывать сцену.

Я тоже хлопал и даже хотел было крикнуть «Бис!», но, оглянувшись на Ивана Денисовича, вовремя сдержался. А в ушах моих, несмотря на шум, все еще стоял мягкий голос Тани.

Потом я, как во сне, медленно спустился со зрительными по широкой лестнице и прошел к выходу. Лишь на улице я словно бы проснулся. Передо мною мелькали прохожие, пронеслись машины. На перекрестке совиным желтым глазом мигал светофор.

Я решил дожидаться Таню возле театра. Из дверей еще густо выходил народ. Потом поток людей стал редеть, потом выползли последние зрители, и в театре, кроме гардеробщиц, никого не осталось.

Постояв еще минут десять, я увидел, как кто-то стал запирать изнутри дверь. Тогда я пошел домой.

По дороге я смекнул, что в театре был

служебный выход, возле которого и нужно было ждать Таню. Но теперь она уже, конечно, ушла.

Во дворе все столпились возле Витальки: он вынес новенький фотоаппарат и показывал его ребятам. Подошел и я.

Все себя чувствовали специалистами: говорили о пленке, о выдержке, о диафрагме.

— Заряжен? — спросил я.

— Только что зарядили, — сказал Виталька. — Тридцать две единицы зарядили.

— Лучше б шестьдесят пять, — проговорил я.

— Знаю, — сказал Виталька, — в магазине только такая была.

— Сними меня, а? — протиснулся к нам шестилетний Костик, он жил с Виталькой в одной квартире.

— Откуда снять? — спросил Виталька, и все засмеялись.

Костик не знал, что ответить, и снова попросил:

— Ну сними.

— А ты что, на заборе повис?

Опять все рассмеялись.

— Из аппарата сними, — не отставал Костик.

Виталька отмахнулся.

— Да ну тебя! На что ты мне нужен? Я вон лучше Русалку сфотографирую.

Я обернулся и увидел Таню. Она шла от ворот нам навстречу.

— Русалка!

— Русалка, стой. Мы тебя сфотографируем.

Но Таня молча поравнялась с нами, взглянула на

меня, мне показалось в ее взгляде какое-то ожидание, будто я должен был что-то сделать, но я отвел глаза, я не знал, что мне делать, и Таня прошла мимо.

— Русалка, Русалка без хвоста! — крикнул Костик.

Таня, конечно, не оглянулась.

Вечером ровно в десять я стоял под деревом и смотрел на бледно-зеленое окно.

Я ждал, что она вот-вот появится в этом «кусочке морского дна». «Русалка, — шептал я, — Русалочка».

Я ждал, ждал и ждал.

Таня не появилась.

ГОСТИ с МИОНА

Петр СТЫПОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Окончание

АСУР

Анне хотелось узнать как можно больше о жизни на Мионе. Для этого она и пригласила к себе Асура. В каюте было прохладно, пахло травой и лесными цветами. Асур нажал какую-то кнопку. Молочная краска покрыла стены, они медленно растаяли, а на их месте появились леса и горные вершины, послышалось журчание ручья.

Он снова нажал кнопку. Исчезли горы и лес, умолкла песня ручья. Запахло морским воздухом, появились синие волны, и вдали широко раскинулась гладь моря.

Анна закрыла глаза, представляя себе, будто она стоит на берегу родного Черного моря. Немного погодя она задумчиво сказала:

— Асур, скажите мне искренне: там, на Мионе, вы были по-настоящему счастливы?

Асур перестал улыбаться. То, что он когда-то пережил, осталось в его сознании, как сон. Но встреча с земными братьями пробудила тоску по Земле.

— Если есть счастье, то только там, на Мионе, — ответил Асур. — На Земле я не был счастлив. Но я все же очень тоскую по ней.

Кто-то постучал в дверь. Анна вздрогнула.

В каюту вошел улыбающийся Вега.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски. — А я вас ищу, Асур. Пойдемте со мной.

Анна нахмурилась. Взгляд ее стал холодным.

— Сегодня у меня день рождения, надо как-то отметить это, — пояснил Вега. — Разумеется, я приглашаю и вас. Через несколько минут ваш отец зайдет за вами. Идемте, Асур!

В коридоре он сказал:

— В таких случаях у нас принято выпить, — тихо засмеялся и ввел Асура в свою каюту.

Там был Робсон. С беззаботным видом он сидел за столом, на котором стояли две бутылки с пестрыми этикетками и несколько бокалов.

— О, у нас гости! — с деланной радостью воскликнул Робсон, когда Вега и Асур вошли в комнату. — Присаживайтесь к столу.

Асур взял бутылку с янтарной жидкостью.

— Когда-то люди пили перебродивший виноградный сок, — сказал он. — Пили, а потом становились веселыми и пели песни. Это такой же сок?

— Да. Хотите попробовать?

Асур осушил свой бокал, спустя некоторое время голова у него закружилась, в глазах стало двоиться, Вега и Робсон стояли перед ним, покачиваясь, и от их лиц то и дело отделялись другие лица, опять-таки Веги и Робсоны.

— У вас есть двойники? — спросил Асур, хлопая глазами.

— Конечно, — пошутил Вега. — У каждого жителя Земли есть двойник. Он бессмертен.

— Неужели? Если это правда, то и мои родичи... их двойники, может, еще живы?

Перевела с болгарского
Р. АНДРЕЕВА

Рисунки М. АЛЕКСЕЕВА

— Ты бы их увидел сам, но этого не будет. Ты уже никогда не увидишь свою родную Землю!

Асур вытаращил глаза.

— Почему? Ведь мы летим к ней?

— Мы летели, но Таомей изменил свои планы.

— Ты лжешь, Вега! Земные люди лгут, но мионяне всегда говорят только правду.

— Действительно, еще полчаса назад они говорили правду, но теперь лгут, — сказал Вега, с трудом подавляя охватившее его раздражение. — Таомей вызвал меня и сказал, что звездолет не полетит на Землю!

— Почему?

— Потому что там их могут убить.

— Ты утверждаешь это? Ладно. Но я спрошу и Таомея.

— Таомей ничего тебе не скажет, — возразил Вега. — Он не хотел лететь на Землю, а мы хотели вернуться. Поэтому мы сделали так, чтобы он и его товарищи не могли ни двигаться, ни думать, ни говорить!

— Вы их убили?

— Не беспокойся, — сказал Вега. — Ничего плохого не случилось. Они только уснули. Часа через три проснутся. Но до этого мы должны улететь. Ты, Асур, покажешь нам, как открывается люк ангара, где стоит наш ракетоплан. Только этого мы хотим от тебя. Если желаешь, полетишь вместе с нами, а нет, — оставайся здесь. Но мы улетим!

Они повели его в зал. Мионяне лежали на полу и, казалось, спали. Лица у них были спокойные. Асур смотрел на них некоторое время. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Как видишь, ничего с ними не случилось, — заметил Вега. — Когда мы улетим, они проснутся.

В это время раздался крик Анны:

— Пустите меня! Где отец?

Асур обернулся. Перед каютой Анны, прислонившись спиной к двери, стоял, тяжело дыша, Джерри Гардон.

— Почему вы заперли Анну? — спросил спокойно Асур, глядя в горящие ненавистью глаза Веги. — Выпустите ее.

— Хватит болтать! Ступай и открой люк! — заорал Вега.

— Она не хочет лететь с вами, выпустите ее!

Асур говорил спокойно.

— Не вмешивайся в наши дела! Немедленно открой люк!

Асур медленно повернулся и направился к лестнице, ведущей в командную рубку.

— Куда? — крикнул Вега и схватил его за плечо. — Ангар не там!

Асур спокойно ответил:

— Люк открывается из командной рубки. Идемте!

Вега и Робсон переглянулись. Это было вполне вероятно. Асур провел их в просторную кабину, где имелось множество приборов. Подошел к небольшому шкафчику и вытащил из него бутылочку с какой-то жидкостью.

— Он что-то замышляет, — заметил Вега. — Если предложит выпить, мы откажемся!

Асур даже не удостоил их взглядом.

Он налил себе стакан жидкости и выпил. В голове у него сразу же просветлело. Мозг четко работал. И тут он понял, насколько он разгневан.

Немного успокоившись, Асур повернул ручку, рядом с которой горела красная сигнальная лампочка. Лампочка тут же погасла, и на ее месте появился зеленый кружок. Кабина слегка вздрогнула. Послышался приглушенный шум — точно загудел где-то вентилятор. На пультах управления затрепетали стрелки, вспыхнуло множество лампочек.

— Асур, что это гудит? — спросил Вега.

— Люк, — ответил небрежно Асур и улыбнулся.

— Робсон, пойдика проверь! — приказал Вега.

Пилот направился к ангару, а Вега прислонился спиной к двери. В руке он держал заряженный револьвер и не спускал глаз с Асура, который поглядывал на приборы. Вега чувствовал легкое головокружение, ему казалось, что звездолет движется, но не был уверен в этом.

— Куда ты? Зачем? — крикнул Вега, увидев, что Асур направился к шкафу.

— Нехорошо быть таким пугливым! — улыбнулся Асур.

Он достал из шкафа какой-то продолговатый предмет, сказал: «Вот это!» — и направил его на Вега. Вега попытался поднять руку с револьвером, но тут же медленно повалился на пол. Асур поднял его и положил в кресло пилота.

Прибежал запыхавшийся Робсон.

— Люк закрыт! — крикнул он, с тревогой глядя на лежащего в кресле Вега.

Асур молча направил свой прибор на Робсона. Тот растянулся на полу.

Асур спустился на нижний этаж. У дверей каюты Анны стояли, засунув руки в карманы, Джерри и

Джеймс. Увидев Асура, они насторожились. Куда подевались Вега и Робсон? Но не успели они и рта раскрыть, чтобы спросить об этом, как Асур направил на них свое оружие. Он открыл дверь.

— Это ты! — воскликнула Анна. — Что случилось? Почему меня заперли?

— Вы еще легко отделались, — сказал Асур.

Они направились в зал, где лежали мионяне и Скрибин. Асур разрезал веревки, которыми они были связаны. Анна приложила ухо к груди отца, сердце его билось, он дышал. Затем она посмотрела на Таомей. Грудь гиганта мерно вздымалась и опускалась. Асур поднял тубик, валявшийся у двери. Анна взяла его и прочла надпись.

— Усыпляющий газ, — сказала она. — Его действие длится от двух до трех часов. А где Вега и остальные?

— В командной рубке. Они придут в сознание, но это будет нескоро. Пусть сначала проснется Таомей. Он решит, что делать с ними.

Они отправились искать Брауна.

В двух кабинах ракетоплана никого не было. Асур открыл дверцу грузового отсека и крикнул:

— Браун!

В ответ раздался стон. Кто-то зашевелился в углу. Это был связанный Браун. Его рот был заткнут тряпкой. Асур вытащил ее.

— Где инженер и Анна? — с тревогой спросил скрипач. — Ради бога, предупредите их! Эти подлецы хотят их отравить!

Асур похлопал его по плечу.

— Не волнуйтесь, друг. Анна здесь.

БЛАГОРОДНЫЕ МИОНЯНЕ

— Посмотри, Анна! Не кажется ли тебе, что Таомей приходит в себя? — спросил Асур.

Тело Таомей вздрогнуло. Раздался глубокий вздох. Губы мионянина зашевелились.

— Где Вега и его друзья?

— Они обезврежены, — ответил Асур, протягивая ладонь, на которой блестело оружие. — Я воспользовался вот этим!

Мионяне слушали его молча. Тут они заметили, что звездолет движется.

— Мы летим? — с удивлением спросил Таомей.

— Да, — ответил Асур. — У меня не было другого выхода. Когда они грозилась убить меня, я обещал им открыть люк, но обманул. Столько веков я не обманывал, а они заставили меня поступить подобно им самим — солгать. Я вошел вместе с ними в командную рубку и включил автомат. «Вестник» полетел. Потом я уже применил оружие.

— Куда мы летим?

— К Зейре. Может быть, я поступил неправильно? Таомей не спешил с окончательным решением.

— Да, — промолвил он. — Несчастье за несчастьем... Но, друзья, мы не имеем права улететь вместе с этими людьми. Вот и Скрибин пришел в сознание! Давайте поговорим с нашими земными друзьями. — Таомей улыбнулся Скрибину и Анне, которые напряженно ждали решения мионян. — После случившегося мои товарищи не хотят лететь на Землю...

Скрибин с трудом дождался конца его фразы.

— Ваши опасения напрасны, — горячо заговорил инженер. — Даже в стране этого Веги миллионы людей будут чрезвычайно счастливы встретить вас как гостей, как братьев! На нашей Земле вы будете окружены большой заботой и любовью!

— Да, — сказал Таомей, — я понимаю вас, но... Мои товарищи не хотят этого... за исключением астронома Элия и, возможно, Асура, хотя он и отказался высказать свое мнение... Мы вернемся на Мион. И вам предлагаем отправиться вместе с нами.

— Что?! — воскликнул Скрибин. — Это невозможно, я не могу отправиться с вами в Мион. Я не имею права бросить свою работу на Земле.

Тогда Таомей нашел выход. Он сказал, что «Вестник» высадит Анну и Скрибина на Марсе, откуда они сообщат на Землю, чтобы за ними прислали ракету, которая доставит их на родную планету...

В большом зале на высоких стульях сидели члены экипажа «Космоса» и Вега. Куда подевалась вся их надменность и наглость! Вид у них теперь был самый смиренный и покорный.

Таомей окинул виновников суровым взглядом и сказал:

— Не мы, а ваша совесть, если, разумеется, она у вас есть, будет судить вас.

— Понимаю, — сказал Вега. — Мы раскаиваемся!

Тон его был лицемерным.

— Вы можете улететь, — сказал спокойно Таомей.

— Вы отпустите нас? — не поверил Вега.

— Да. Можете вернуться на Землю на своем корабле.

Притворство стало излишним. Бурная радость охватила Вегу, к нему вернулась прежняя самоуверенность.

— Мистер Скрибин! — обратился он к инженеру самым приветливым тоном. — Торжественно обещаю вам, что, когда мы с вами высадимся на...

— Мы не полетим с вами! — перебила его Анна.

— Но почему? — вытаращил глаза Вега. — Преддим все забвению. Вы свободны. Полетим вместе на Луну, к вашим друзьям. Мы высадим вас у них.

— Вы улетите одни, — сказал Таомей.

Вега пожал плечами.

— Как им будет угодно... — нерешительно промолвил он. — А вы, Браун, полетите с нами?

Браун вздрогнул и повернул к нему голову.

— Нет, с вами я не полечу! Я отправлюсь на Мион! На Мион, понимаете! В один прекрасный день я вернусь на Землю. Тогда вас уже не будет в живых! Вы превратитесь в прах. И никто не будет вспоминать о вас, мистер Вега! И о вас, мистер Робсон и мистер Гардон! Никто!

— На Мион? — воскликнул Вега. — И вы, инженер Скрибин, и ваша дочь тоже?

— Это вас не касается, куда мы полетим! — холодно ответил Скрибин.

Дорого бы дал Вега за то, чтобы Скрибин и Анна никогда не вернулись на Землю.

— Когда вы вылетаете? — сухо спросил Таомей.

— Немедленно, — ответил Вега.

ГОЛОСА ИЗ КОСМОСА

Спиридонов взглянул на часы. До конца смены оставалось четверть часа. Вдруг в наушниках раздался тихий, странно звучащий женский голос:

— Алло, Земля... Земля! Вызываю «Космоград»! Алло, Земля...

Так не могла говорить ни одна земная радиостанция. Спиридонов был в недоумении. Радиолюбитель? Возможно. Голос в наушниках продолжал вызывать Землю, поэтому радист сказал в микрофон:

— Я «Космоград»! Слушаю вас! «Космоград» слушает вас, кто говорит?

— Я Анна Скрибина, — ответил голос.

— Что?! Погибшая... — растерянно спросил радист. — Слушайте, я прерываю связь! — вдруг рассердился радист. — Это ни на что не похоже! Такими вещами не шутят!

Тут Спиридонов услышал другой голос — мужской, который сказал:

— Анна, дай мне поговорить с ним! У него все основания не верить нам!

Потом голос мужчины отчетливо произнес:

— Я инженер Скрибин. Свяжите меня с товарищем Солнцевым — директором наших подземных заводов. Прошу вас, свяжите меня немедленно!

Спиридонов взял трубку и быстро набрал номер. На экране видефона появился полный мужчина с седыми волосами.

— Товарищ Солнцев,— начал Спиридонов,— с вами говорит дежурный радист... Случилось нечто странное, поистине невероятное.

Далекий голос нетерпеливо оборвал его:

— Вы соединили нас? Да? Позвольте я сам все объясню.

После небольшой паузы Скрибин быстро заговорил:

— Александр Павлович, это вы, дорогой? Понимаю, все это так неожиданно, почти фантастично, я Скрибин! Я жив. И Анна со мной. То, что произошло с нами, инсценировка, хорошо организованное похищение. Нас спасли мионяне. Их звездолет только что совершил посадку на Марсе. Вы слышите меня?

Спиридонов видел на экране недоуменное лицо директора. Видел, как он нервно перебирает разные предметы на столе, хватая то ручку, то пресс-папье и не может вымолвить ни слова.

— Александр, ты слышишь меня? — снова спросил Скрибин.

— Ничего не понимаю! Это ты, Иван? Черт возьми, какая-то мистика!

— Слушай, Александр Павлович! Тебе известна формула сплава «Эр», из которого изготавливаются конструкции космического городка, да?

— Известна,— ответил директор.— Ну и что?

— Эту формулу знаем только я, ты и мой помощник инженер-химик Никитин. Так слушай!

Скрибин быстро и точно назвал формулу.

Александр Павлович не ответил. Радист увидел, как он откинулся на спинку кресла, жадно глотая воздух, и отозвался вместо него:

— Я слышу вас, товарищ Скрибин! Продолжайте!

— Прошу вас, запишите! Ждем ракету! Мы на Марсе, в районе Большого канала. Поняли меня?

— Да!

— Прекращаю передачу. Вызову вас точно через пятнадцать часов!

НА MARCE

— Хотите прогуляться по Марсу? — предложил Таомей землянам.

Анна подумала, что они наденут скафандры и выйдут побродить по равнине или же направятся к чернеющим вдали холмам. Но Таомей добавил, что они полетят на ракетоплане.

Под ракетопланом раскинулась голая равнина, из-

Под ракетопланом раскинулась голая равнина, изборозженная глубокими черными трещинами.

борозженная глубокими черными трещинами. На горизонте синели невысокие округлые холмы.

Таомей объяснил, что звездолет совершил посадку в районе экватора, где простирается желтовато-коричневая пустыня.

Ракетоплан сбавил скорость и пошел на снижение. Тем не менее приборы отмечали скорость в пятьсот километров в час.

— Если хотите, мы можем повиснуть в воздухе,— сказал Таомей.

— Очень прошу вас! Мне бы хотелось узнать, что там виднеется.— Она протянула руку вперед.

Ракетоплан замер метрах в десяти от поверхности. Внизу простирался лес. Низкорослые деревья с коричневыми стволами и синеватой листвой. И этот

На востоке появилось еще одно светило.

лес тоже казался таким безжизненным, что Анна содрогнулась, глядя на него.

Решили полететь на восток, чтобы поскорее встретить восход солнца. Густой мрак окутал всю планету. На темном куполе неба, словно монетки, брошенные чьей-то щедрой рукой, засияли звезды.

На востоке появилось еще одно светило. Его синеватое сияние хотя и уступало по яркости Деймосу, было сильнее сияния остальных звезд.

— А это какая звезда? — спросил Асур.

— Это не звезда, а Земля, — сказала Анна.

Асур уставился на Землю. Она медленно поднималась над горизонтом. Анна объяснила Асуру, что с Марса никогда не увидишь полного диска Земли: он виден не более чем на три четверти, иначе бы она сияла еще ярче.

Но даже и такой Земля была королевой марсианского неба.

Прижавшись лбом к иллюминатору, они сидели молча и неподвижно.

— Тебе грустно, Асур? — спросила Анна.

Асур опять не ответил, слезы душили его. Он никогда не испытывал более непреодолимого желания снова увидеть Землю. Родная Земля сияла так близко, звездолету ничего не стоило долететь до нее. Столько лет он мечтал увидеть ее, и вдруг все его мечты рухнули...

— Конечно, ты полетишь с нами! — говорила Анна. — Асур, я очень тебя прошу. Ты увидишь, какой хорошей теперь стала наша Земля. Ведь она твоя родина. Ты встретишься с ней после многих тысяч лет разлуки. Ты не можешь себе представить, как там тебе встретят! Живой свидетель событий, происшедших в глубокой древности.

Анна говорила искренне, ее голос звучал так нежно, что Асур вдруг почувствовал себя счастливым. Он думал, что он никому не нужен, — и вот Анна зовет его полететь на Землю. Он привык к жизни на Мионе: там была его вторая родина. Там жили его друзья, тысячи друзей, которые любили его.

— Нет, Анна, я не могу... хотя и очень хочу полететь на Землю, — тихо ответил он.

Он представил себе, что летит обратно на Мион. Анна осталась на Марсе, и с каждой секундой расстояние между ними становится все больше и больше. Эта мысль показалась ему невероятной, жестокой.

Неподалеку от звездолета уже стояла квадратная палатка, прочно прикрепленная к грунту. Над маленькой танкеткой торчала стрела крана. Одетые в скафандры мионяне медленно опускали на палатку большой прозрачный купол, который должен был покрыть ее.

Под этим герметическим куполом будет достаточно воздуха, чтобы Скрибин и Анна могли обходиться в палатке без скафандров.

На маленьких табуретках в стороне сидели Скрибин и Таомей. Как и все, кто находился вне звездолета, они были одеты в скафандры, снабженные миниатюрной рацией.

— Таомей, я хочу поговорить с тобой! — раздался голос, и Таомей увидел Асура.

— Я не хочу причинять тебе боли, Таомей, — продолжал Асур, — но я решил вернуться на Землю!

Таомей взглянул на него и тихо промолвил:

— Асур, я не имею права задерживать тебя! (Асур поднял глаза — в них светилась бескрайняя радость и признательность.) Ты волен поступать так, как тебе угодно. На твоём месте я, возможно, поступил бы так же!

— Асур, друг, ты не можешь представить себе, как я рад! — воскликнул Скрибин. И, разделяя печаль Таомея, добавил: — Кто знает... Может, через десять-двадцать лет и мы на Земле научимся строить фотонные звездолеты. Тогда, может быть, мы, в свою очередь, прилетим к вам на Мион...

— Асур, — обратился Таомей к своему другу, — ты ведь знаком с устройством нашего звездолета. Расскажи земным инженерам и конструкторам о нем.

А вам, дорогой Скрибин, я дам чертежи, планы и книги. Вы узнаете многое о конструкции звездолетов. Ученые Земли смогут воспользоваться нашими знаниями. Вашей дочери, Скрибин, я подарю аппарат для сохранения молодости... И эту танкетку оставим здесь, она вам пригодится!

Мионяне пробыли на Марсе еще одни сутки. Они позаботились обо всем, чтобы Скрибин, Анна и Асур могли спокойно дожидаться ракеты с Земли.

В последний вечер перед отлетом «Вестника» задул сильный ветер. Он поднимал облака красноватой пыли, и все перебрались на корабль. В большом, ярко освещенном зале был устроен прощальный ужин. За столом, уставленным разной снедью, уселись члены экипажа звездолета и земляне. Некоторое время они сидели молча, поглядывая друг на друга и печально улыбаясь.

— Итак, мыслящие существа из двух различных миров должны расстаться! — сказала Анна, обращаясь к Таомею.

— Да, — ответил он. — Но мы оставляем вам нашу портативную радиостанцию, чтобы можно было поддерживать связь между Землей и Мионом. С этого времени обитатели двух планет, двух миров, разделенных миллиардами километров, будут регулярно обмениваться информацией.

— Каждое четное число мы будем говорить с вами! — воскликнул Браун.

— Асур, мне хотелось бы время от времени слышать и твой голос! — промолвил Таомей.

Асур смотрел на стену. Там висела картина — мионский пейзаж. Залитый светом город с красивыми зданиями из прозрачного материала. Вдали виднелась скалистая гора. Деревья, синяя река и лазурное, как на Земле, небо. Асур тосковал об этом небе, под которым он прожил много веков. Он уже тосковал о друзьях. Анна шепнула ему на ухо:

— Асур, не забывай, что мы увезем с собой на Землю планы и чертежи мионян. Наши ученые и инженеры скоро построят огромный звездолет. Непременно построят, Асур! И он будет таким же мощным, как «Вестник».

ТАИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

На следующее утро земляне решили отправиться на прогулку.

Асур начал спускаться по склону холма и на некоторое время исчез из виду, скрывшись за скалой. Но Скрибин и Анна слышали по радиотелефону его учащенное дыхание.

— Идите сюда! — прозвучал в их шлемах голос Асура. — Здесь вход в подземелье!

В глубине коридора еле виднелось светлое пятнышко. Предполагая, что там находится выход, земляне прибавили шаг. Свет становился все ярче и ярче, и вскоре они увидели марсианское небо и обломки скал.

— Здесь коридор обрывается, — сказал Асур. — Вы подождите, а я пойду посмотрю, можем ли мы вернуться отсюда.

Он подошел к выходу и тут же отпрянул назад.

— Асур, в чем дело? — спросила Анна.

— Там! Там... — Он указал рукой на выход. — Или, может, мне только померещилось... Анна выглянула.

— Марсиане! — воскликнула она.

Они быстро и бесшумно двинулись по коридору назад. Через несколько шагов Асур остановился. Луч фонарика осветил глубокую нишу. Только они успели спрятаться в ней, как в светлом проеме появился темный силуэт, за ним второй. Вошедшие в коридор незнакомцы были одеты в скафандры и по росту не отличались от землян. Однако из-за расстояния нельзя было разглядеть их лиц. Вдруг Скрибин схватил Анну за плечо и шепнул:

— Слышу голоса!

Вот отчетливо прозвучала английская речь.

— Неужели это люди Веги? — встревожилась Анна. — Асур, слышишь? У нас есть оружие?

— Нет, оружие мионяне не оставили...

— Боже мой, что мы будем делать! Бежим отсюда! Это люди Веги. Они узнали, что мы здесь, и теперь ищут нас!

Анна уже бежала к выходу. Асур бросился за ней, Скрибину не оставалось ничего другого, как последовать за ними. Он догнал их уже на обрыве.

ДРУЗЬЯ

Два дня они не покидали палатки. Установили ночное дежурство: пока двое спали, третий бодрствовал. Сквозь прозрачный купол следили за местностью.

— Это я виноват, я! — винил себя Асур. — Как я не попросил оружия?

Анна осунулась, побледнела. Она утратила всякий интерес к планете.

На третий день Асур решил, что так не может больше продолжаться. Вечером, когда стемнело, он надел на плечи портативный летательный аппарат, захватил особые очки, которые позволяли видеть в полном мраке, и отправился осмотреть окрестности.

Два часа он кружил над пустыней, освещенной тусклым светом Фобоса. Вскоре пустыня уступила место обширной равнине.

Вдруг он заметил вдали огонек и направился к нему. Вскоре он увидел контуры ракеты — такой же, как та, на которой улетел Вега. Рядом с ней стоял маленький домик. «Анна права, — подумал Асур, — ему стало не по себе. — Вега действительно здесь. Он вооружен, и ему очень легко будет снова взять нас в плен... А может, это не Вега? Скрибин говорит, что это могут быть другие космонавты...»

— Слышите? — сказал Бил, выпрысывая зубами в яблоко. Минуту назад он вернулся и еще был в скафандре, снял только шлем.

Гарри и Робсон, поглощенные игрой в карты, даже не подняли головы. Один лишь доктор Эванс опустил газету и прислушался.

— Да, что-то гудит, — сказал он. — Вроде мотора.

Бил быстро надел шлем, сунул в карман револьвер и вышел из помещения. Прислушался — ничего не было слышно. Тогда он решительно поднял «забрало» шлема. Он не раз уже делал это и знал, что в разреженной атмосфере Марса сможет выдержать две-три минуты. В лицо пахнуло холодом. Бил увидел на фоне звезд скользящую тень.

— Тыфу, черт! Что это такое? Птица или сам дьявол? — изумился Бил. От холода и разреженного воздуха у него заломило скулы и загудело в ушах. Он быстро нагнул прозрачное «забрало», выхватил револьвер и несколько раз выстрелил по летящей птице.

Выбежал Эванс, уже одетый в скафандр, с фонарем в руке. Светлый луч прорезал мрак. Они оба увидели какое-то странное бескрылое существо.

— Включите прожектор! — крикнул Бил.

Асур увидел контуры ракеты. Рядом с ней стоял маленький домик.

Вспыхнул яркий свет. Бил обшарил, водя лучом прожектора, все пространство впереди, но ничего не обнаружил.

— Ушел! — произнес Бил с досадой.

— Может быть, вы убили его? — ответил Эванс. — И это странное существо валяется в какой-нибудь ложбине...

— Проверить нелишне... — пробурчал Бил и направился в ту сторону, где исчез ночной гость. Луч прожектора прокладывал перед ним светлую дорожку. Что это могло быть? Человек? Вряд ли. Им не было известно, чтобы в это время на Марсе пребывала какая-нибудь другая экспедиция.

«Марсианин?» — подумал Бил и тут же громко рассмеялся. — Чепуха!

Он уже собирался идти назад, как неожиданно заметил на песке какое-то пятнышко. Наклонился, тронул перчаткой — кровь. Пошел дальше — еще одно пятно.

— Эй, ребята! — крикнул он в микрофон. — Следы крови!

— Значит, это был не призрак! — раздался голос Эванса.

Спали беспокойно. Когда наступило утро, Бил и Эванс надели скафандры, сели в вездеход и направились по кровавому следу. Но след вскоре оборвался.

— И все же здесь есть другие существа, кроме нас, — сказал Эванс. — Пока мы не обнаружим их, я не успокоюсь. Поедем дальше?

— Впереди что-то поблескивает, — сказал Эванс, опуская бинокль.

— Ракета! — встрепетнулся Бил. — А что я говорил!

Он запустил двигатель, и вездеход помчался вперед. Издали они увидели, что это не ракета, а огромный купол, под которым стоит палатка.

— Бил, ты в лучшем случае осел! — хмури брови, сказал Эванс. — А что, если ты убил или ранил человека?

— Проклятье! Это будет ужасно! Вполне возможно, что на маленьком вертолете летел космонавт. Но откуда я мог знать это? Да и он не окликнул меня! — оправдывался Бил, тревожно поглядывая вперед...

Скрибин, Анна и Асур с перевязанной рукой стояли молча под прозрачным куполом, глядя на приближающийся вездеход. Асур был убежден, что к ним едет Вега. Конечно, это Вега. Кто, кроме Веги, стал бы стрелять в него!

— Что будет с нами? — взволнованно промолвила Анна.

Скрибин не ответил. Он вошел в палатку и вызвал по радио «Космоград». Услышав голос Спиридонова, он быстро заговорил:

— Это я, Скрибин! Вы слышите меня? На вездеходе едут к нам неизвестные люди. Вчера вечером один из них ранил Асура. Ранение неопасное, но все же...

Скрибин выключил радио. В это время в палатку ворвался Асур. Лицо его сияло.

— Это не Вега! Это не его люди! Это другие космонавты!

Анна нажала кнопку. В куполе открылась дверь. Незнакомцы вошли в маленький шлюз, и дверь за ними захлопнулась. Очутившись под куполом, гости сняли шлемы. Они улыбались, с удивлением разглядывая девушку.

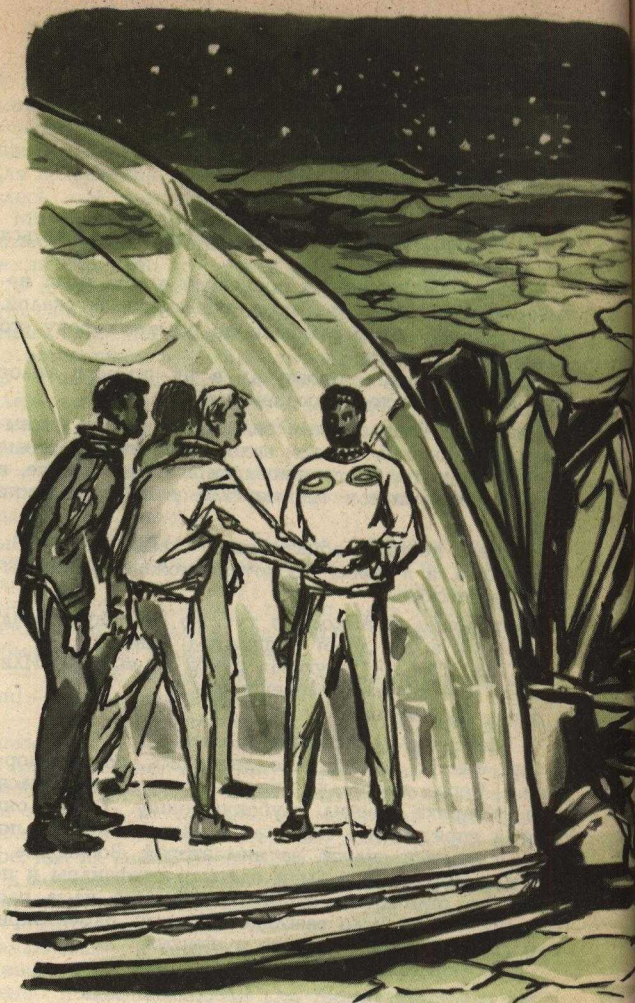
— Экспедиция? — спросил Бил по-английски. — Я очень рад, мисс!

— Да, — ответила Анна. — А вы кто?

— Мы тоже из экспедиции. Прибыли на Марс четыре дня тому назад. Доктор Эванс! — представил Бил своего товарища. — А меня зовут Бил Аллан. Я из Вашингтона. Моя специальность — космическая археология. Мы ищем на Марсе следы погибшей цивилизации.

— Мое имя Анна, специальность — астроном, — в свою очередь, представилась девушка.

— Очень приятно. Но где же ваша ракета? Мы нигде не видели ракеты, — сказал Бил, оглядывая окрестность сквозь прозрачные стены купола.

Нет, эти люди не имели ничего общего с Вегой и его сообщниками.

Анна смутилась, но в это время из палатки вышел Скрибин и сказал, что ракета, доставившая их на Марс, улетела обратно на Землю. Теперь они ожидают другую. С кем он имеет честь говорить?

Гости представились Скрибину. Когда они пожали друг другу руки, Бил заметил, что Асур тщетно пытается скрыть перевязку на запястье.

— Очень и очень прошу простить меня, сэр! — заявил он самым искренним тоном, глядя на Асура.

Нет, эти люди не имели ничего общего с Вегой и его сообщниками.

Бил спросил Асура, не нуждается ли тот в каких-либо лекарствах. Он может немедленно отправиться за ними. У них много разных лекарств.

Асур не понимал ни слова из того, что говорил ему американец. Молчание раненого озадачило Била, и он вопрошающе посмотрел на Анну.

— Он не знает английского языка, — с улыбкой сказала Анна. — Зато отлично говорит по-русски.

— О, вы русские?

— Мы граждане объединенных социалистических республик.

— Я не расслышал имени господина, — сказал Бил, поворачиваясь с улыбкой к Скрибину. — Вы, как я догадываюсь, начальник экспедиции?

Скрибин назвал себя Тимофеевым. Анна — его дочь. Третий член экспедиции, Асур, — радист.

Анна пригласила американцев в палатку, где Бил принялся рассказывать, как они летели на Марс. Полет был довольно скучным.

— Мы захватили с собой около сотни художественных микрофильмов, — говорил Бил. — И во время полета просмотрели их по два и по три раза. Знаете, когда ностальгия особенно сильно дает себя знать, хорошо увидеть родной пейзаж, мысленно побродить по тем местам, где прошло твое детство...

Радист Гарри сидел у ради и зевал. Он чувствовал себя узником в этом пластмассовом домике. Без скафандра носа высунуть нельзя. Одиночество и тишина. С ума сойти можно!

Гарри листал маленькую книжечку-календарь. Сколько времени они проведут здесь? Неизвестно. С Земли сообщили: «Все зависит от результатов поисковой работы. Получите дополнительные указания». Что это значит: две недели или два месяца?

— Мистер Аллан! — обратился он к археологу. Бил отложил книгу...

— Вижу, Гарри, что скука страшно донимает тебя!

— Должен признаться, сэр, что... — Но ему так и не удалось договорить. Над рацией вспыхнула красная сигнальная лампочка, и из динамика донесся чей-то далекий голос:

— «Марс-восемь!» «Марс-восемь», вас вызывает «Ниагара»! «Марс-восемь», вас вызывает «Ниагара»!

Гарри взглянул на часы и удивленно воскликнул:

— Черт возьми! Вызывают в неурочное время!

Через несколько минут Гарри принял шифрованную телеграмму.

— Ничего не понимаю! — буркнул он.

— Что сообщают? — поинтересовался Бил.

— Подождите. Дайте расшифровать до конца.

Спустя некоторое время радист подал Билу листок бумаги. Тот прочитал вслух сообщение:

— «Ракетоплан «Космос» пропал без вести. Отложите вашу работу. Организуйте поиски на Марсе. Возможно, ракетоплану пришлось совершить вынужденную посадку. Немедленно сообщите, если обнаружите что-либо».

Четверо космонавтов переглянулись.

— Ничего не скажешь, приятное задание! — хмуро заметил Эванс. — Бросить работу и отправиться искать пропавшую ракету!

— Что с вами, Эванс? — удивился Бил. — Ведь в ракете летели люди. Возможно, они сели где-нибудь поблизости и нуждаются в помощи! Решили, что утром Бил и Бронсон отправятся разыскивать ракету, а Эванс и Гарри останутся в лагере, чтоб поддерживать связь с ними.

Спустя некоторое время над рацией снова вспыхнула красная лампочка и прозвучал сигнальный звонок. Гарри бросил карты и схватил наушники.

— Гарри, что сообщают? — нетерпеливо спросил Бил.

— Погодите, мистер... Так, понимаю... Что? Подумать только! В самом деле? Страшно неприятно! — отрывисто говорил Гарри в микрофон.

Разговор с Землей окончился. Гарри снял наушники, хмуро взглянул на товарищей и промолвил:

— Отбой!

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Бронсон.

— То, что нам не придется искать «Космос».

— А космонавты?

— Погибли... все до одного! Вместе с иностранцами.

— Какими иностранцами? — удивился Эванс.

И Гарри рассказал, что на «Космосе» летел какой-то видный советский ученый по имени Скрибин или что-то в этом роде. С ним была и женщина, то ли его жена, то ли личный секретарь. Они направлялись на американскую базу на Луне с целью обмена опытом в области строительства искусственных межпланетных станций. По пути «Космос» где-то пропал, и почти целую неделю от него не было известий. А затем ракетоплан неожиданно появился над Луной и при посадке разбился в скалах...

Думая о погибших космонавтах, они долго не могли уснуть.

На следующий день Скрибин, Анна и Асур поднялись на танкетке к серебристой ракете американцев. Те пригласили их в пластмассовый домик.

— О, у вас есть газеты? — обрадовался Скрибин, заметив на столе несколько газет. — С каких пор я ничего не читал! Что нового на Земле? Вы позволите?

Скрибин принялся листать страницы толстой газеты, белоглазко просматривая их.

Бил заглянул ему через плечо и с легкой иронией

заметил, что новости, конечно, есть, но о них не всегда сообщают в прессе.

— На Луне, нам сообщили, произошла катастрофа. Вам что-нибудь известно об этом? Ракетоплан «Космос»...

— Нет... ничего!... — стараясь совладать с собой, промолвил инженер.

— Мы, космонавты, как братья... и сестры, — продолжал Бил, бросив взгляд на Анну. — Мы можем говорить между собой откровенно. Итак, ракете не удалось прилуниться, и она разбилась. Весь экипаж и пассажиры погибли!

— Пассажиры? — воскликнула Анна.

— Да! Один из них — видный ученый, русский, по фамилии Скрибин или... Как его звали, Гарри?

Сердитый и хмурый Гарри поднял голову и настороженно посмотрел на Била.

— Не знаю, — буркнул радист и раздраженно бросил карты. Ему хотелось обругать археолога за его болтливость.

— Эванс, ты помнишь его фамилию?

— Кажется, Скрибин, — ответил Эванс. — Я как-то читал в журнале статью о...

— Об искусственной планете «Жемчужная звезда»! — подхватил Бил. — Да-да. Теперь вспомнил: Скрибин! Так вот, по приглашению наших ученых Скрибин летел на Луну вместе со своей женой или секретарем — я точно не знаю, но, к сожалению, произошло несчастие...

Скрибин теребил уголок газетной страницы. Руки у него дрожали.

Эванс уже засыпал, когда вдруг услышал взволнованный голос радиста:

— Мистер Эванс! Мистер Эванс! Проснитесь.

И радист энергично встряхнул его за плечо.

— Я случайно подслушал разговор по радио: двадцать против одного, что говорил сам Скрибин!

Эванс приподнялся и удивленно уставился на радиста.

— Но «Космос» же разбился на Луне! А вместе с ним погиб и Скрибин! Гарри, ты бредишь!

— Нет, сэр. Вот что сообщили из Космограда: «Узнали, что «Космос» разбился на Луне. Мы очень рады, товарищ Скрибин, что вы и ваша дочь живы-здоровы, избежали грозившей вам опасности. Как поживает человек с Миона?» Скрибин жив-здоров и находится здесь.

Эванс вскочил на ноги, одеяло упало на пол.

— Здесь? На Марсе?

— Да, сэр! Поэтому я позволил себе разбудить вас. Очевидно, Скрибин — это наш друг, русский! А девушка — его дочь!

— Гарри, ты фантазируешь!

— Отнюдь нет, сэр!

Анна и Асур сидели на сине-зеленой траве, которая буйно разрослась под куполом. И вдруг они увидели, что напрямик через равнину к ним мчится вездеход американцев.

— Гости едут! — сказал Асур и направился к люку купола.

Вошли Бил и Эванс. Раздеваясь, они не сводили глаз с Асура, не улыбались и выглядели очень серьезными.

— Асур, вы араб?

Анна насторожилась.

— Не понимаю вас, — ответил Асур.

Эванс и Бил переглянулись.

— Вы смуглый, как араб. У вас кудрявые волосы. А ваши руки? Позвольте! — Бил бесцеремонно взял руку Асура и осмотрел ее с обеих сторон. Сухая кисть с длинными пальцами и ногтями.

Поведение американцев озадачило Асура. Улыбка сошла с его лица.

— Кто вы по национальности? — спросил Эванс.

Асур беспомощно взглянул на Анну. Ее губы слегка дрожали.

— Он гражданин объединенных социалистических республик, — холодным тоном объяснила она.

Эванс вежливо улыбнулся, и Анна почувствовала, что в эту минуту она ненавидит его.

— Кому нужна эта игра в прятки, мисс Скрибина?— укоризненно сказал Эванс.— Вы не можете представить себе, как мы обрадовались, что вы и инженер Скрибин живы. Как это случилось? Кто этот человек? Почему вы что-то скрываете от нас?

Анна и Асур были поражены словами американцев, они не знали, что ответить.

— Кто вы? Откуда вы прилетели?

Анна повернулась и бросилась в палатку. Спустя некоторое время из палатки вышел Скрибин. Он пристально смотрел на американцев.

— Вы сообщники Веги, да?— гневно спросил он.— Отлично сыграли свою роль!

Бил и Эванс недоуменно переглянулись.

— Какого Веги?— спросил Бил, в свою очередь...

— Того, что похитил нас!

— Похитил?— удивился Эванс.

— Да. Я предполагаю, что вам все известно.

— Но разве вы не летели на Луну по приглашению наших ученых?

— Нет, господа. Вашим ученым едва ли известно что-нибудь о тех обстоятельствах, при которых мы оказались на «Космосе». Нас заставили... мы были похищены!

— А этот человек?— Бил указал на Асура.— Мы случайно узнали, что он с другой планеты. Правда ли это?

Скрибин улыбнулся.

— Да, это правда!

— Странно. Он ничем не отличается от людей.

Забавно было смотреть на недоумевающих американцев. Безусловно, они честные люди и не имеют ничего общего с Вегой и его шайкой.

— Идемте в палатку, друзья,— пригласил их Скрибин.— Мы все расскажем вам.

Бил и Эванс внимательно выслушали рассказ инженера о похищении и о том, что последовало вслед за ним. Но особенно поразил их рассказ о встрече с мионянами. Бил и Эванс не имели никакого основания не верить тому, что говорил Скрибин, и тем не менее они время от времени недоуменно поглядывали друг на друга. Анна заметила это. Она порылась в каком-то ящике и положила на стол несколько фотографий.

— Вот мионяне,— сказала она.— А эти трое — мы. Снимок сделан в парке звездолета. Но я могу привести и другие доказательства. Давайте начнем с фильма о Мионе. Асур, прошу тебя, приготовь аппарат!

На белом экране появились необыкновенно крупные люди с оранжево-красными глазами. Одеты они были в плотно облегающие тело костюмы. На головах у них были маленькие шапочки. Затем появились странные города с круглыми, полусферическими или цилиндрическими зданиями, утопающими в зелени. Животные с большими головами напоминали земных, и все же на Земле не было таких животных. Летательные аппараты, парящие в воздухе мионяне...

— Сегодня четное число. Хотите, вызовем «Вестник»?— предложила Анна.

Она подошла к столику, на котором стояла небольшая по размеру, но очень мощная радиостанция, нажала какие-то кнопки.

— «Вестник» слушает! Анна, это вы?

— Да, Таомей, привет...

— Привет, Анна. Мы с Брауном как раз собирались вызывать вас. У вас все в порядке?

— Да, Таомей!

— Привет вам и от меня... это я, Браун. Мы летим, но не ощущаем этого. Впечатление такое, что стоим на одном месте! А скорость чудовищная. Таомей, где мы сейчас?

— Как поживает Элий?— спросила Анна.

— Грустит,— ответил Таомей.— Может быть, несмотря на все, нам нужно было побывать на Земле...

Пораженные Бил и Эванс молчали, словно онемев.

— А завтра прилетит наша ракета,— сказал Скрибин.

— Так скоро?— не скрывая своего сожаления, заметил Бил.— Мы останемся на Марсе еще дней десять. Хотим побывать на севере и на юге. Жаль, что мы не сможем вместе вместе лететь на Землю.

Скрибин похлопал его по плечу.

— Бил, вы отличный парень. Я никогда не забуду нашей встречи!

Все утро Скрибин, Анна и Асур сидели под куполом, по очереди дежурили у радиостанции и не сводили глаз с неба.

На оранжевом небе появилась звезда. Она стремительно приближалась с востока. Становилась все ярче и ярче, пронеслась над ними и исчезла. Через полчаса она снова появилась. Теперь она была величиной со спутник Марса—Фобос. При третьем подходе она показалась землянам огромной птицей, которая росла с каждой минутой.

— Анна,— шепнул Эванс,— у меня к вам одна просьба.— Анна, прошу вас, оставьте мне свой адрес. Я хочу вам написать. Вы ответите мне, да?

— Конечно, Эванс.

Она вошла в палатку и немного погодя вернулась с конвертом. Подала его Эвансу.

— Вот адрес.

Скрибин протянул руки молодым американцам. Он выглядел бодрым и веселым.

— Друзья!— сказал он.— Через несколько минут нам придется расстаться. Я никогда не забуду о днях, проведенных вместе с вами на Марсе.

Он пожал им руки.

Вдали среди дыма и пламени медленно опускалась на песок серебристая громада космического корабля.

В этот предвечерний час Марс казался очень гостеприимным и красивым.

КОНЕЦ

Город бегемотов

Эдуард УСПЕНСКИЙ

Я в Африке был,
Я ходил на охоту
И в город попал,
Где живут бегемоты.

В узеньких брючках
И в юбках коротеньких
В школу спешат
По утрам бегемотики.

В черных машинах
В огромные здания
Мчат бегемоты
На заседания.

В поле пасут бегемоты
Коров.
С моря везут бегемоты
Улов.

Ну, а под вечер,
Вернувшись с работы,
Они у домов
Подпирают ворота.

И я говорил
С бегемотом-ученым,
Профессорским званием
Облеченным,

О том, что на свете,
Как это ни странно,
Есть еще люди,
У них свои страны,

Села свои
И свои города.

А он мне на это
Сказал:

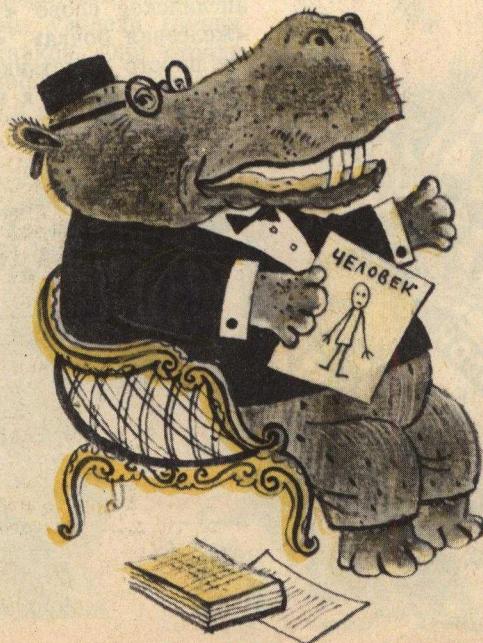
— Ерунда.

Люди живут
В зоопарке, в саду,
И им бегемоты
Приносят еду.

Меня он хотел
Посадить в зоосад,
Но я убежал
И вернулся назад.

Рисунки О. ЗОТОВА

В Москве говорил я
С ученым одним,
Очень солидным
И очень седым,

О том, что на свете,
На дальних широтах
Есть город,
В котором живут бегемоты.

О том, что недавно
Я ездил туда,
А он мне на это
Сказал:

— Ерунда.

Звери живут
В зоопарке, в саду,
И им за решетку
Приносят еду.

МОЛОЧНЫЕ РЕКИ В СТЕКЛЯННЫХ БЕРЕГАХ

Е. РУБЦОВА

Вряд ли я сильно ошибусь, читатель, если скажу, что ты каждое утро за завтраком встречаешься с молоком. Это так просто и обычно — сорвать белую станиолевую шапочку с бутылки и направить в чашку молочную струю. Впрочем, это может быть и бутылка кефира в зеленой шапочке, и бутылка ряженки в малиновой, и простокваша в синей, и ацидофилин в лиловой. А если это сладкий сырок или пачка творога? Суть не меняется. Все равно это встреча с молоком. Обыденная встреча, будничная, совсем привычная, никого не удивляющая.

Справедливо ли это? Среди сказочных образов, созданных народной фантазией, встреча-

ются молочные реки в кисельных берегах. Хочешь ли, читатель, отправиться в путешествие, где нам с тобой тоже встретятся молочные реки? Они текут не в сказочной стране, а в той, где мы живем, вполне реальной и невыдуманной. Но разве мало в ней такого, чего и сказочникам не придумать?

Итак, в путь-дорогу!

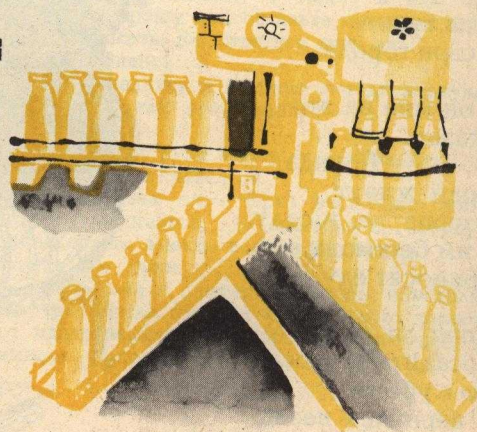
Как и многие великие реки Земли, молочная рождается из маленьких скромных ручейков. Звонкими струйками бьют они в подойники на молочной ферме. Но нет, не будем начинать с истоков. Мы с тобой подойдем к нашей реке в том месте, где она меняет свое русло, где из железнодорожных цистерн и автомобилей-молоковозов мощные насосы перекачивают ее в магистральные трубы завода.

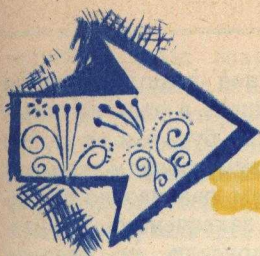
Это Очаковский завод в Москве, самый большой на свете завод молока.

МИРНЫЕ ТАНКИ

Десять танков выстроились в ряд, каждый вместимостью в десять тонн. Нет, нет, я не обмолвилась! Именно вместимостью, а не весом.

При слове «танк» ты, конечно, даже с закрытыми глазами видишь угловатый бронированный корпус, сокрушительные гусеницы, узкие смотровые щели, вращающуюся оружейную башню. Ничего такого ты здесь не заметишь. Тебе смешно, что эти огромные неуклюжие бочки, покрашенные в цвет топленого молока, называются танками? А между тем английское слово «танк» как раз и означает «железная бочка», «железный резервуар», даже просто «жестянка». Грозные боевые машины, появившиеся к концу первой мировой вой-

ны, не имели своего имени и присвоили себе чужое.

Итак, десять тяжелых танков выстроились в ряд. Каждый из них в своем объемистом брюхе хранит не смерть, а жизнь: десять тонн вкусного молока.

Здесь молочная река задерживается ненадолго, потому что это цех приемки. Мы вошли в него, и первое, что нам бросилось в глаза после танков,— это длинные трубы, пересекающие все помещение из конца в конец и уходящие куда-то сквозь стену.

Одна труба прозрачная. Сразу понятно: стекло! Остальные — густо-белого цвета. «Должно быть, белая эмаль или пластмасса», — мелькает догадка, подсказанная глазом. Но глаз обманул. Эти трубы тоже из прозрачного стекла. Белизна у них просвечивает изнутри: это же молоко! Молочная река вошла в стеклянное русло. Нам идти по ее течению. Что-то ждет нас за первой излучиной?

В АППАРАТНОМ ЛЕСУ

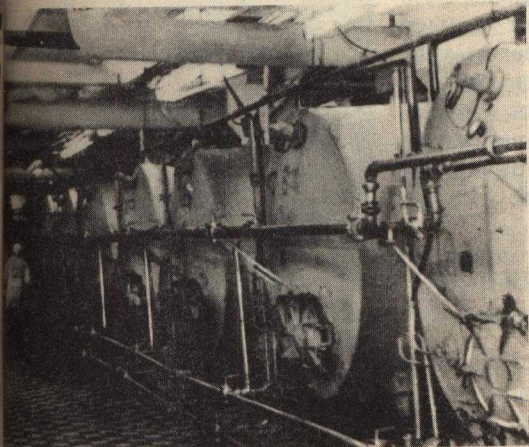
Работники завода говорят об этом месте более прозаично: в аппаратном цехе. Но человеку, попавшему сюда впервые, недолго и заблудиться среди множества разнообразных по виду и по назначению установок. Здесь тихо, как в лесу. Ни лязга, ни стука, ни грохота. И безлюдно, как в лесу. Две аппаратчицы на каждую смену. Их не сразу и заметишь в огромном двухсветном зале, в лабиринте переходов между рядами бесшумных автоматов...

Едва переступив порог, мы увидели группу круглобоких серебристых танков. Они стояли вертикально, упершись в кафельный пол толстыми короткими ножками, и походили на ста-

до каких-то фантастических животных. Каждый танк вмещает шесть тонн молока. Невзначай прикоснувшись к гладкому серебристому боку, я поспешно убрала руку.

— Осторожнее,— говорит, заметив это, начальник производства Нина Антоновна Осипова.— Здесь сейчас мы делаем из простого молока топленое. Превращение идет при температуре в девяносто градусов и длится пять часов. А вот сюда можно заглянуть.— И она открывает дверцу в серебристое брюхо другого танка.

Да ведь это целая комната! В ней легко поместился бы столик, пара стульев, а может, и небольшая раскладушка. Но ничего такого там, конечно, нет. Только блестящие стены из нержавеющей стали да четыре веслообразные лапы-мешалки. Когда здесь заквашивается кефир, все время движутся в белой молочной тьме нержавеющие лапы. Двигаются медленно, всего двадцать оборотов в минуту делают они. Если быстрее, можно повредить сложное и нежное строение молочной жидкости. Кефир из этого

Десять танков выстроились в ряд.

танка уже отправился на разливочный конвейер. Вымытый, стерилизованный и остуженный исполин снова готов к работе...

Не будем заглядывать в каждую установку аппаратной, как заглянули в «кефирный танк». Самое интересное в них происходит как раз во время работы, когда заглянуть внутрь можно лишь мысленно.

Вот, например, вдоль прохода выстроились попарно центробежные фильтры. Они очищают молоко. В них действуют те же законы физики, что и на тренировочной центрифуге космонавтов. Только здесь центробежные силы несравнимо больше, потому что внутренний барабан вращается с огромной скоростью: семь тысяч оборотов в минуту.

Теперь вообразим, что мы посадили муху на барабан работающего центробежного фильтра. Муху весом всего в один грамм. Бешеное вращение даже при небольшом радиусе в сорок сантиметров увеличило бы ее «вес» до двадцати килограммов. Иначе говоря, несчастная муха испытывала бы чудовищные перегрузки. Соринки, конечно, гораздо меньше мухи. Но легко представить, с какой силой барабан вышвыривает их из молока на улавливающую стенку.

А вот еще аппараты с длинным и трудным названием «гомогенизаторы». С виду они похожи на плоские шкафы из нержавеющей стали. Но если представить себе, что внутри — давление океанских глубин? На полтора километра в царство подводного мрака надо погрузиться, чтобы найти такое давление в природе. Океанские давления плюс семьдесят градусов тепла изменяют в этих шкафах строение молока, улучшают его свойства. Автоматические регуляторы строго следят за режимом и, если что не так, возвращают молочный поток на повторную обработку.

У другой стены зала видны заквасочные резервуары. С их загадочными обитателями — с невидимыми химиками, без которых не было бы ни кефира, ни ряженки, ни ацидофилина, мы еще встретимся дальше.

Однако внимание! Белые трубы делают крутой поворот по вертикали и уходят куда-то под пол. Нырнув в лестничную клетку, быстро спускаемся вдогонку за молоком с третьего этажа на первый.

ДОРОЖКА-БЫСТРОНОЖКА

Перед нами снова огромный зал. Только здесь все по-иному. Там, наверху, события происходят в таинственных недрах герметических вместилищ за непроницаемой для глаза толщей металлических стен, а снаружи — тишина и неподвижность. Здесь же все на виду, все в движении, только успевай смотреть.

По всему залу протянулись узкие, с высокими бортиками дорожки конвейеров, а по ним, вернее, вместе с ними, бегут бутылки. То они чинно движутся по прямой, то вдруг суетливо

куда-то заворачивают и под разными углами пересекают зал. Разобравшись в этих сложных маневрах, мы замечаем, как бутылки от мойки разбегаются гуськом по двум тропкам, как эти тропки приводят их к двум разливочно-укупорочным автоматам, как, захваченные автоматом, они кружатся на карусели, по очереди подставляя горлышко под молочную (или кефирную) струю, как... Нет, стоп! Тут слишком много всего происходит, чтобы вместить в одну фразу! Ведь пока бутылки кружатся и наполняются (когда мы смотрели, это был кефир), сверху в автомат втягивается станиолевая лента, от нее — для каждой бутылки по очереди — отсекается кусочек и специальным пневматическим стаканчиком обжимается вокруг горлышка, так что с карусели на дорожку бутылки отправляются уже в зеленой шапочке. Теперь, наполненные и закупоренные, гуськом бегут они дальше, к развилке, где дорожка-быстроножка соединяет их парами, потом пары с двух конвейеров сходятся вместе и по четыре подходят к автомату-укладчику. Как только пять четверок оказываются под его шляпкой, враз опускаются пневматические пальцы-захваты и, приподняв одновременно все двадцать бутылок, мягким и быстрым движением ставят их в гнезда проволочной корзинки. Корзинка тут же рывком отодвигается. На ее место в точном ритме становится новая, а пальцы захватывают следующую двадцатку... Скоро дело делается, да не скоро сказка оказывается. Пока ты прочитаешь эти строки, автомат уложит в десять корзинок две сотни бутылок.

Дальше, в сторонке, работает автомат, расфасовывающий молоко в бумажно-полиэтиленовые пакеты. Этот все делает сам. Сам сворачивает в трубку спускающуюся с потолка бумажную ленту, дублированную полиэтиленом, сам горячим зажимом проутюживает шов, чтобы сварить полиэтилен. Сам наполняет трубку молоком, отрезает и одновременно сваривает в месте обрыва, а затем аккуратными шестиугольниками бок о бок укладывает полиэтиленовые пирамидки в проволочный контейнер.

РУЧНЫЕ МИКРОБЫ

Ну вот мы с ними и познакомились, с представителями таинственного народца, жи-

вущего в тепле заквасочных танков! Только случилось это не в аппаратном цехе, а в центральной лаборатории завода, среди термостатов, автоклавов, сушилок и центрифуг.

Увидеть невидимок не так просто. Сотруднице микробиологического отдела лаборатории пришлось увеличить их для этого в тысячу пятьсот раз. С помощью микроскопа, конечно!

Мы по очереди подходим к микроскопу и заглядываем в окуляр. В светлом кружке видны какие-то крохотные продолговатые тельца, соединившиеся в цепочки. Это ацидофильные палочки.

Еще одно стеклышко ложится под нацеленный объектив. Тоже палочка, но другой породы. Она изготавливает ряженку и простоквашу. Называется эта палочка болгарской. Такую же работу выполняют и те малютки, которых мы видим на третьем стеклышке. Крохотные шарики, сгруппированные как бусинки в ожерелье. Это молочнокислые стрептококки. Пожалуйста, не путай их со стрептококками, которые наделяют нас ангиной. Те — враги, эти — друзья.

А вот и четвертый «химик» — кефирный грибок. Его родина — горные пастбища и кожаные бурдюки, в которых чабаны заквашивают молоко. Здесь и раздобыли этих полезных невидимок охотники за микробами.

На прощание микробиологи говорят так:

— Все невидимки, которых вы здесь узнали, полезные труженики, помощники человека. Но самая полезная среди них ацидофильная палочка. Она трудится не только на молочных заводах. Выпитая вместе с ацидофилином, она не погибает, как другие, в кислотах и ферментах

желудочного сока. Живая и невредимая, она поселяется в кишечнике человека и ведет там санитарную и лечебную работу. Пейте почаще ацидофилин!..

Пока мы в лаборатории рассматривали невидимок, могучее течение молочной реки прокладывало свой путь в широкий мир. Миллионы бутылок, двести тысяч молочных пакетов, молоко стуженное, сладкие сырки, творожная масса, просто творог уходили из Очакова. Они шли в магазины, школьные буфеты, столовые. Торопились к тебе на завтрак.

Здесь, в заквасочных танках работают «химики»-невидимки.

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ВОТ КАКИЕ ПАРЫ!

Удачные пары
У нас подобрались —
Сойтись по характерам
Мы постарались:
За парту со Смеховым
Сел Горюнов,
С Овечкиной — Волков,
С Беловым — Чернов.

Стеклову с Рогаткиной
Славно сидится.
Смирнов на Буйновскую
Не наглядится.
Доволен вполне
Пивоваров остался,
Поскольку ему
Водохлебов достался.

Привольно живется
Теперь Тугодумовой,
Все списывать может
У Остроумовой.
Сдружились отныне
На веки веков
Охотников, Зайцев,
Ершов, Рыбаков.

Прекрасная пара —
Морозов и Жаров.
Кудрявцев с Лысенко —
Чудесная пара.
Жаль, Мышкиной сесть
С Ивановым пришлось,
Ведь Кошкина в классе,
Увы, не нашлось!

Из сказок на английский манер

РЫБКА

Плавала в реке Темзе Рыбка с двумя хвостами. Ей говорили:

— А-а, не притворяйтесь! Мы ведь знаем, что рыбок с двумя хвостами не бывает.

Обидно было Рыбке. «И зачем мне второй хвост? — думала она. — Только лишние хлопоты: того и гляди, за корягу зацепишься или в сетях запутаешься».

Однажды попалась Двуххвостая на удочку. Вытащил ее Рыбак и сказал:

— Вот здорово!

А Рыбка ему:

— Что «здорово»? Что «здорово»? Обрадовался, что поймал рыбку с двумя хвостами? Все равно тебе никто не поверит.

«А ведь и правда, не поверят, еще и засмеют», — вздохнула рыбка и выбросил Рыбку в Темзу.

— Ну вот! Наконец-то мне пригодился второй хвост! — обрадовалась Рыбка, вильнула хвостами и уплыла.

Вадим ЛЕВИН

Рисунки

А. БОРИСОВА

**ТРАМ-ТАМ-ТАМ!
ТАМ-ТА-РА-РАМ!**

TAM.TAM

Отряд в пути

Карта ПРОТИВНИКА

ВНИМАНИЕ!
Команда получает
столько очков, сколь-
ко коротких и остро-
умных версий хода
боя сумела предло-
жить.

УГОВОР: команда получит лишнее очко за лозунг, который после игры можно использовать в лагере.

З перег! К ногге!

НЕ СДАВАЙСЯ!

Не робей! ✿ 🎵

НЕЗЕВАЙ! 🌞 ✿ ✿ ✿

Музей *трех* мушкетеров

До нас дошел слух, что следопытам твоего лагеря удалось пройти по следам сражений ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ. Рассказывают, будто собраны уникальные документы, реликвии, записаны воспоминания очевидцев событий. Говорят, что в прошлое воскресенье открылся музей имени Д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса.

Будь добр, проведи нас по залам этого музея, познакомь с его экспонатами.

Можно *мне* искупаться?

Представь себе, что ты не имеешь права искупаться без разрешения звеньевоего, председателя совета отряда и дежурного члена совета дружины. Все ответственные товарищи из команды-соперницы. Все они невозможно вежливы. Сказать просто «можно» или «нельзя» они не в состоянии, они долго объясняют все «за» и «против» и... выигрывают, если ты не сумеешь добиться разрешения за три минуты. Ровно за три минуты. И ни секунды больше!

Итак, в бой! Кто из вас вежливее? Кто настойчивее? Кто остроумнее?

Был бы я вожатым...

Скажи честно: никогда не приходилось тебе подумать, а может быть, даже сказать вслух: «Был бы я старшим вожатым, вот бы у меня в лагере были порядочки...» Ну так вот, сегодня ты старший пионервожатый. Расскажи нам про свой лагерь!..

Где его найти? Как он выглядит?

Чем в нем занимаются? Во что играют?

За что ругают? За что хвалят?

Какие в нем законы и порядки?

ОКТАБРЯТА СПРАШИВАЮТ...

Однажды октябрята самого младшего отряда спросили у пионеров, которые читали им сказку о Коньке-Горбунке: «Какое оно, Чудо-юдо рыба-кит?» Пионеры растерялись. Никто не смог ответить.

Наверняка и ты много раз встречался в сказках с Чудом-юдом, со Змеем-Горынычем, с Кощеем-Бессмертным. Можешь нарисовать их портреты?

2 минуты в космосе

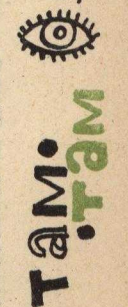
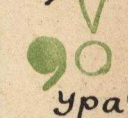
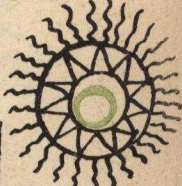
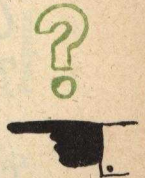
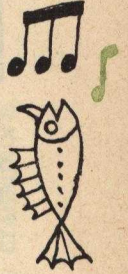
Твоя команда придумала превосходный научно-фантастический рассказ. Действие разворачивается в космосе. В рассказе вы, хитрецы, умышленно допустили пять астрономических и технических ошибок. Команда-соперница раскрывает ошибки и... получает пять очков. Теперь твоя команда слушает рассказ, находит ошибки и зарабатывает очки.

УСЛОВИЕ: еще пять очков получает команда, рассказ которой оказался интереснее, короче, остроумнее. Если ошибки не замечены, если рассказ скучен, если он длится больше пяти минут, — штраф: минус пять очков!

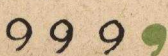
СМЕЛЕЕ В БОЙ! ЖЕЛАЕМ УСПЕХА
ТВОЕЙ КОМАНДЕ!

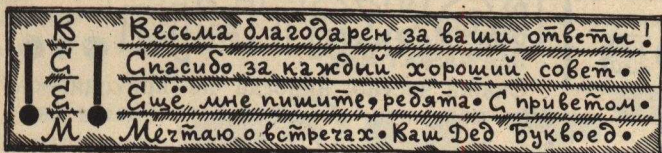

ТАМ-ТАМ

не робей • не робей • не робей • с! м! е! л! е! е!

Ответственный дежурный
 Никита РАЗГОВОРОВ

СЕМЬ ТУРИСТОВ

Семь туристов идут по дороге
 На закате июльского дня.
 Первым шествует Влас быстроногий,
 Он плечистый и выше меня.

Я, признаться, завидую Власу,
 Мне б хотелось быть рослым, как он,
 Но зато я доволен ужасно,
 Что не толст я, как толстый Семен.

И не тощ я, как хилый Валерий.
 Я совсем на него не похож.
 Он в очках,
 И к тому же, как вы разглядели,
 На руке он несет макинтош.

За Валерием с грудой поклажи
 Выступает могучий Андрей,
 Он плечистее Власа, и даже
 Он, пожалуй, немного сильнее.

У Кирилла на поясе фляга,
 И с такой же шагает Федот,
 Но Федот — он ужасный стилиста:
 Кто же с зонтиком ходит в поход?

Семь туристов идут по тропинке
 На закате июльского дня.
 Отыщите теперь на картинке
 Пантелеймона — то есть меня.

вместо диплома

— Нам хотелось бы услышать ваш рассказ, — просили гости барона Мюнхаузена, — о каком-нибудь исключительном случае, неожиданном происшествии или опасной битве, когда вы смогли действительно убедиться, что умеете по-настоящему владеть собой.

— Извольте, — ответил барон и, подойдя к своему письменному столу, вынул из ящика два куска белого картона, на каждом из которых четким почерком было несколько раз написано: «Ваш покорный слуга барон Мюнхаузен».

— Эти кусочки картона, — продолжал он, — подтверждают лучше и нагляднее, чем все мои военные трофеи, сколь великим самообладанием я наделен.

А связана с ними вот какая история. Однажды герцог Фуркундский попросил меня возглавить дипломатическую миссию, которую он направлял к принцу Пимпонскому. Предстоял разбор очень запутанного дела, вызывавшего ожесточенные споры.

— Умеете ли вы владеть собой? — спросил меня герцог. — Там придется проявить максимум хладнокровия и выдержки.

— У меня нет диплома, который мог бы вам это подтвердить, — ответил я герцогу, — но я уверен, что никто на свете не владеет собой так, как я. Вы сможете сейчас в этом убедиться. С этими словами я попросил принести мне два плотных листка бумаги. Приложив один из них ко лбу, я написал: «Ваш покорный слуга барон Мюнхаузен», — затем, сев за стол, я четко вывел те же слова на другом листке, ни на секунду не переставая при этом описывать под столом круги левой ногой.

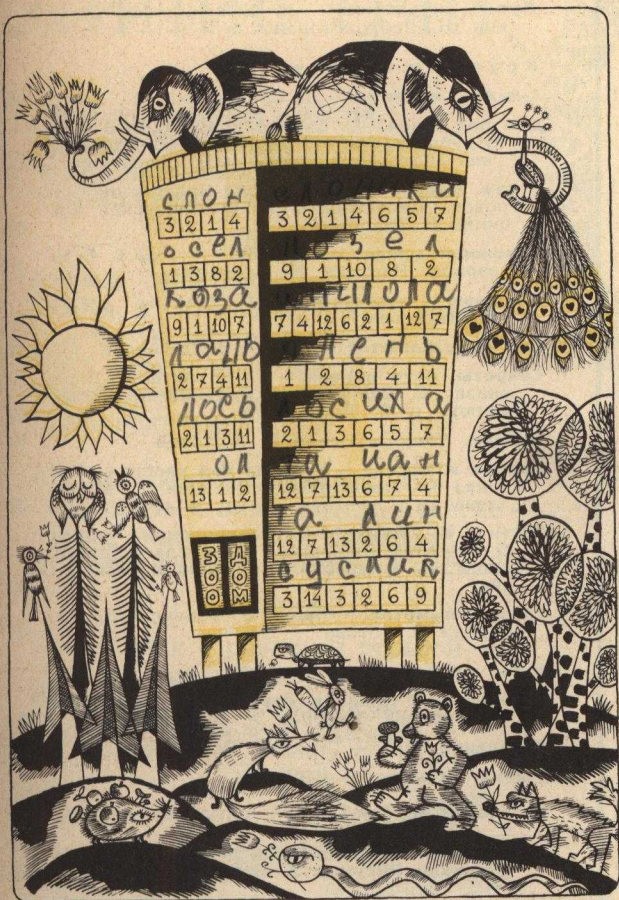
— Что вы делаете? — удивленно спросил меня герцог.

— Попробуйте, — сказал я, — повторите эти два опыта и вы убедитесь, что успешно произвести их может лишь тот, кто великолепно владеет собой.

— Это действительно так? — спросили гости.

Вместо ответа барон протянул им взятые из ящика письменного стола чистые куски картона и карандаши.

— Испытайте ваши возможности, господа!

НОВОСЕЛЬЕ

Ходит дом ходуном,
Бурное веселье:
У слонихи со слоном
Нынче новоселье.
С самых разных широт
Гости прикатили,
Завели хоровод,
Скачут по квартире.
Шум, и топот, и смех,
Радостные лица.
Перечислите-ка всех,
Кто здесь веселится!

Рисунки В. СТАНИЦКОГО

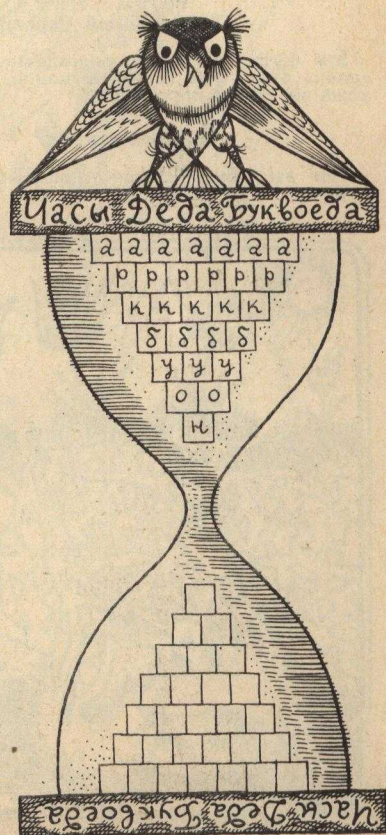
Легко сказать, перечислите! Тех, кто спешит на новоселье, хорошо видно, но зато в самом доме нет ничего, кроме цифр!

Присмотритесь к ним, однако, повнимательнее: каждая цифра заменяет букву, одинаковые цифры — одинаковые буквы. Взяв карандаш и бумагу, вооружившись смекалкой и терпением, вы сможете обнаружить тех, кто веселится вместе со слоном и слонихой.

заводим часы

Что за палата без часов! Я долго возился, пока не смастерил для вас вот эти часы. Как они действуют? Так же, как песочные. В верхнюю часть я насыпаю семь слоев разных букв, буквы начинают просачиваться вниз. Но тут им необходима ваша помощь. Следите за тем, чтобы внизу из них образовывались слова. Причем в самое нижнее слово (семь клеточек) должно войти по одной букве из всех семи слоев, в следующее — по одной из всех шести (считая сверху) и т. д. Все образующиеся слова — имена существительные, за исключением тех, которые приходится на две клеточки, здесь могут быть и местоимения, и союзы, и частицы, а в одной клеточке — и просто отдельные буквы.

ЗАПОМНИТЕ, КАК ДЕЙСТВУЮТ ЧАСЫ! Они будут стоять у нас в Палате Ума всегда, а буквы я буду засыпать каждый раз новые. На то, чтобы все они просочились вниз и сложились в слова, уходит обычно... Но сколько минут на это уходит, вы подсчитаете сами и сообщите мне.

А как по-твоему?

(Ответы на вопросы со стр. 35)

1. Может, последний рекорд погружения только с ластами и маской превышает 65 метров.
2. Тихий океан. Глубина Марианской впадины в нем — 10 910 метров.
3. Бывает. Красный цвет морской воде могут придать обитающие в ней красные рачки и черви — такое явление наблюдается у берегов Калифорнии. Белой становится морская вода от взбалученного во время прилива кораллового песка или мела.
4. Пешком ходит по дну водолаз и еще рыба тригла. Внимательно посмотри рисунок на стр. 30 и ты увидишь ее. На Черном море триглу называют морским петухом.
5. При быстром подъеме с глубины внутри рыбы сохраняется высокое давление. Оно может даже разорвать рыбу.

УМА ПАЛАТА • ПАЛАТА УМА

Ответы на задачи, помещенные в № 6

Три сороки

Первая сорока гостила у сойки, жаворонка и кайры. Вторая — у совы, вороны и утки. Третью позвали в гости сокол, дрозд и канарейка.

Скверный Пьер

Вот какие изменения сделал художник во второй иллюстрации:

1. У одной из девочек нет очков.
2. Под ногами у первой подружки нет мячика.
3. У мальчишки немного изменен костюм.
4. Зонтик у людей, сидящих вдалеке, тоже нарисован по-другому.
5. В книжке, которую читает одна из девочек, не хватает черного квадрата.
6. Да и книжку она держит иначе, чем на первом рисунке.

Необычайная операция

Девочку зовут Ира.

Азацад

Сколько мышей вы видите на рисунке? Догадались? Конечно же — всех.

Хитроумный Сережка

Эту шутку вы сразу разгадали. В слове «поросенок» буква «К» стоит на конце. Этим она и похожа на хвост поросенка.

Помогите кроту

Так вы помогли кроту выбраться из темной норы?

СОДЕРЖАНИЕ

София — страна фестиваля	1
Последний парад.— Повесть В. Железникова. Рисунки И. Пчелко	2
Девиз — солидарность! — А. Крушинский. Рисунки А. Борисова	20
Рисуют дети Вьетнама.— А. Сербин	22
Летите, журавлики! — И. Кожевникова. Рисунок Н. Доброхотовой	24
Крупным планом	
Ань-Ань и Чи-Чи.— И. Сосновский	26
Дом под водой.— С. Сахарнов. Рисунки Б. Стародубцева. Фото Ю. Транквилицкого (журнал «Советский Союз») и Н. Шестакова	30
Я сам. Мудрая Унах.— Сказки Британских островов. Пересказала Н. Шерешевская. Рисунки И. Галанина	36
Обложной дождь. На отмели.— Стихи Т. Белозерова. Рисунок Н. Степанова	43
Книжные художники.— И. Уварова. Фото С. Карасева	44
Они отправляются в путь.— Л. Симонова	50
Секреты пяти линеек.— Л. Бернштейн. Пересказал С. Соловейчик. Рисунки Ю. Владимирова и Ф. Терлецкого	52
Чердан. Лопух.— Стихи Н. Юрковой	54
Старик и внучка — русалка без хвоста.— Рассказ О. Тихомирова. Рисунки Е. Медведева	54
Гости с Миона.— Фантастический роман П. Стыпова. Окончание. Перевела с болгарского Р. Андреева. Рисунки М. Алексеева	62
Город бегемотов.— Стихи Э. Успенского. Рисунок О. Зотова	71
Как все это делается	
Молочные реки в стеклянных берегах.— Е. Рубцова. Рисунки А. Борисова	72
Вот какие пары.— Стихи С. Погореловского	75
Рыбка.— Сказка В. Левина	75
Веселая игра Там-Там.— Л. Симонова. Рисунки Б. Кыштымова	76
Ума палата. Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки В. Стадинского	78
На обложке: Рисунок Н. Тырсы к стихам С. Маршака.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль,
Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь),
Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов,
А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная,
М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 53-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор В. Пархоменко.

А 00109. Подписано к печати 6/VI 1968 г.
Формат бумаги 60×84 $\frac{1}{2}$. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 918 100 экз. Изд. 1197.
Заказ № 1431.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СОФИЯ— СИНИЕ ОЧИ

Горы свили венок золотой,
Город мой молодой украшая,
А над ним небосвод голубой,
Словно синие очи, сияет.

Припев:

София, сини твои глаза;
София, в солнечном блеске коса.
Что бы ты ни покинул,
Хоть север, хоть юг,
Поджидает, поджидает
Здесь искренний друг.

В этом городе много детей,
И дружить с ними вместе чудесно —
Камни улиц, асфальт площадей
Встретят каждого смехом и песней.

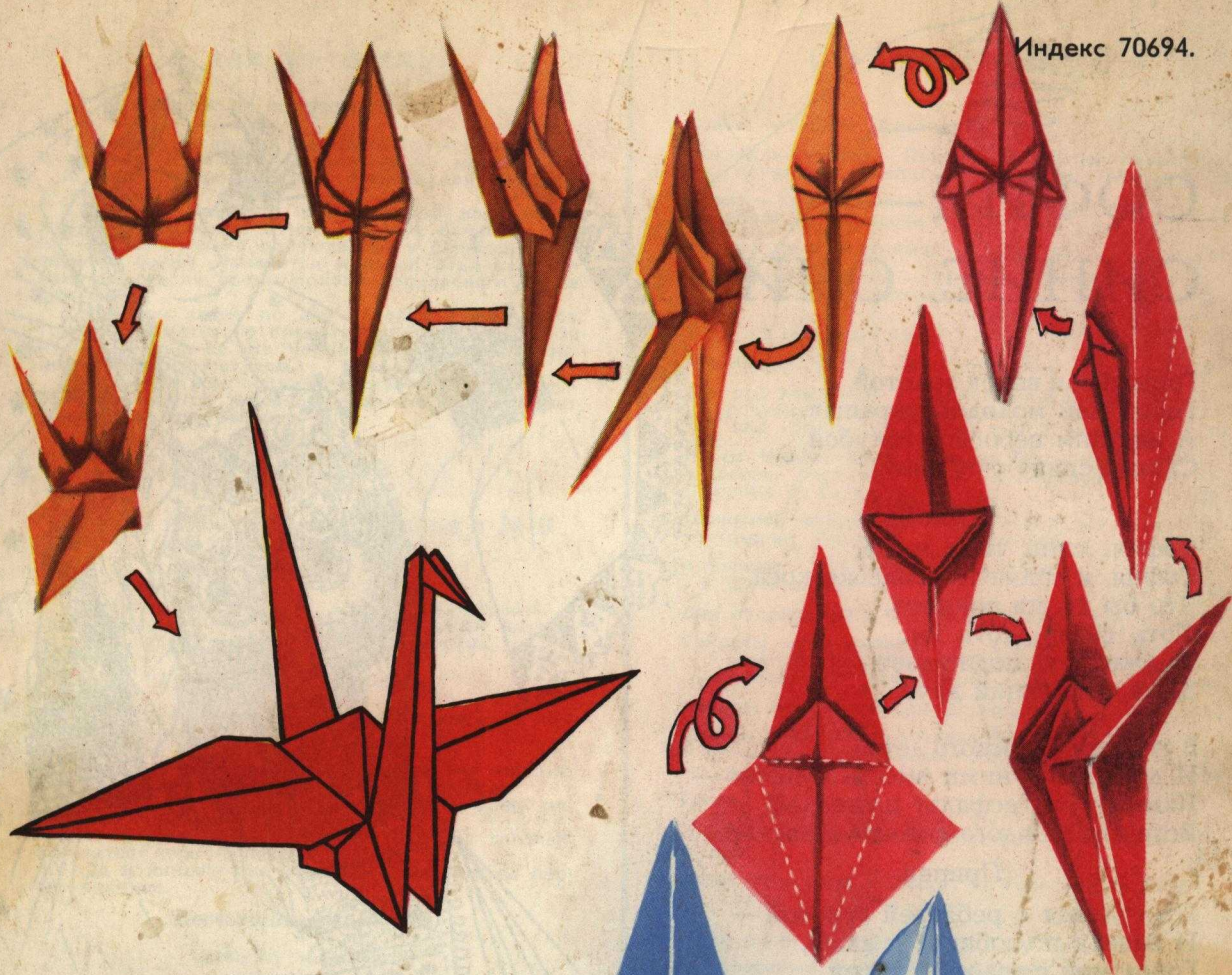
Припев.

Прогуляйся с ребячьей гурьбой —
И навеки полюбишь, я знаю,
Город мой с золотою косой
И с небесными чудо-глазами.

Припев.

Музыка П. СТУПЕЛА
Слова Р. ВАСИЛЕВА

“...САЮРИ достала из сумочки двух журавлей, развернула их и стала складывать заново, говоря: — сначала так, потом так, потом расправьте крылья, подуйте в дырочку — и журавль готов...”

(Не забудь заглянуть на 24-ю страницу.)

Попробуй-ка и ты сделать журавлика по этим рисункам

